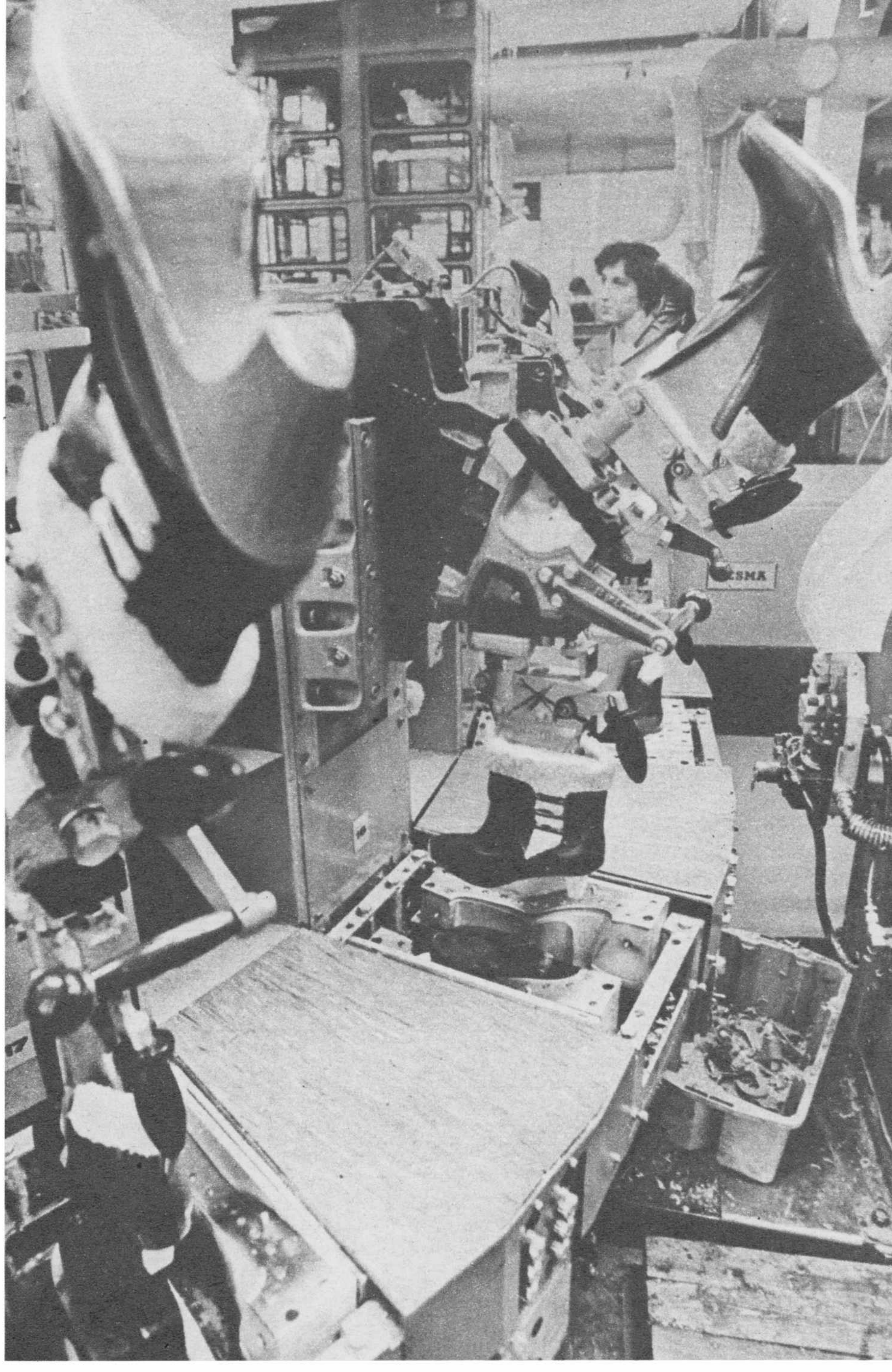

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 51 ДЕКАБРЬ 1983
1983

Генеральный директор Г. В. Муханов (слева) беседует с молодым мастером Александром Карабановым.

Одна из линий конвейера.

ДОБРО ПОЖАЛОВ

— Чем порадуете?

С таким вопросом в канун Нового года наш корреспондент обратился к руководителю московского производственного обувного объединения «Заря» Герою Социалистического Труда Г. В. Муханову.

— Добро пожаловать за обновками! — пригласил генеральный директор. — К услугам покупателей немало новых моделей самой разнообразной обуви, сработанной в цехах наших предприятий. В предстоящем году новинок будет гораздо больше.

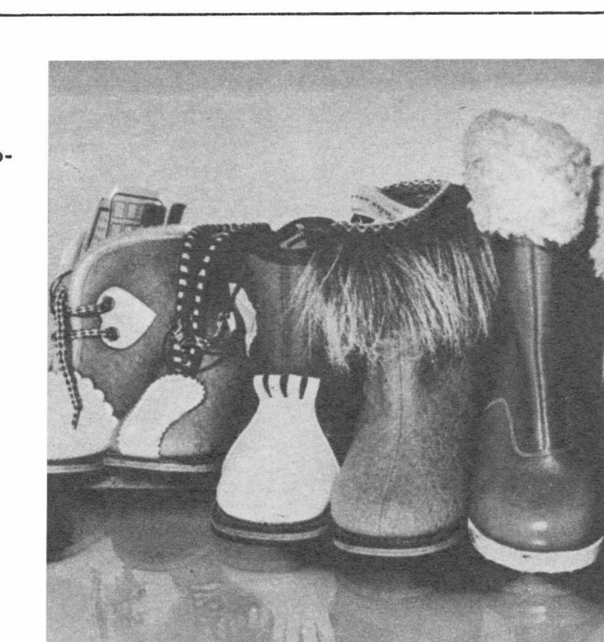
Интервью с Г. В. Мухановым на стр. 7.

А вам нравится эта модель?

Выбирай на вкус.

Фото М. САВИНА

Давай примерим.

—нужны товары разные и хорошие

АТЬ ЗА ОБНОВКАМИ!

Таким нарядным сапожкам не грех присвоить индекс «Н».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (2944)

17 ДЕКАБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

В эти дни, когда над планетой нависла зловещая тень ядерной войны, советские люди твердо и решительно требуют сделать все возможное, чтобы сохранить мир.

На снимке: массовая антивоенная манифестация в Орле.

Многолюдный митинг на Тбилисском станкостроительном заводе имени С. М. Кирова.

ДЕМОКРАТИЯ ПО-АМЕРИКАНСКИ

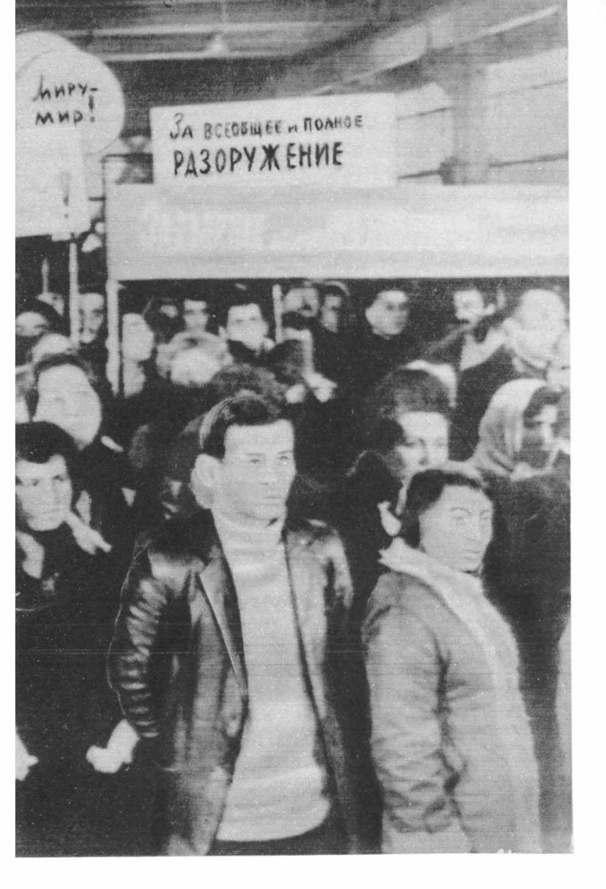
Президент США Рейган утверждал: американские войска прибыли на Гренаду, чтобы «освободить» находившихся там американских граждан (которым, кстати, никогда и ничто не угрожало) и содействовать «возвращению Гренады в лоно демократии». Прелести экспортного варианта демократии с клеймом «сделано в США» хорошо познал на себе народ Гренады. Бомбежки, гибель людей, аресты без всякого повода, долгие и жестокие допросы, концентрационные лагеря — все это стало знакомо жителям небольшого острова в Карибском море.

Террор и насилие — вот что принесли с собой американские рейнджеры. Стремясь скрыть следы своих преступлений, они сжигают и закапывают трупы убитых патриотов. Это и есть демократия по-американски.

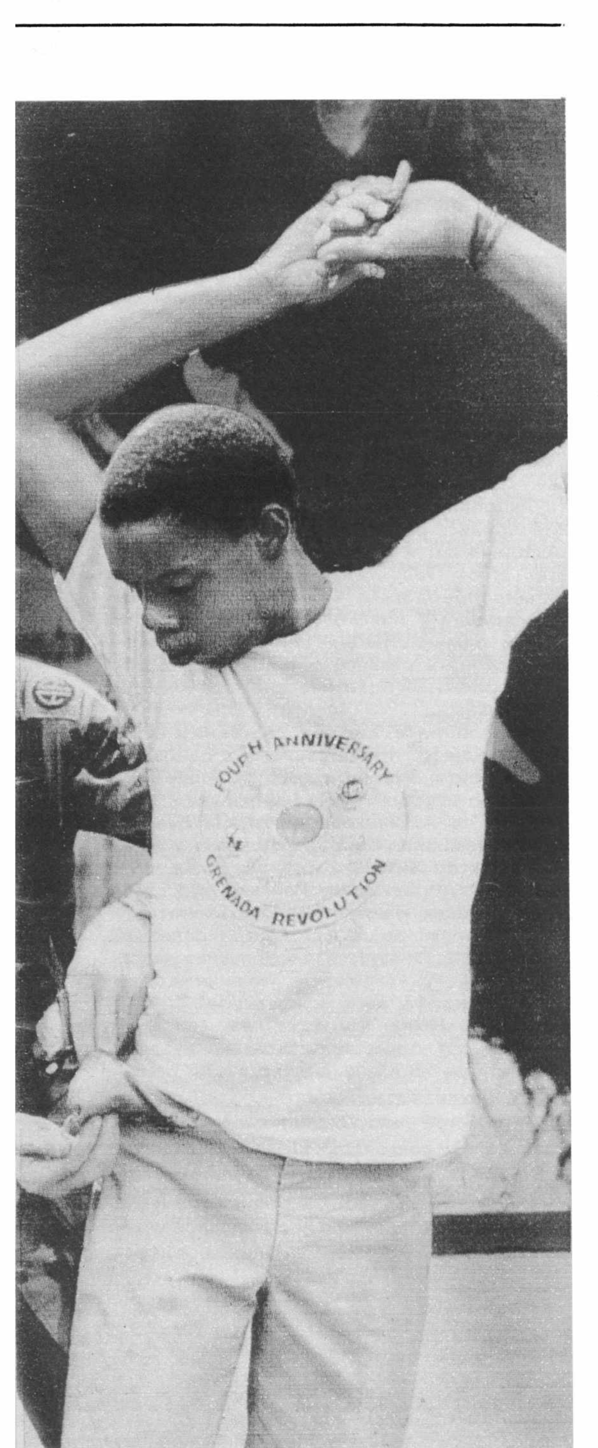
Белый дом стремится увековечить оккупацию Гренады, оставив своих солдат в этой стране на долгие времена. Но агрессорам так и не удается полностью сломить сопротивление патриотов.

Фото из журнала «Ньюсуик»

Телефото Н. Малышева, Л. Тучнина и Г. Киквадзе (ТАСС)

МИР НУЖЕН ВСЕМ

Владимир КАРПОВ,
писатель, Герой Советского Союза

Мир... Сколько надежд связывает с ним любой человек и все человечество в целом!

Когда я думаю о судьбах мира, мысли невольно возвращаются к фронтовым друзьям-товарищам, павшим во имя того, чтобы добыть этот мир, погасив пламя войны. Огонь военных пожарищ никогда больше не должен вспыхнуть на нашей прекрасной Земле.

Мое поколение видело, сколь страшные бедствия приносит война народам. Мы боролись за свободу, Родину, очищая от гитлеровцев нашу землю, мы освободили порабощенную фашизмом, истерзанную Европу. Среди огня и смерти мы страстно мечтали о тишине над хлебными пашнями, над возрожденными из руин городами, о счастливой улыбке любимой женщины, девушки, а кто женился до войны — о женах своих и безмятежном лепете ребенка... В самые тяжкие минуты, зимой 1942 года на Калининском фронте, когда, казалось, уже нет сил, я и мои друзья думали не о беде непоправимой, а о том, что мы выстоим и победим. А в короткие часы отдыха между боями мы мечтали о будущей мирной жизни — это согревало нас, придавало силы, окрыляло и помогало одерживать верх над врагами.

Мир стал для советских людей торжеством великой победы в битве с фашистами. Советские люди заплатили за эту победу дорого, поэтому, помня о погибших, мы, как никто, умеем ценить завоеванный мир. Благодаря неустанным усилиям нашей партии, советского народа под мирным небом выросли новые поколения, не знающие голода и бомбежек. Во имя их счастья мы, старые солдаты, шли тяжкими дорогами войны, шли с верой в победу. Этой высокой цели в конечном счете отданы сердечные помыслы героя и его боевых соратников моей повести «Полководец».

Казалось, что после кровопролитных сражений второй мировой войны человечество, наученное горьким опытом, никогда больше не допустит повторения пережитых бед и ужасов. Но вот на глазах моих сверстников — кое-кто из них так и не залечил полученные на фронте ранения — с Запада вновь зазвучали безумные призывы к новой мировой бойне и начат «крестовый поход» против нашей страны. Только теперь уже речь пошла о войне, в которой, как хорошо известно всем, не будет ни победителей, ни побежденных, а будет всеобщее уничтожение и гибель человечества.

«Почти сорок лет — больше чем когда-либо в современной истории — Европа живет в условиях мира... Сложившееся в Европе примерное равновесие военных сил, в том числе ядерных, между государствами Североатлантического союза и государствами Варшавского Договора объективно служило делу европейской безопасности и стабильности». Эти неоспоримые слова из Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова четко отражают реальные результаты многолетней мудрой политики Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства по предотвращению угрозы ядерной войны.

Глубокая забота о сохранении мира на Земле, разделяемая миллионами людей во всех уголках планеты, вызвала к жизни этот убедительный документ твердости, ясности и доброй воли. Его горячо поддерживает советский народ, за него голосует все прогрессивное человечество.

По роду своей писательской деятельности мне довелось побывать во многих странах. И всюду я был свидетелем того, как люди различных политических взглядов и убеждений объединяются перед лицом зловещей опасности ядерной войны, сплачивают ряды в борьбе за мир и разрядку международной напряженности. Каждый день мы видим на экранах телевизоров многотысячные демонстрации борцов за мир — так на деле проявляется их солидарность с миролюбивой внешней политикой Советского Союза и других социалистических стран.

Да и как, собственно, может быть иначе! Ведь авантюристические действия рейгановской администрации поставили мир на грань катастрофы. Начало размещения на территории ФРГ, Великобритании и Италии нового американского ракетно-ядерного оружия первого удара вопреки массовым протестам и манифестациям общественности этих стран полностью разоблачило ложь делегации США на переговорах в Женеве, лицемерные разглагольствования президента Соединенных Штатов о стремлении к миру. «Першинги-2» и крылатые ракеты делают сегодня Западную Европу ядерной заложницей заокеанского партнера, и это теперь отчетливо понимают здесь даже те, кто привык верить пресловутому мифу о «советской военной угрозе».

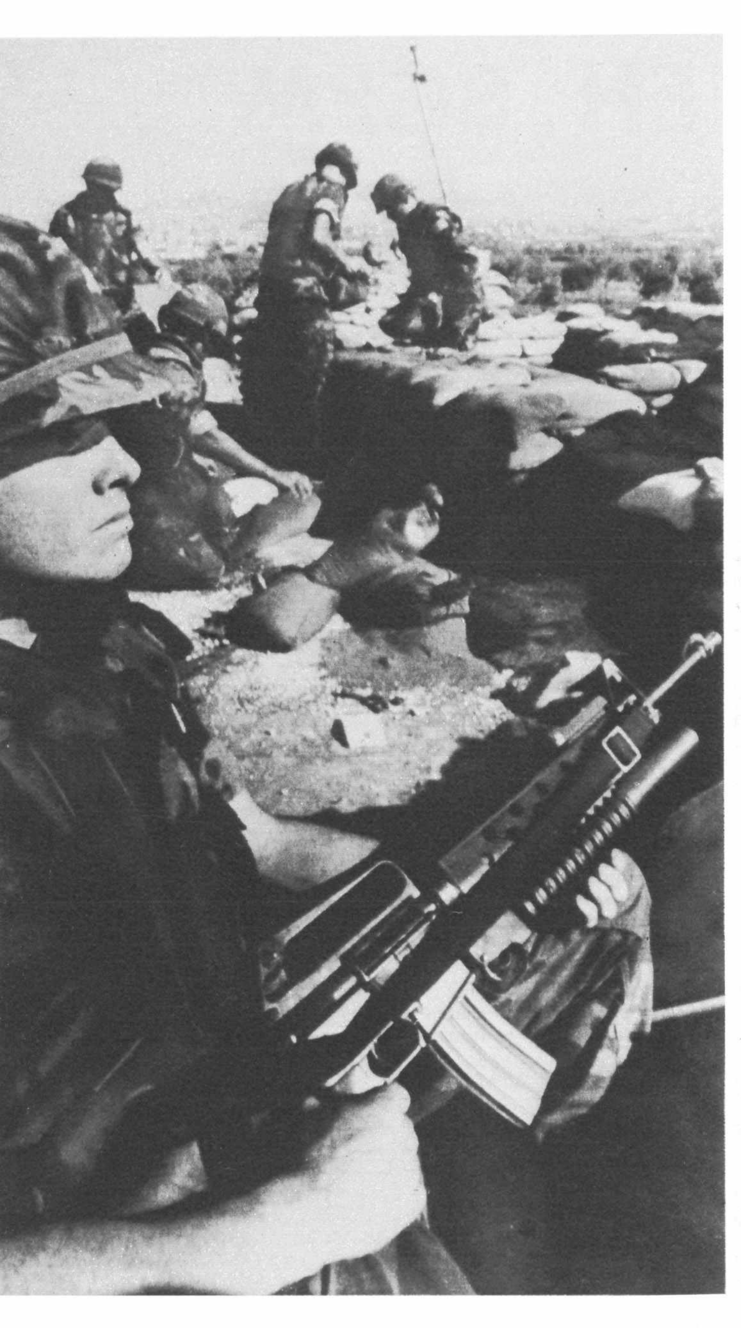
Остановить новый опасный виток гонки вооружений, уберечь мир от непоправимой беды — к этому настойчиво призывает народы планеты Заявление Юрия Владимировича Андропова. Несмотря на авантюризм рейгановской политики, мы сохраняем открытым путь для разумных мирных инициатив. Мы всегда готовы пойти навстречу мирному решению в сегодняшней сложнейшей ситуации. Исходит это не от нашей слабости. Нет, нас никому не удастся запугать. Мы сумеем надежно защитить себя и своих союзников. История уже показала тщетность попыток разговаривать с нами с позиции силы. Обречена на провал и нынешняя затея ядерного шантажа нашей страны, предпринятая президентом Рейганом. И об этом со всей твердостью говорится в Заявлении товарища Ю. В. Андропова.

«Мы уже и сейчас живем в слишком хрупком мире. Ответственные государственные деятели должны поэтому оценить происходящее и принять рациональное решение»,— говорится в Заявлении. Спокойные, взвешенные и рассудительные слова. Они доходят до сердца каждого, вызывают широкий отклик во всем мире. Средства массовой информации продолжают ежедневно приносить из-за рубежа все новые сообщения о нарастающем возмущении преступными планами американской администрации. К усиливающимся протестам общественных кругов Запада, в том числе и Соединенных Штатов Америки, присоединяются сегодня многие видные писатели, ученые, художники. Но есть за рубежом и такие, кто пока колеблется, страшится сделать выбор. Их мы призываем внять голосу совести, голосу разума и ответить в этот серьезный, можно сказать, критический час на жгучий вопрос современности: с кем вы, мастера культуры?

Не будем забывать: угроза миру — это угроза не только жизни людей, но и духовным ценностям, всему, что создано и создается человеческим гением. Советские литераторы, как и весь наш народ, хорошо понимают, куда способно завести безудержное накопление ракетных арсеналов. Вот почему в строках Заявления товарища Ю. В. Андропова мы видим выражение наших общих дум и чаяний, подтверждение незыблемого ленинского курса КПСС.

Единство партии и народа, всех национальностей Советского Союза, всех поколений граждан нашей страны — могучая сила, которую никто и ничто не поколеблет. За нами — почти семь десятилетий беспримерного исторического пути, невиданные свершения и победы. Не щадя жизни, мы завоевали мирное небо нашим детям и хотим, чтобы они встретили XXI век, не омраченный тучами войны.

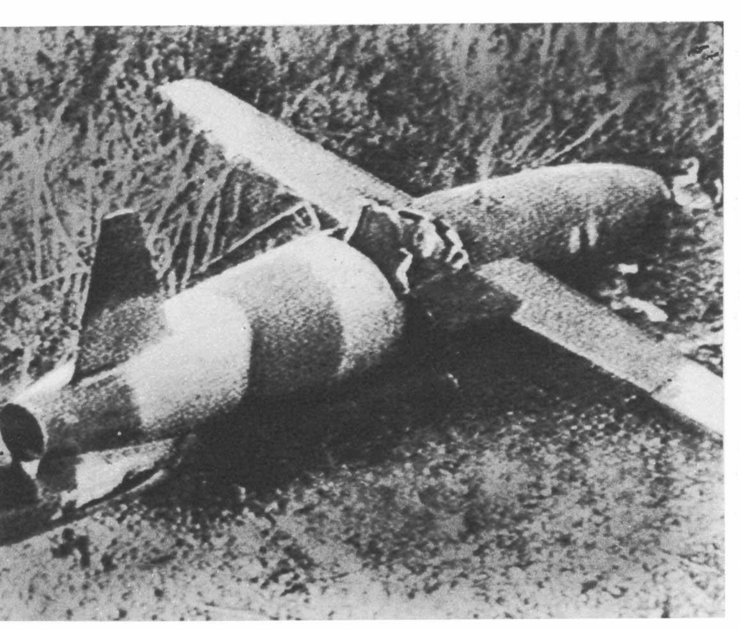
Солдаты мира, мы сделаем все ради сохранения жизни на Земле. Удержать занесенную над планетой руку ядерных безумцев еще не поздно!

Американские морские пехотинцы в Бейруте.

Фото ЮПИ — ТАСС.

Израильский беспилотный самолет-шпион, сбитый средствами ПВО Сирии.

МРАЧНОЕ ПРЕДНОВОГОДЬЕ В ЛИВАНЕ

Никогда еще не было так мрачно в Ливане в преддверии Нового года. Я говорю не о погоде, нет. Погода-то как раз радует. Намного запоздали обычные в декабре зимние ливни. Спокойное море отражает чистейшее голубое небо, днем — приятная теплынь, а вечером и ночью — освежающая прохлада. Но вместо зимних гроз громыхают в горах над ливанской столицей тяжелые орудия, снаряды рвутся то в одних, то в других районах города. Вместо рождественской иллюминации — огненные вспышки разрывов: это бьют корабли американского шестого флота, по-хозяйски расположившиеся на рейде Бейрута. Не висят поперек улиц праздничные гирлянды. Зато обычным их «украшением» стали металлические ежи — рогатки, колючая проволока, баррикады и укрепления, мешки с песком. Танки и броневики с расчехленными орудиями угрожающе замерли на перекрестках. Вместо привычных тележек с нарядными елочными украшениями, игрушками, сластями, праздничными подарками, по улицам медленно движутся военные машины. Сидящие в них солдаты напряженно глядят во все стороны, держа пальцы на спусковых крючках автоматов, пулеметов. Это патрули ливанской армии.

То и дело встречаются джипы с французскими флажками, колыхающимися на гибких и длинных антеннах походных раций. Это патрули французского контингента из так называемых многонациональных сил, а вернее, стран НАТО — США, Франции, Италии и Англии, иностранного воинства, находящегося сегодня в ливанской столице и ее окрестностях с «миссией мира», которая стоила жизни уже многим ливанцам. Французы патрулируют в пуленепробиваемых жилетах с оружием наготове. После 23 октября, когда неизвестный «камикадзе» направил свой грузовик со взрывчаткой на их штаб и погибло более полусотни солдат и офицеров, они стараются быть максимально бдительными и осторожными.

Неподалеку от дома, где я живу, находится Французский культурный центр, занимаемый французскими парашютистами. Еще в конце лета вход в него обычно охранялся лишь одним беспечно развалившимся на стуле солдатом, а ворота загораживали лишь две-три железные бочки с песком. Теперь здесь поперек всей улицы протянулся высокий земляной вал. Перед ним рогатки с колючей проволокой, бочки, залитые бетоном, огневая точка. А перед укреплением расхаживают ливанские жандармы.

С восьми часов вечера и до пяти утра в городе действует комендантский час. Исключение делается лишь для машин дипломатов, врачей и журналистов. Да и эти машины проверяются: раздобыть в Бейруте фальшивый номер — пара пустяков. По вечерам улицы города вымирают, их патрулирование усиливается. И все равно то в одном, то в другом квартале гремят взрывы динамитных зарядов. В воздух взлетают лавки, парикмахерские, мастерские, автомашины, принадлежащие то христианам, то мусульманам. Отношения между различными религиозными общинами накалены до предела. В городе царит «динамитный психоз».

В первых числах декабря в результате взрыва автомашины, в которую было заложено, по мнению экспертов, около 150 килограммов динамита и 2 баллона с газом, в одном из кварталов Бейрута погибло 16 и было ранено более 100 человек, разрушено или сильно повреждено пять многоэтажных зданий, а за два дня до этого среди бела дня был застрелен в собственной квартире верховный судья общины друзов Халем Такиэддин. После этих преступлений Западный Бейрут и его пригороды были охвачены всеобщими забастовками протеста. Однако преступники так и не были найдены. И кто знает, когда, где и по кому будет нанесен очередной кровавый удар теми, кто стремится сорвать восстановление в Ливане национального согласия и обеспечить войскам НАТО и израильским оккупантам дальнейшее пребывание на ливанской земле.

Сегодня в Ливане речь идет о создании правительства национального единства, в котором были бы представлены все политические направления, группировки, в том числе и оппозиция, объединенная во Фронт национального спасения. Этот Фронт создан на самой широкой основе. Он объединяет Национально-патриотические силы и центристские буржуазно-либеральные круги, поддерживается влиятельной и многочисленной шиитской организацией «Амаль». События доказали, что без участия Фронта национального спасения военно-политический кризис, раздирающий Ливан в течение последних лет и обостряемый постоянным вмешательством Тель-Авива и Вашингтона, не может быть преодолен, что правые силы, на которые сделали в Ливане ставку израильские сионисты и администрация Рейгана, не в состоянии управлять страной и решать ее наболевшие проблемы — политические, экономические, социальные.

В начале ноября в Женеве состоялась конференция видных представителей основных партий и политико-религиозных группировок Ливана, целью которой было найти пути к восстановлению национального согласия. Конференция уполномочила президента Ливана Амина Жмайеля отправиться в поездку в Вашингтон и объяснить президенту Рейгану, что главным препятствием на пути к восстановлению мира в Ливане и решению внутриливанских проблем сегодня являются израильская оккупация южноливанских районов и так называемое соглашение 17 мая, навязанное Ливану Соединенными Штатами и Израилем, соглашение, являющееся посягательством на суверенитет этой страны. В Женеве было также решено начать поиски возможностей сформирования правительства национального единства.

Тем временем состоялся визит президента Амина Жмайеля в Вашингтон. Результаты его были названы ливанскими газетами разочаровывающими. Рейган не только отказался принять во внимание мнение участников конфе-

ренции в Женеве, о которой уже шла речь, но и вновь подтвердил, что США и впредь будут настаивать на осуществлении соглашения от 17 мая. Более того, накануне визита А. Жмайеля в Вашингтоне побывал израильский министр Шамир. Его визит завершился американо-израильским соглашением о дальнейшем углублении стратегического сотрудничества между Вашингтоном и Тель-Авивом. Рейган и Шамир договорились координировать свои действия на Ближнем Востоке в целом и в Ливане в частности, создать с этой целью специальный американо-израильский комитет, разместить на израильской территории склады оружия, боеприпасов и снаряжения американских интервенционистских сил.

Буквально сразу же появились и конкретные результаты этого соглашения. Израильская авиация подвергла ожесточенной бомбардировке горные районы, контролируемые Национально-патриотическими силами. Вслед за ней на те же районы обрушили бомбы и ракеты самолеты шестого флота США. Совершили они нападение и на позиции сирийских войск, находящихся в долине Бекаа. А еще через несколько дней израильские военные катера нанесли удар по североливанскому городу Триполи. Пиратские воздушные рейды израильской и американской авиации — все это звенья одной цепи, все это прямой результат очередного американо-израильского сговора.

Но не все в Ливане происходит так, как хотелось бы Вашингтону и Тель-Авиву. Впервые после Вьетнама американская авиация понесла здесь потери. За год пребывания на ливанской земле американцы потеряли около 260 человек убитыми и десятки ранеными. Выбывших из строя вояк заменили новыми, участвовавшими в разбойничьем нападении на Гренаду.

Почти каждый день происходят столкновения между этими «гостями» и противниками их пребывания на ливанской земле. Американцы постоянно несут потери. Их командование признает, что они сегодня находятся в гораздо более враждебном окружении, чем это было год назад. В газетах сообщается, что в Вашингтоне рассматриваются планы передислокации американских морских пехотинцев в Ливане. Решается, отвести ли их в районы, оккупированные израильской армией, или на корабли шестого флота, откуда они могли бы высаживаться на берег для патрулирования. Рейган заявил, что они будут во что бы то ни стало находиться в Ливане «для защиты жизненно важных интересов Запада».

Столь же бесцеремонно ведут себя и правители Тель-Авива, хотя израильские оккупанты почти ежедневно несут потери в Южном Ливане, где сопротивление им — и активное и пассивное — с каждым днем приобретает все больший размах. Южный Ливан практически отрезан от других районов страны. Оккупанты терроризируют местных жителей, взрывают их дома, уничтожают сельскохозяйственные угодья, разоряют коммерсантов и промышленников, бросают за решетку или изгоняют представителей интеллигенции. И все это делается при покровительстве и поощрении Вашингтона, ради все тех же «жизненно важных интересов Запада». Все это прикрывается лицемерными демагогическими рассуждениями о борьбе Вашингтона и его союзников по НАТО за восстановление мира в Ливане.

...Да, никогда еще не было так мрачно в Ливане в предновогодние дни. Представители руководства христиан-маронитов призвали членов своей общины воздержаться от обычного для ливанцев праздничного новогоднего украшения улиц, домов, магазинов, предприятий. Непраздничное настроение и в районах, где живут представители других религиозных общин — друзов, шиитов, суннитов.

Зато, как сообщили ливанские газеты, в Бейрут собирается небезызвестный комик Боб Хоуп, который в свое время развлекал американских агрессоров во Вьетнаме. На этот раз он будет поднимать настроение американских морских пехотинцев, выступая с концертами на борту одного из авианосцев, стоящих на рейде Бейрута. Планируемая Вашингтоном операция «хорошее настроение» продлится от рождества до Нового года.

Е. КОРШУНОВ

Бейрут.

«ПОЗОР, ПРЕДАТЕЛЬСТВО!»

Выполнив установленные формальности и заполнив специальную нотификацию, я послал ее в английское министерство иностранных дел, чтобы уведомить его о том, что собираюсь посетить организаторов палаточного «лагеря мира», созданного около военной базы в Гринэм-Коммон (графство Беркшир).

В Гринэм-Коммон начали поступать первые партии американских крылатых ракет и приданных к ним компонентов. Таким образом консервативное правительство М. Тэтчер решило первым из западноевропейских союзников США по НАТО продемонстрировать свою лояльность Вашингтону. 14 ноября американские военно-транспортные самолеты «Гэлакси» и «Старлифтер» по установленному «воздушному мосту» стали перебрасывать из Соединенных Штатов в Великобританию новое американское ракетно-ядерное оружие первого удара. Министр обороны Великобритании М. Хезлтайн в интервью французской газете «Матэн» заявил, что в настоящее время на базе в Гринэм-Коммон находятся 16 крылатых ракет, которые, по словам главы военного ведомства, «будут готовы к боевым действиям» к 31 декабря.

Сообщение о прибытии ракет буквально всколыхнуло всю Великобританию. По признанию местных политических обозревателей, страна еще не знала такой «жаркой» осени, как в этом году. Тысячи англичан вышли на улицы, чтобы выразить свой гневный протест против зловещего шага, предпринятого правительством М. Тэтчер. В Лондоне, Йорке, Бирмингеме и других городах состоялись массовые демонстрации протеста против дальнейшего наращивания американского ядерного присутствия в Великобритании. Среди первых, кто решительно осудил превращение Британских островов в стартовую площадку для крылатых ракет, были женщины — основательницы «лагеря мира» в Гринэм-Коммон.

Не так давно эти женщины буквально атаковали мощный забор, окружающий базу, и на протяжении нескольких сот метров разрушили его. Правительство М. Тэтчер, английское и американское военное командование приняли «соответствующие меры», чтобы впредь подобные «инциденты» не повторялись. На базу стянуты дополнительно около тысячи десантников, многочисленные усиленные наряды полиции, несущие круглосуточную охрану этого военного объекта. Охранникам отдано распоряжение открывать огонь по любому, кто попытается проникнуть на территорию базы и приблизиться к бетонным бункерам, где хранятся крылатые ракеты. Однако ни полицейские, ни военные кордоны, окружающие базу, ни угроза пустить в ход оружие не способны запугать бесстрашных английских женщин, прибывших сюда для того, чтобы заявить решительное «нет» дислокации в Великобритании американских «Томагавков». «Лагерь мира» в Гринэм-Коммон стал своеобразным символом борьбы британского антивоенного движения.

«Мы приехали сюда, чтобы внести свой вклад в борьбу за мир, против гонки ядерного безумия,— говорит в беседе со мной 27-летняя жительница Лондона Селина О'Грейди.— Консервативное правительство просто нагло лжет, когда пытается утверждать, что, пойдя на размещение крылатых ракет, оно-де защищает интересы и безопасность англичан. Это крайне опасный шаг, который отвергает большинство жителей Великобритании. Это, кстати, наглядно продемонстрировала состоявшаяся не так давно в Лондоне грандиозная антивоенная манифестация, в которой приняли участие около 250 тысяч человек. Становится просто страшно, когда думаешь, к чему в конце концов может привести гонка ядерных вооружений. Пока не поздно, необходимо остановить этот пагубный процесс».

«Отстоять мир — вот что сейчас является самым главным. Оставаться пассивными, в стороне от борьбы мы просто не можем, если хотим, чтобы у нас и наших детей было мирное будущее,— отмечает, в свою очередь, приехавшая в Гринэм-Коммон из Шотландии учительница Мэнола Джонс.— Мы полны решимости продолжать нашу борьбу. Превращение Англии в гнездо «крылатой смерти» — это позорное деяние правительства».

Подобной точки зрения придерживаются не только женщины из Гринэм-Коммон. Против реализации кабинетом тори планов НАТО и Пентагона выступают лейбористская и Коммунистическая партии Великобритании, профсоюзное движение, многочисленные общественные организации, самая массовая из которых — Движение за ядерное разоружение.

«Позор, предательство!» — этими словами был встречен в палате общин министр обороны М. Хезлтайн, когда он делал заявление по поводу прибытия в Англию нового американского ядерного оружия. Выступая от имени оппозиции, лидер лейбористской партии Н. Киннок обвинил кабинет тори в предательстве национальных интересов страны. «Согласившись на дислокацию крылатых ракет в Великобритании за шесть недель до окончания женевских переговоров,— заявил он,— правительство М. Тэтчер продемонстрировало всю глубину своего цинизма в подходе к международным усилиям по достижению разоружения». «Английский народ,— продолжил лидер лейбористов,— никогда не простит М. Тэтчер согласия развернуть в стране американское оружие первого удара. Его присутствие здесь превращает страну в мишень номер один в случае возникновения конфликта». Лейбористская партия, указал Н. Киннок, будет решительно бороться против эскалации гонки ядерных вооружений, за то, чтобы крылатые ракеты были убраны с английской земли.

Активизировать кампанию протеста против милитаристской политики консервативного правительства призвала антивоенная общественная организация Движение за ядерное разоружение. «Мы призываем начать массовую кампанию гражданского неповиновения с целью заставить правительство тори отказаться от установки в Англии американской «крылатой смерти»,— подчеркнула, выступая на состоявшейся в Лондоне пресс-конференции председатель Движения за ядерное разоружение Дж. Раддок.— Мы, как и все англичане, которым дорог мир, будем продолжать нашу борьбу».

А. ЕВСТИГНЕЕВ,
собкор ТАСС,
специально для «Огонька»

Лондон — Гринэм-Коммон.

Полярка

интервью «огонька»

Этого слова нет в толковых словарях, оно относится к разряду профессионализмов, но оно хорошо знакомо жителям дальневосточных портовых городов. С ранней весны и до поздней осени это слово не сходит с уст моряков и докеров, звучит в отделах кадров, грузоотправительных конторах, на портовых причалах и городских площадях. Полярку готовят сотни тысяч людей во всех уголках страны, откуда направляются грузы, а выполняют ее моряки, потому что полярка — это морская работа за Полярным кругом, в морях Северного Ледовитого океана. Полярка — это доставка грузов на арктическое побережье. Десятки транспортных и специальных кораблей в начале лета берут курсы в порты и портовые пункты Восточной Арктики.

О том, что навигация этого года будет тяжелой, знали в самом начале полярки.

Таковой она и оказалась. Здесь нет нужды объяснять, насколько трудно протекала навигация в Арктике. Это у всех на памяти; печать, телевидение, радио подробнейшим образом рассказывали, как сражались советские суда с арктическими льдами и ветрами...

Об уроках Полярки-83 наш корреспондент побеседовал со вторым секретарем Магаданского обкома КПСС А. Д. БОГДАНОВЫМ.

— Осень 1983 года войдет в историю освоения Севера славными страницами подвигов моряков, летчиков, связистов и всех тех «рабочих полярки», которые не позволили Арктике взять реванш за долгие годы сравнительно безопасной эксплуатации Северного морского пути. Но эта осень должна стать и уроком для тех, кто посчитал Арктику полностью «освоенной», «покоренной». Урок суровый, дорогостоящий, болезненный и полезный. Зримее стали проблемы, которые до поры до времени накапливались поляркой...

— Давайте, Александр Дмитриевич, уточним: что сегодня доставляется на Север по морю?

— Нам, в восточный сектор Арктики, везут все: от иголок до бульдозеров. Везут то, что необходимо для нормальной жизни и деятельности полумиллионного населения области.

— Выходит, область с ее огромными возможностями, область, приносящая огромные прибыли стране, тем не менее находится полностью на обеспечении государства?

— Слова ваши, как говорится, недалеки от истины, но обком партии ставит задачу перейти по некоторым видам снабжения на самообеспечение. Мы заметно двинулись вперед, скажем, с картофелем. Наши картофелеводы добились стабильных урожаев. Правда, общая площадь посадок пока невелика — всего лишь тысяча гектаров. Но в недалеком будущем у нас появится первый картофелеводческий совхоз площадью в три тысячи гектаров. Вопрос о строительстве его уже решен. Задержка только за документацией, которую долго, даже слишком долго, утверждает Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР. По этой причине не будут освоены в нынешней пятилетке сорок миллионов рублей, включенных в первую очередь строительства совхоза. Стараемся иметь и свою, магаданскую, капусту, развиваем парниковое хозяйство для выращивания рассады. Сегодня полностью обеспечиваем область яйцами. Близится к завершению строительство крупной бройлерной фабрики.

— А как обстоят дела с переходом на самообеспечение строительными материалами и твердым топливом? Ведь известно, область обладает большими запасами каменного угля, но в то же время и в Магадан и в другие порты северо-востока везут ургайский уголь, нехватка которого ощущается как в Приморском крае, так и в Хабаровском.

— Вы правы, Магаданская область имеет большие запасы каменного угля. И мы его используем. Правда, в незначительных масштабах, обеспечивая только поселки по средней Колыме. Продолжаем завозить уголь с материка, ежегодно более 600 тысяч тонн, а с пуском третьей очереди Магаданской ТЭЦ потребность возрастет до миллиона. Ввозим уголь в Магадан, имея в 80 километрах от города Ланковское месторождение бурого угля... Надо подсчитать: какой уголь — магаданский или материковый — окажется дороже? Есть еще ряд грузов, от которых мы могли бы отказаться если не сразу, то со временем. Цемент называют хлебом строек. Вот этот-то строительный хлеб мы везем издалека, хотя закваску имеем свою. В области предостаточно сырья для цементной промышленности. И ее надо создавать. Непростительно ввозить в полярку «воздух» — в кавычках, конечно. «Воздух» — это утеплитель из минеральной ваты, который, прежде чем согреть дом магаданца или колымчанина, совершает чуть ли не кругосветное путешествие. Сначала по железной дороге, затем морем и потом уже в кузове машины по знаменитой Колымской трассе.

— Но ведь утеплитель из минеральной ваты делают и на Колыме!

— В том-то и дело! Строители Колымской ГЭС изыскали средства и возможности, смонтировали у себя установку и теперь живут в тепле, отказавшись от доставки «воздуха» на стройку. Конечно, одной установкой область не обеспечишь. Магаданцам нужно целое предприятие, способное снабдить и коммунальное строительство и промышленное. Областной комитет партии давно ставит перед соответствующими инстанциями вопрос о необходимости создания подобного предприятия, в частности перед Минтяжстроем СССР. Но, увы, пока безрезультатно. Завоз «воздуха» продолжается. Думается, Госснабу СССР надо разобраться и быть построже в подобных вопросах.

Обкому партии нередко приходится вмешиваться в вопросы снабжения полярки. Вот вам свежий пример — навигация этого года. Мы следили буквально за каждым судном. Забили тревогу, когда стало известно о задержке рефрижератора «Художник Герасимов». Узнав, что продовольственный груз там расположен с учетом первого захода судна на мыс Шмидта и только затем в Певек и дальше на Зеленый мыс, мы предложили перераспределить груз. И в первую очередь направить это судно в устье Колымы, в порт-пункт Зеленый мыс. Две недели длилась перебранка с Дальмясомолторгом, находящимся во Владивостоке. Две недели стояло судно. А когда все же приняли наше предложение, было уже поздно. «Художник Герасимов» опоздал ровно на три дня. Колыма закрылась льдом. И пройти по ней стало невозможно. Прими снабженцы наше предложение раньше, все бы успели сделать вовремя.

— Что же стало с этим грузом?

— Рефрижератор разгрузили в Певеке. Теперь оттуда автомашинами по зимникам повезем продовольствие в Билибино и на мыс Шмидта. Возникает еще одна проблема, усложняющая завоз на Север продовольствия. Рефрижераторный флот принадлежит Минрыбхозу СССР. Владелец рефрижераторных судов на Дальнем Востоке — управление «Востокрыбхолодфлот», а порты Севера принадлежат Министерству морского флота. Здесь и начинаются обиды, взаимные жалобы: портовики — на рыбников, рыбники — на портовиков, а в результате страдает общее дело. Было бы куда надежнее и проще работать, имей Минморфлот свои рефрижераторные суда.

— Уроки навигации этого года обязывают задуматься о полярке следующих лет: как будут развиваться транспортные связи на северо-востоке?

— Мы считаем, что надо переходить на круглогодичную навигацию через порт Эгвекинот. Следовательно, необходимо строить автомобильную дорогу на мыс Шмидта и в поселок Полярный. Сейчас рассматриваются варианты строительства линий электропередачи от электростанций Эгвекинота на мыс Шмидта и Полярный. Это оживит будущую трассу, даст устойчивую электроэнергию предприятиям горно-обогатительного комбината в Полярном, позволит остановить газотурбинные электроустановки, съедающие уйму топлива. Круглогодичная навигация через Эгвекинот — конечно, при наличии дороги — сразу сделает устойчивым, планомерным и гарантированным снабжение северо-востока. Отпадет необходимость создания многолетних запасов, не надо будет отвлекать из оборота народного хозяйства материальные ресурсы. Решится и еще ряд вопросов.

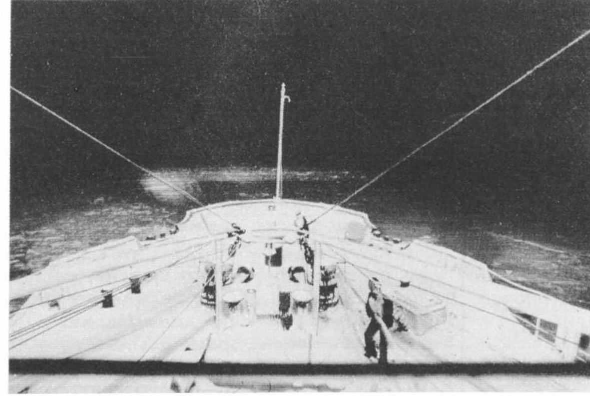
— Но ведь этим будет обеспечена только часть снабженческих маршрутов сегодняшней полярки. Как, например, будут поступать грузы в районы Билибина, особенно когда там начнется разработка медных и молибденовых запасов?

— Думаю, что Минморфлот уже убедился в том, что бесперспективно рассчитывать лишь на портовые пункты мыса Шмидта и на Зеленом мысе, в устье Колымы. Необходимо расширять Певекский порт. Строить там дополнительные причалы и складские помещения, а уж оттуда доставлять грузы зимниками на Билибино. Со временем необходимо связать эти города надежной автодорогой. Север мы должны обживать капитально...

Беседу вел В. КУЗНЕЦОВ.

Боцман с ледокола «Василий Поярков» Е. В. Кожухов.

Ночной рейс во льдах.

См. II обл.

Каждая вторая пара обуви московского производственного объединения «Заря» — с государственным Знаком качества. Хороший показатель, не правда ли! Но чтобы добиться его, коллективу пришлось немало потрудиться. Сегодня «Заря» — одно из крупнейших предприятий обувной промышленности Советского Союза, пионер во многих начинаниях, связанных с производством модной и удобной обуви. Из разных областей и республик приезжают сюда обувщики: ходят, смотрят, своими руками «опробуют конвейер», набираются опыта, чтобы потом, вернувшись домой, применить его у себя.

Недавно Центральный Комитет КПСС одобрил инициативу шести передовых предприятий страны по развертыванию социалистического соревнования за увеличение выпуска высококачественных товаров народного потребления. В числе инициаторов и московская «Заря». Возглавляет объединение Герой Социалистического Труда Г. В. МУХАНОВ. Корреспондент «Огонька» З. КРЯКВИНА встретилась с ним и попросила ответить на ряд вопросов.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ЗА ОБНОВКАМИ!

— Григорий Васильевич, ежедневно москвичи и гости столицы покупают тысячи пар обуви фирмы «Заря». И особенно в эти предновогодние дни. Попыталась и я в магазине «Модная обувь» на Ленинградском шоссе приобрести последнюю новинку сезона — утепленные дамские сапожки с меховой опушкой, вот, я вижу, они лежат на вашем столе, но увы! Видимо, ваша продукция пользуется не просто спросом, а весьма повышенным.

— Что верно, то верно, — говорит Григорий Васильевич, — эта модель, — он берет сапожки в руки, — и многие другие новинки не залеживаются на прилавках.

— Как вам удалось добиться такого признания у москвичей?

— Не ошибусь, если скажу, что успеху сопутствует качество. Чем лучше спроектирован и сделан ботинок или туфля, тем спрос на них больше. Наше объединение выпускает сегодня более половины продукции с государственным Знаком качества, семьдесят процентов обуви выходит из стен предприятия с индексом «Н», что означает «новинка». Каждой новой модели предшествует напряженный поиск и труд коллектива по техническому переоснащению производства, усовершенствованию организации труда и управления. Не могу не сказать, что мы добились больших сдвигов в сроках согласования новых моделей. Индексы «Н» утверждаются теперь только на художественно-техническом совете нашего предприятия без согласования с другими инстанциями.

Мы научились оперативнее откликаться на запросы покупателей, научились быстро перестраивать производство, стараемся выпускать обувь одного фасона малыми сериями — не более 20—40 тысяч пар, потоки некоторых фасонов меняем три-четыре раза в год.

— Я вижу, у вас на стене висит обширный план реконструкции фабрики «Парижская коммуна». Что уже сделано на предприятии и что предстоит?

— Это можно представить более зримо. Взгляните в окно, вон тот новый корпус слева уже действует, выпускает около пяти миллионов пар обуви в год. Почти готово и второе здание, что напротив. В нем разместим и экспериментальное производство. В ближайшем будущем, а точнее, в 1984 году, умные машины возьмут здесь на себя самые сложные операции. А это самый верный путь улучшения качества, модернизации нашей продукции.

— Но всегда считалось, что руками сработанная обувь лучше?

— Не согласен. Чем меньше рук прикоснется к туфельке или ботинку, тем точнее и надежнее будут сшиты кусочки кожи, ровнее приложены каблуки, прочнее прикреплены подошвы. С новейших современных конвейеров сходят сотни тысяч пар обуви — и все один к одному с образцом. Вот вам две пары, попробуйте определить, которая из них с потока?

— Право же, затрудняюсь. Хороши обе.

— Рад, что убедил вас.

— Григорий Васильевич, понятие качества сегодня очень широко. Какие характеристики важны для обуви?

— В первую очередь это добротность: мы стремимся к тому, чтобы сапожки или туфли носились как можно дольше. Для этого необходимы высококачественное сырье и фурнитура. «Заря» шьет обувь из велюра, текстиля, эластичных кожевенных товаров. К сожалению, на складе нужный набор этих материалов имеется не всегда. Больше всего мы в обиде на предприятия химической промышленности, которые недодают так нужного обувщикам полиуретана для изготовления подошв литьевым методом крепления. Добротность обуви в наше время — условие необходимое, но недостаточное. Она обязательно должна отвечать современным направлениям моды, быть красива и удобна. И далеко не последнюю роль играет надежность упаковки. Важно не только на совесть сделать обувь, но и довести ее в отличном состоянии до потребителя. Ведь случается, что из-за нехватки упаковочных материалов внешний вид продукции при хранении и транспортировке ухудшается.

— Вы сейчас заговорили о проблемах, связанных с предприятиями-смежниками. В связи с инициативой — увеличить выпуск высококачественных товаров народного потребления — смежники тоже наверняка скажут свое слово, поддержат ваше начинание.

— Будем надеяться, что они отнесутся к нашей инициативе не формально. Коренным образом улучшат поставки недостающего нам качественного сырья, разнообразной фурнитуры, помогут «Заре» с честью справиться с ее обязательствами. А они у нас немалые: уже в текущем году отправить покупателям более 24 миллионов пар разнообразной обуви, а к 1985 году увеличить ее выпуск еще на 1 миллион пар.

— Хотелось бы знать, чем порадует «Заря» покупателей в новом, 1984 году?

— Вы были в нашем ассортиментном кабинете, видели новые коллекции?

— Да, я познакомилась с перспективными образцами. Они прекрасны, например, дамские сапожки впервые с высотой каблука три — пять сантиметров, туфли «балеринна» на низком каблуне, нарядные, легкие «девичьи» босоножки из эластичных разноцветных кож на полиуретановой подошве. Но невольно напрашивается вопрос: не останутся ли эти образцы «витринными»?..

— «Коллекция-84» насчитывает более четырехсот новых образцов. Практически имеются все возможности для массового их освоения, подготовлено оборудование, имеются договоры со смежниками на поставки необходимого сырья, материалов. Если вы были на оптовой столичной ярмарке в сентябре 1983 года, вы могли видеть первые партии образцов обуви из «Коллекции-84».

— Ну что же, видимо, «Заре» будет чем порадовать покупателей в новом году. Остается только сообщить адреса, где можно приобрести вашу обувь?

— Обуваем мы в основном москвичей, гостей столицы и жителей Московской области. В системе Мособувьторга более полусотни магазинов продают нашу продукцию. Есть у нас три своих фирменных магазина — «Обувь» и «Модная обувь» в Москве и «Заря» — в Туле. В их торговых залах организована выставка-показ: «Эту обувь вы можете купить в 1984 году». Через месяц-другой в ГУМе откроется специализированная секция нашего объединения. Так что добро пожаловать за обновками!

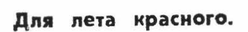
— Григорий Васильевич, мы много говорили о производственных проблемах, но ведь «Заря» — это не только сырье, оборудование, готовая обувь. Продукцию выпускают люди, а им тоже многое надо дать. И не только в материальном плане.

— Вы, конечно, правы. От того, с каким настроением человек выходит на работу, зависит очень много. Создать людям хорошие условия для труда, жизни и отдыха — задача необыкновенно важная. По мере сил мы стараемся ее решать. Впрочем, и у вас наверняка сложились свои впечатления о том, как работают, живут и проводят свое свободное время наши рабочие.

— Да, знакомство с объединением впечатляет. Мне показывали цехи — они просторные, светлые, чистые. Очень уютны уголки отдыха, создается впечатление, что сидишь в оранжерее. Современен профилакторий, масштабен прекрасно оборудованный новый Дом культуры. Чувствуется, что вы уделяете социальным факторам такое же большое внимание, как и производственным.

— Повторюсь: проблемы эти взаимосвязаны. И поэтому мы не скупимся на социально-культурные нужды. Все это окупается сторицей. Текучесть кадров на «Заре» почти впятеро меньшая, чем в среднем по отрасли. А стабильный коллектив — это и высокая производительность и качество!

Для лета красного.

ЯРКИЕ КРАСКИ МОНГОЛИИ

И. РИНЧЕНГИЙН-ХАБАЕВА

Народный художник МНР, лауреат Государственной премии МНР Нямосорын Цултэм — один из известнейших деятелей изобразительного искусства современной Монголии. Более сорока лет он посвятил творчеству, многие годы возглавляет Союз монгольских художников.

Родился Цултэм в 1923 году, был третьим сыном в семье скотовода. Новая жизнь после победы Народной революции властно вторгалась в жизнь кочевников, и, повинуясь зову времени, отец будущего живописца с семьей переехал в Улан-Батор, стал одним из первых автоводителей.

В 1940 году советские художники, работавшие тогда в Государственном центральном театре в Улан-Баторе, отбирали в школах города одаренных ребят, способных к рисованию. После своеобразного экзамена они предложили семнадцатилетнему Цултэму посещать вечерний изокружок. Тогда же он начал работать в театре, помогая художникам, учась у них.

Советские мастера знакомили монгольскую молодежь с шедеврами европейской, русской, советской классики. Юноша погрузился в чудесный мир живописи, который увлек его и определил будущее. Кисти, краски, палитра, холст стали для него самыми желанными предметами, занятия пробудили жажду и желание рисовать, писать, стать профессиональным художником.

Он с волнением смотрел спектакли, постигая искусство сценографии, и старательно осваивал свою работу. В 1944 году на студии «Монголкино» он принимает участие в создании исторического художественного фильма «Цогту-тайдж» — «Степные витязи». А еще через год Цултэм едет в Москву, в институт имени В. И. Сурикова. Шесть лет занятий в мастерской известного советского художника Сергея Герасимова, овладение мастерством одновременно с Гелием Коржевым, братьями Ткачевыми и другими теперь известными деятелями советского искусства; лекции в институте, музеи и выставки, работа в библиотеках, дискуссии, беседы и споры с друзьями — все это расширяло кругозор, наполняло жизнь духовностью... Его дипломная картина «Встреча монгольской делегации с В. И. Лениным» была оценена на «отлично».

В 1951 году Цултэм вернулся на родину и целиком посвятил себя живописи. Его произведения, как солнечным светом, пронизаны национальными мотивами. Талант художника будто вобрал в себя всю красоту его прекрасной отчизны, поэтому так эмоциональны и поэтичны созданные им пейзажи. В Монголии удивительно яркие краски, живописен ландшафт, величавы горы, могучи древние гольцы Алтая, бескрайни степи. И над всем этим великолепием распростерто высокое, ясное небо — недаром Монголию называют «страной голубого неба».

Пейзажи Цултэма отличаются тонким вкусом, теплым и глубоким колоритом, рациональностью и гармонией, согреты глубоко личным отношением, настроением. А в портретах он прежде всего стремится выявить внутренний мир человека, его характер, духовную красоту. В созданной им изобразительной галерее соотечественников — араты, артисты, скотоводы, музыканты, государственные деятели.

Мастер много работает над историческими картинами. В 1967 году он закончил большое полотно «Незабываемая встреча» — о встрече В. И. Ленина и Сухэ-Батора, положившей начало монголо-советской дружбе.

Для выставки, посвященной совместному космическому полету советско-монгольского экипажа в марте 1981 года, художник пишет картину «Мечта». В ней благодарная память народа об аратах Гэлэнху и Буниа, которые в далекие времена стремились оторваться от земли, познать радость полета. На полотне — человек, летящий со скалы; развевающиеся длинные полотнища словно сдерживают его стремительное падение. Поэтичный образ овеян дыханием легенды. Стремительный бег линий как бы сплетает в прихотливый арабеск контуры лесов, облаков, пасущихся овец, летящей фигуры юноши-арата; изысканный колорит, в котором доминируют насыщенный синий, оранжевый и зеленый цвета, — все придает полотну неповторимое национальное своеобразие.

Цултэм много работает в старинном, традиционном стиле. В полотне «Призыв» он символически изображает посланца революции, призывающего народ встать под знамена борьбы против угнетателей. Картина красочна, декоративна: на фоне орнаментальных языков пламени всадник на боевом коне. В одной руке он держит красное знамя, другой подносит к лицу раковину, чтобы протрубить призыв к революции. Продолжая эту тему, художник в прошлом году написал картину «Вперед»: монгольский воин на коне ведет народ в бой против врагов свободы. Обе картины решены в романтическом ключе, и живопись как нельзя лучше выявляет авторский замысел и идею.

Много времени Цултэм уделяет научной работе, он кандидат искусствоведения. В 1982 году в Москве в издательстве «Изобразительное искусство» вышла в свет его книга «Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века». В том же году издан альбом, посвященный выдающемуся монгольскому скульптору XVII века Г. Дзанабадзару, сумевшему поднять средневековое монгольское религиозное искусство до уровня общечеловеческих эстетических критериев.

— Думая о своем жизненном пути,—говорит Цултэм,—я вспоминаю, что нашу интеллигенцию пятидесятых годов, к которой можно отнести и меня, составляли счастливые молодые люди, родившиеся уже в свободной стране и взращенные любовью и заботой народной власти. Как и все мои сверстники, я носил кумачово-красный пионерский галстук, воспитывался ревсомолом и безгранично горжусь тем, что принадлежу к отряду коммунистов, несущих высокую ответственность за дело построения социализма в МНР.

Партия и правительство Монголии высоко оценили труд и творчество художника: в этом году в связи с шестидесятилетием он награжден высшим орденом страны — орденом Сухэ-Батора.

СОЮЗЧАСПРОМ ОТВЕЧАЕТ ЧИТАТЕЛЮ

ЗВЕНИТ БУДИЛЬНИК

«С некоторых пор покупка будильника стала проблемой. К тому же в нашем Доме быта плохо поставлен ремонт часов. Хотелось бы знать, что делается по увеличению выпуска будильников, без которых практически не обходится ни одна семья».

В. КОПЫЛОВ

Астрахань.

К сожалению, письмо читателя «Огонька» В. Копылова из Астрахани не единственное, поэтому хотелось бы ответить сразу всем читателям, что предпринимает Союзчаспром для решения этой проблемы.

Производство будильников ежегодно увеличивается, только в прошлом году было выпущено 19,7 миллиона штук, из них предприятиями Минприбора — 16 миллионов штук.

Таким образом, на сто семей приходится 108 будильников. Но, как выяснили во Всесоюзном научно-исследовательском институте конъюнктуры и спроса, норматив — 120 штук на 100 семей. Стало быть, необходимая норма еще не достигнута, и Союзчаспром будет продолжать увеличивать выпуск этого предмета первой необходимости. Причем, учитывая покупательский спрос, значительно возрастает выпуск не только дешевых будильников, технические данные которых не очень высоки, но в первую очередь высококачественных будильников типа «Слава», «Заря» и др., обеспечивающих более длительный и надежный срок службы.

Популярны среди покупателей в последнее время и электронно-механические будильники «Севани», «Слава», «Янтарь». В конце этого года к ним прибавятся еще кварцевые будильники, производство которых осваивается на московском производственном объединении «2-й часовой завод» и на орловском часовом производственном объединении «Янтарь».

Но задача наша — не только увеличить количество будильников, но и улучшить их качество, увеличить срок их службы, чтобы покупатель как можно реже обращался в часовые мастерские, хотя, конечно, без них не обойтись. Вероятно, и там надо навести порядок, улучшить работу мастеров. Вот такова комплексная программа, утвержденная руководством Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР, таковы конкретные меры, которые предпринимаются для того, чтобы в каждой семье звенел будильник.

В. БОГДАНОВ,
начальник отдела Союзчаспрома

Нямосорын Цултэм. Род. 1923. ХОЗЯИН ТЫСЯЧНЫХ ТАБУНОВ. 1982.

Нямосорын Цултэм. КАРАВАН. 1968.

ПЕЙЗАЖ ГАЦУРТА. 1983.

Евгений ВИНОКУРОВ

ИЗ КНИГИ «КОСМОГОНИЯ»

МОСКВИЧИ

Нас с песней на вокзал не провожали,
не шла за нами шумная родня...
Мы брали чемодан и уезжали,
сказав: — Привет! —
в горящие края...
В кармане брюк храня кисет махорки,
трут и кресало, все же, москвичи,
хранили мы в кармане гимнастерки
от комнаты покинутой ключи...
И, фронтовому преданный азарту,
не думал я в далекой стороне,
что где-то там рыдала, пав на парту,
в Москве десятиклассница по мне...

Ответьте мне,
прошу вас,
осчастливьте.
Где вы?
Мой взгляд восходит
по лучу!..
И, словно человек, застрявший в лифте,
я в бесконечность
на голос
кричу...
Товарищи!
За бесконечной глубью
ни признаков не видно,
ни примет
по разуму друзей.
Иль по безумью!

А может, вас
и вообще-то нет?..
Кричу.
Нелепей
не придумать позы
под вечным мирозданием
с тоской...
А кто ты сам,
чтоб задавать вопросы?
Кто ты такой?..

ОКЕАН

Да, он такой.
Тут дело не в обмане!
Он разным быть
имеет все права!..
Взгляните вдаль, туда:
до самой грани
надежная густая синева.
Но около камней прибрежных пена
играет.
Приближается волна.
Вы в океан зайдите по колена.
И ахнете — вода-то зелена!
Но вы не возмущайтесь,
а в поклоне
согнитесь осторожно,
и тогда,
зачерпнутая бережно в ладони,
окажется бесцветною
вода.

ПРИГОТОВЛЯЮСЬ ЖИТЬ...

Приготовляюсь жить.
Вот, вот, начнется скоро!
— Тебе ж под шестьдесят?
Что выдумал?
Умора!
Приготовляюсь жить...
Так ведь еще я не жил!
День не настал еще,
а уж закат забрезжил.
Приготовляюсь жить —
и так вот год от году...

Я подошел к черте,
а думал, что
ко входу.

ПОДОРОЖНИК

Тома пудовые листая,
мы ищем, ищем
между строк...
А истина?
Она простая,
как подорожник
у дорог.

БЕДА

Когда в ночи
кричит больной ребенок,
а ночь душна, тяжка, напряжена,
когда плечей,
усталых и согбенных,
уже не в силах
распрямить жена,
когда на лампу
примостишь газету,
и все окно
в густых наплывах льда,
тогда поймешь,
что в мире мира нету,
нет ничего...

А есть одно:
беда!..

ДОМ

Я б жизнь свою
построил, словно дом...
Где топором,
а где и долотом.
Сейчас на крышу
надо бы конька!..
Но жизнь, к несчастью,
дом без потолка...

ПУСТЯКИ

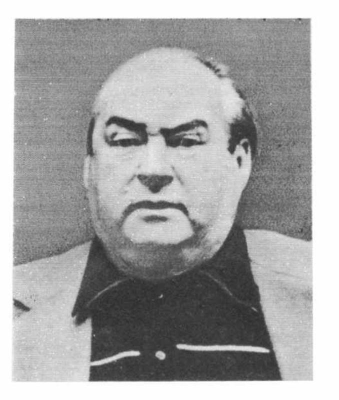
Могут
до смерти нас затерзать
пустяки,
день подчас до отказа
набит пустяками...

Мне б бродить
по пустыне, слагая стихи,
у костра разговаривая с пастухами...
Как могла б
моя речь величавая течь,
я бы жил не спеша,
я бы был, как Исайя!
И спадала б овчина курчавая с плеч,
и нога на песок
наступала б
босая...

Между тем
донимают меня
пустяки...
День кипит,
и, его подчиняясь законам,
я иду меж людей,
что теряют кульки,
и кричат в телефон,
и бегут за вагоном.
Городская
запутаннейшая суета!..
Но стоит над бескрайней
землей
до рассвета
та звезда, что в веках
высока и проста,
собеседница подлинная
поэта.

НЕБО

Однажды, помню,
снегу намело...
Замерзший батальон

вошел в село
и ни одной
не выгоревшей хаты.
Здесь полчаса назад был бой жесток!
Найти бы хоть какой-то закуток,
чтоб перебились до утра
солдаты.
На трупы падал, падал снеговал...
Накрывшийся одолженным тулупом,
я, передрогший, переночевал
в траншее,
там, где труп лежит над трупом...
И небо надо мной
текло, текло...
И как-то так обидно,
понапрасну
я отдавал последнее тепло
беззвездному и вечному
пространству.

Он нарядами и сладкой пищей
в этой скудной жизни обнесен.
Он стоит,
простой восточный нищий,
и вся жизнь вокруг него,
как сон.
Кто не знает
старого Бабая?
Он как гость незваный
на пиру.
Перед ним ведь
женщина любая
открывает,
не боясь,
чадру.
Что с того, ведь он до них
нелаком,
кое-как проживший жизнь свою,
потому что праведным Аллахом
гурии обещаны
в раю.
Он стоит...
Нужно его отрепье
и морщины темного лица,
чтобы оттенять великолепье
шахского глазурного дворца.

Мне ль не понять
всех обстоятельств дела?
Привязанность
тягуча, как смола!..
Та, что мила,
вдруг как-то надоела,
и близкой стала та, что
немила...
И что сказать —
могила есть могила.
Боюсь, что будет все наоборот:
придет, сутулясь,
та, что не любила,
а та же, что любила,
не придет...

Десятки тонн кормов ежедневно подвозят на фермы...

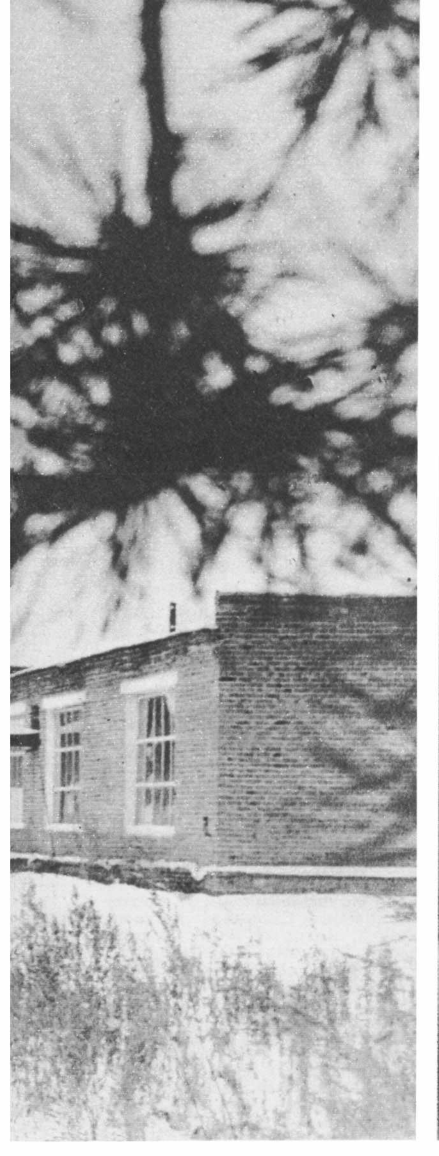
Рано нынче пришел Новый год к животноводам колхоза.

ЗЕЛЕНЫЕ

Ольга Сергеевна Должикова, хозяйка Новой Масловки.

Выступает председатель колхоза В. Ф. Прохоров.

СНЫ ЗИМЫ

Николай БЫКОВ,
фото Бориса КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Над избами — марш Мендельсона. Очередная свадьба в селе. Молодежь, дружки и подружки, тесня пожилых, озорной свитой толпятся за женихом и невестой. Навстречу им и грянул Мендельсон. Синицы сорвались с деревьев, обступивших Дом культуры и правление колхоза «Пролетарский Октябрь»...

Левобережье Оскола на белгородской земле. Когда-то глубокий тыл знаменитого прохоровского противостояния. Там сорок лет назад танковый клин оккупантов вышибли своим танковым клином. С этих полей, из-под здешних меловых круч шли и шли на запад наши...

Спит зимой село — в полях и садах пусто, на улицах малолюдно. Даже утром редкие дымы поднимаются над крышами, редки и слабы огни в окнах. Пушкин писал: «В деревне всё к томленью клонит сна...» Спят? Над подобным предположением человека стороннего в колхозе посмеялись. Печи вправду все реже топят — хлеб из райцентра, а в домах газовые плиты, водяное отопление. Печь топят в праздник. В редком доме нет люстры, а то и двух, да на окнах-то все чаще модные шторы, красивые и достаточно плотные. Зато на улицах высокие светильники, под которыми снег становится голубым, как искусственный.

Сладко пелось про себя: «...Небо, ельник и песок. Невеселая дорога...» Вот оно, небо, на нем автографы угадываемых самолетов, а вместо северного ельника — рукотворные сосновые боры в отроческом возрасте, они-то и держат песок, защищают от него поля с когда-то бедными супесями. И вся эта знакомая, неизбывно родная картина зимней родины обрела движение, скорость. И небо в движении, и сосны бегут тесными рядочками, и высокая белая дорога под асфальтом, и позднее солнце над Осколом с последней стремительной струей в серебряной оправе.

Легла зима, но нет, не спит село. Скольких событий был я свидетелем за считанные дни, прожитые в колхозе «Пролетарский Октябрь»! Блины у Должиковых по случаю сбора четырех поколений, новогодняя елка у Белоусова на комплексе в связи с досрочным выполнением годового задания, свадьба у Квочкиных, районный съезд животноводов в Чернянке, веселые проводы охотников по первой пороше, сход сельского актива в правлении колхоза...

Не спит, не спит село. Электричество поднимает людей раньше солнца, сотни автомашин и тракторов включаются в осмысленные муравьиные пробежки по дорогам хозяйства, а ночь придет — ее гонят бегущим светом тех же фар, ярким трехсотсвечовым обвалом люстр; гонят ночь и телеэкраны и заботы следующего дня. Не до сна селу: Дом культуры

На блинах у бабушки собрались Должиковы, стар и мал.

ждет, затеваются новые свадьбы, гостевания по дедовскому графику «вы к нам, мы к вам», и все, кто еще не выучился, учатся — в школе, на курсах, в обязательных кружках... Бухгалтерии работы груда: конец года, горячая пора! Хозрасчет, он спросит! И уже спрашивает, и строго: так очевидна невыгодность работать плохо.

Василий Васильевич Должиков, пока четверо внуков терзали мягкого и доброго тигра размером с телка, а молодая бабушка Мария Даниловна громоздила горячие блины, рассказал, что, по словам его отца, Василия Федоровича, который вот он, жив-здрав, чего и всем желает, здешние села и деревни (хутора по-местному) почти не знали над собой власти помещиков. Тут был один землевладелец на всех — монарх. А крестьяне назывались «казенными», или «государственными».

— Вот сейчас мы действительно люди государственные,— согласился со мной Василий Васильевич.— Никаких кавычек, потому что колхозник, он и есть государственный крестьянин на тракторе, комбайне, я вот за рулем четверть века...

Мария Даниловна внесла блины. За столом, кроме прадеда, четыре правнука, два новых самостоятельных мужика со своими семьями — внуки, а Василию Васильевичу и Марии Даниловне сыновья, инженеры Михаил и Сергей, с ними две снохи Должиковы. Смешны отражения в электрическом самоваре, впрочем, и без того за столом у Должиковых не бывает, к счастью, грустно.

В том, что колхозники «Пролетарского Октября»—люди государственно мыслящие, я убедился на так называемом малом сходе, когда в правлении собрались активисты центрального села и близлежащих деревень, члены правления, народные депутаты сельского Совета. Разговор о предварительных итогах сельскохозяйственного года начал председатель депутат областного Совета Василий Федорович Прохоров. Над ним развернуто полотнище — переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Наличие столь высокой награды вдохновляло ораторов, однако не убавило речей нелицеприятных, продуманных, конструктивных.

Василий Федорович, энергичный, красивый тридцатипятилетний человек, с судьбой, достойной продолжительного внимания, напомнил сходу, что третий год пятилетки миновал в труде удовлетворительном и результативном:

— В колхозе на всех его участках наведен должный порядок, отклонения от трудовой и технологической дисциплины неослабно преследовались специалистами и общественным контролем. Качество управления экономикой повысилось.

Это незамедлительно сказалось на исполнителях — работа людей стала более осмысленной, приносит зримые плоды. И удовлетворение проделанным. Колхоз ожидает высокий доход — двенадцать миллионов рублей. С гектара в среднем взяли по двадцать пять центнеров зерновых, но вы знаете, что иные поля дали по тридцать и более центнеров озимой пшеницы.

Колхоз,— и тут сход примолк, все подняли головы повыше и гордо,— выполнил планы года и трех лет пятилетки по продуктам животноводства. Государству продали более четырех с половиной тысяч тонн мяса и столько же молока. Причем сверх плана — триста тонн мяса и четыреста тонн молока.

Колхоз «Пролетарский Октябрь» — крупный землевладелец. Только пашня здесь занимает четырнадцать тысяч гектаров. Зерновых много, но колхоз зерна государству с некоторых пор не продает, и это разумно, потому что хозяйство специализируется на откорме свиней и крупного рогатого скота, имеет прекрасный свинокомплекс и комплекс молочный. Свинокомплекс—это много, много проблем. Коллектив возглавляет Леонид Петрович Белоусов, настоящий хозяин, знающий и человечный. Свинокомплекс достиг проектной мощности, но Белоусов и его операторы, в основном женщины, намерены сдавать с 1985 года по пять тысяч тонн свинины ежегодно.

— Были бы хорошие корма!— все-таки оговорил как первое условие Леонид Петрович уже после схода.

Итоговую речь Василий Федорович умело свел к задачам нового дня — задачам пятилетки в целом. Он четко определил тех трех «китов», на которых зиждется сложный мир колхозной экономики: доверие, инициативу, экономическую отдачу. Без взаимного доверия ни правлению, ни бригадам, никому, кто в поле, на фермах и в мастерских, не прожить. Это ясно. И тут многое с приходом Прохорова изменилось. К лучшему. Хозяйственная инициатива — основа хозрасчета, а хозрасчет внедряется теперь уже осознанно на всех участках. Люди учатся считать. И во многом преуспели. Но все ли колхозное считают своим? Нет, далеко не все. Работоспособных тысяча триста. Много. И это хорошо. Хорошо и то, что каждый в среднем за год произвел продукции на семь тысяч рублей. В колхозе сто один специалист сельского хозяйства, каждый пятый с высшим образованием. Сход с удовлетворением отметил по ходу выяснения возможностей завтрашнего дня, что сейчас в городах учатся еще пятьдесят шесть юношей и девушек. Вот-вот стипендиаты вернутся. Готовь, колхоз, фронт работ! Образовательный ценз как бы обернулся категорией экономической.

Итак, три кита, на кои опирается хозрасчет. Тут сход активистов и командиров производства единодушен. Однако после председателя заговорили с тревогой и озабоченностью некоторые заведующие участками — вожаки производства в хуторах Бородин, Малый и Большой, Новая Масловка, Некрасовка... На каждом участке работу возглавляет триумвират: заведующий, агроном, бригадир механизаторов. Остра потребность в более демократическом союзе всех заинтересованных в повышении плодородия, привесов и надоев. Несколько лет назад на центральной усадьбе и на хуторах избрали советы участков и советы ферм. Вот та желанная форма, которая охватывает участие всех во всех областях производства. Совет участка мобилизует, наказывает и поощряет. Глас народа, его избранников опровергнуть практически невозможно никакому горлохвату, нельзя его и заглушить сверху.

Так вот на сходе выяснилось, советы на участках робки, отступают перед администрацией, наказывать наказывают, но не мобилизуют и практически на ход будничных каждодневных работ не влияют. Открылся еще один неисчерпаемый источник самодеятельности хозяев полей.

Да, в деревне трудно возвысить голос на таком совете — все тут сродственники, соседи, кумовья. Надо учиться демократическому, нелицеприятному и справедливому обсуждению на миру проблем дня. Иначе как восполнить колхозу, скажем, недостающие для выполнения новых обязательств пятнадцать тонн кормовых единиц. Никто на блюдечке не поднесет... А земля — вот она, своя. Землю не поменяешь.

И плодородие наращивать, власть над землей брать тем, кто тут, на хуторе, родился и женился... В общем, советам участков пора бы во весь голос заявить о себе. Может, и поуменьшатся простои, прогулы, поломки механизмов, потери семян, удобрений, непроизводительные расходы скота. Ох, уж эти «непроизводительные расходы»! Формула, внешне пристойная, законная и безмятежная, скрывает падеж и убой безо времени. В районе этот постыдный «расход» достиг сорока семи процентов к приплоду. За процентами — более шестнадцати с половиной тысяч голов молодняка... На ветер? На черный ветер бесхозяйственности и странного безразличия. Так то по району!

Но сход знал: и «Пролетарский Октябрь», такой во всем передовой, не без греха... Вот почему у самого Прохорова, у Белоусова с комплекса, у Гусятникова из Некрасовки и Морозова из Малого душа болеет о качестве работы, прежде всего с людьми, каждодневно выходящими в поле, на ферму, с теми, кто ходит за скотиной, выхаживает и поросят и телят.

— Сознательность — отклик на доверие,— сказал председатель Василий Федорович. И как же с ним не согласиться! Будет интерес полеводов, свекловодов, операторов и трактористов общим с интересом всего коллектива, того же Василия Федоровича, председателя колхоза, или секретаря парткома Николая Васильевича — вот тогда и советы участков, бригад, ферм оживут. А пока, к сожалению, чаще бывает так, как, скажем, в бригаде на хуторе Большом, где совет участка слабоват, собирается редко, а соберутся — отмалчивается большинство.

— Нет такого в понятии, чтобы решать самим вопросы...— заведующий Михаил Федорович Должиков, конечно, понимает, что он в Большом один из института, у него власть, он и сам сознательный, ему и карты в руки... Но пока не получается.

— Не бойтесь людей,— наставлял председатель.— Идите, Михаил Федорович, к людям. Большое дело, замах окрыляют! Диплом авторитета не дает, уж вы мне поверьте. Люди ждут от вас не приказов, не раздачи наряда, а чтобы вы с ними семь раз посоветовались. Когда они почувствуют, что поле ихнее, горючка ихняя, скот ихний, тогда ваш Большой по-новому заживет. Деятельно и весело! Откуда что возьмется!..

Совет бригады или фермы — орган справедливости и чистосердечности,— подытожил председатель, остывая.

Еще на сходе говорили о том, что нет неперспективных деревень в колхозе — всюду жизнь; что надо незамедлительно вести дороги с твердым покрытием до каждого хутора; что нужны медицинские пункты, особенно на отдаленных участках, а тут врача даже на центральной усадьбе нет; что хорошо бы года за два управиться с новой десятилеткой; что пора бы практически организовать подряд в бригадах; и почему Дом быта только в центральном селе?.. Совсем недавно детский сад нынешний — с игротекой и бассейном — казался сказкой, а самый проект несбыточным. А вот же сделали, добились самим себе на удивление.

Телевизор показывает, как иные селяне живут! Так, может, им гимнастический зал затеять? Или зал с искусственным льдом? А кафе с бильярдом? А сауну? Парк вроде есть, а надо бы и аттракционы? Любой город все эти разносолы жизни имеет... А селу зимние сказки остаются?.. Быт — непременное нынче условие труда заинтересованного, производительного. О повышении качества жизни и шла речь.

Колхоз «Пролетарский Октябрь» живет давно безбедно и многолюдно. Но актив здесь сосуществует с тревожным пониманием недостающего именно в быту. И, конечно, все это сказывается на усердии тех, кто призван получать по тридцать центнеров зерна на круг, стабильно надаивать по три тысячи, а то и больше килограммов молока, продавать, как порешили, пятьдесят тысяч свиней!

...Расходились затемно. Я, кажется, навсегда запомнил голоса, и жесты, и доводы таких разных Михаила Ильича Винникова, Ольги Сергеевны Должиковой, Николая Ивановича Морозова, Виктора Юрьевича Малахова... Хозяева они. Народные депутаты, радетели. Село — каждое — славно его жителями. А уж потом землями и прочими угодьями. Сначала людьми. Корневыми, которые живут укорененными кустами, как Должиковы, Верейкины, Мищенко, Стефановы, Мишустины, Маликовы... Их много, славных, всем селом признанных, авторитетных фамилий. Живут неплохо и те, кого совет бригады или фермы лишает части премиальных за невыход на работу, нарушение технологической дисциплины, за пьянку в страдную пору, когда душа крестьянина не принимает ни объяснений, ни извинений... И все-таки куда больше людей работящих, совестливых.

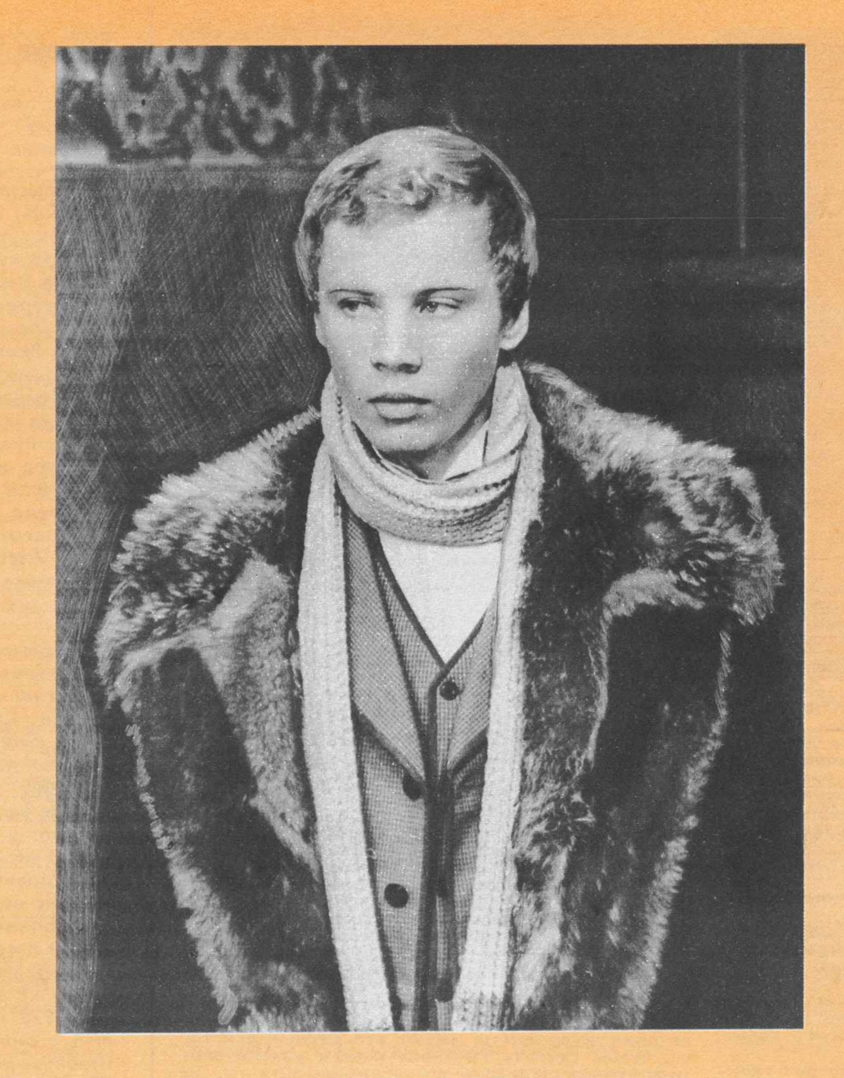
— В сознание селян постепенно вошли такие экономические категории, как «фондоотдача», «себестоимость», «затраты производительные и непроизводительные»,— сказал мне секретарь парткома Марченко.

Не спит село, светятся экраны телевизоров. И льнут Димка и Максимка к молодой бабушке: «Скоро сказка сказывается, да только ведь до счастья дойти еще надо...» Через дело, через испытания, но об этом близнята узнают сами когда-нибудь.

Должиковы почаевничали, попели, поиграли — и по домам. У прадеда Василия Федоровича свой дом, и он стар уже засиживаться с молодыми, ему пора было на покой; у сыновей Василия Васильевича детки малые, им, как и прадеду, тоже время спать. И забрал Сергей двойню годовалых — увез в свой дом. Квартиру, как только мальчишки родились, новой семье рода Должиковых дал колхоз.

Мария Даниловна, которой удались блины и на этот раз, все вспоминала внуков, особенно забавную двойню Сергея, младшего сына. За Сергея у нее, бывало, душа болела. Младшенький. А учиться уехал в Москву! На инженера. Колхозным был стипендиатом. Она его навещала — сало возила, пироги, мед с белой акации... До сих пор помнит Мария Даниловна Лиственничную аллею, самое красивое место в Москве, где жил пять лет ее младший.

Дома сыновья. И внуки вот пошли. Конечно, потом внуки разлетятся, разъедутся. И снова по весне слетятся, как птицы. И так будет всегда. Пока есть на земле поля, сады, теплые снега Родины, а под ними новая озимь, зеленые сны.

ГЕРОЙ ФИЛЬМА — ДОСТОЕВСКИЙ

«Подросток». Один из самых загадочных романов Федора Михайловича Достоевского, что стоит как-то особняком. Чуть-чуть в стороне. А тайны свои раскрывает неохотно, да и то, пожалуй, не каждому. О чем роман? Достоевский говорил: чтобы ответить на этот вопрос,надо пересказать все содержание «Подростка», от первой до последней строки. В разгар работы основные сюжетные линии то и дело осложнялись разными «событийными» вставками, которые черпались из газетной хроники тех лет, особенно из раздела «Происшествия»; Достоевский нет-нет да соблазнялся сюжетными перипетиями традиционных в то время в России русских и западных мелодрам, бульварных романов. А как это все экранизировать?

Сразу скажу: Евгений Ташков ставит весь роман, купюр — ощутимых купюр — здесь практически нет. Он листает страницы романа бережно и с любовью. Он слушает Достоевского.

Ташков подчеркивает: он ставит фильм о девятнадцатом веке. Да, в девятнадцатом веке угадывается, конечно, век двадцатый, и Версилов, центральная фигура романа, является во многом его человеческим прототипом. Но Ташков на этом не настаивает. Его режиссура проникнута редким в наши дни чувством историзма. Дело не только во внешней достоверности костюмов, быта и прочего антуража эпохи девятнадцатого века. Здесь достоверны не только костюмы. Здесь прежде всего достоверны люди. Здесь найден и передан сам дух эпохи. Роман Достоевского предстает в той психологической атмосфере, в которой он и создавался — почти сто десять лет назад. И вот этой самой разницы — сто десять лет назад — не чувствуется. Как же это достигнуто? В чем секрет?

А секрет, мне думается, разгадывается просто.

Ташков во всем, абсолютно во всем верен Достоевскому. Он идет за ним шаг за шагом. След в след. Он как бы сам растворяется в Достоевском и нисколько не пугается, что его личное «авторское» присутствие не бросается в глаза.

Чем труден роман? Впрочем, так нельзя сказать. Вопрос «чем» необходимо заменить вопросом «кем»?

Роман «Подросток» труден для восприятия и, соответственно, для передачи на киноэкране — людьми. Каждый из них живет не одной жизнью. Внешняя жизнь обманчива. Стоит приглядеться — и чувствуешь: за «фасадом», за внешней стороной их повседневных дел кроется что-то еще, какая-то другая жизнь, которая гораздо интереснее, богаче, сложнее по духу. Люди Достоевского состоят из парадоксов. Их образы нельзя перевести на ясный и простой язык идей и пересказать эти идеи в двух словах. Любой пересказ выглядит однозначно. Перед нами жизнь во всем ее объеме. Но как, каким образом выразить этот объем в актерской игре? Вот Версилов. К его характеру применим, пожалуй, любой эпитет: он и добрый и беспощадно злой, в чем-то честный, в чем-то, наоборот, отвратительно нечестный, да что перечислять! Его характер примет в «свой адрес» что угодно, ибо в нем, в Версилове, уживаются все противоречия века. Подумать только! Он высказывает мысли, которые напоминают идеи Чаадаева и Герцена! А в любительских спектаклях Версилов играл Чацкого! «У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире,— скажет Версилов в одной из исповедей сыну Аркадию,—тип всемирного боления за всех...» Обычно эти слова пробрасываются. Не принимаются всерьез. Напрасно, подчеркивает режиссер. Версилов многолик и, поверьте, не притворно многолик, он действительно разный. Но как же все это сыграть?

Режиссер подсказывает Олегу Борисову, выбранному им на роль Версилова: в каждом появлении, в каждом разговоре Версилова должна существовать какая-то недоговоренность. Версилов — как магнит, он постоянно приковывает к себе внимание, но никто, никто не может его разгадать. Собственно говоря, разгадать отца— вот цель, которая стоит перед Аркадием, владеет его воображением неотступно. Он все более и более перестает понимать жизнь, людей. Он— чистая душа! — хотел разрешить все их загадки, понять что «бело», что «черно»...

В финальной серии режиссер доказывает, что Аркадий действительно сын Версилова, что они в чем-то неуловимом разительно похожи. Да, Версилов — Борисов по-человечески необычайно сложен с первых же минут фильма, в нем постоянно живет какая-то тайна, и каждый из нас, зрителей, волен разгадывать это таинство по-своему. Аркадий дорастает до духовного уровня своего отца, и это происходит на наших глазах.

Перед Андреем Ташковым, который играет Аркадия, стояла задача сложная: сохраняя нейтральность и подчеркнутую объективированность общего тона, не навязывая нигде «своего Достоевского», показать, как растет, как меняется Аркадий, как шаг за шагом он идет по жизни и как, каким образом эти шаги откликаются в его душе. В целом эта задача выполнена.

Шесть серий — путь, конечно, не близкий. Пройден он трудно, но достойно. Может быть, слишком долго А. Ташков боится «оторвать» Аркадия от присущей ему (видимо, с детства) инфернальности, может быть, слишком часто, я бы даже сказал, однозначно простодушие юности перекликается в его Аркадии с нервной неустойчивостью, выраженной в привычных — для такого случая — приемах. Но сделано главное. Создан человек. В нем появляется что-то непостижимое, то есть что-то такое, что и делает человека человеком, личностью. Его трудно не любить, ибо он обаятелен и безыскусно правдив. Во всем. Ташков играет с максимальной самоотдачей, вкладывая в роль всего себя, без остатка. В фильме бывали эпизоды, которые актер проводил с такой искренностью и с такой человеческой глубиной,— и я вдруг ловил себя на мысли, что убежденно верю: да, это действительно Аркадий Долгорукий, действительно герой Достоевского.

Это же я могу сказать и о большинстве других актеров, занятых в «Подростке». Фильм отличается единой художественной целеустремленностью. Здесь все подчинено единому эстетическому закону; фильм не распадается, как это часто бывает, на отдельные актерские работы: режиссеру удалось, на мой взгляд, создать интересный артистический ансамбль.

Евгений Герасимов тонко проследил внутреннюю логику поведения князя Сережи. Актер строго последователен. Нет, его князь не подлец и не нравственный урод, как это могло показаться на первый взгляд. Да, он запутался. Да, он грешен. Но ведь такой и мир, в котором он живет, и не ему этот мир исправлять...

Особенно радостно за Наталью Гундареву. Читая роман, мне почему-то казалось, что Татьяна Павловна — персонаж самый, пожалуй, простой, безобидный, что ли... Наблюдая Гундареву — Татьяну Павловну, все мы, я думаю, лишний раз убедились, что у Достоевского нет простых и однозначных людей. Гундарева играет с глубокой внутренней болью, затаив истинные чувства, чуть не плача. Актриса предлагает непривычный для себя острохарактерный рисунок. Она очень долго как бы не подпускает нас к Татьяне Павловне. Она хитрит. А потом вдруг как-то очень незаметно, будто бы невзначай раскрывает душу, дает понять, что Татьяна Павловна действительно влюблена в Версилова, влюблена давно, безнадежно, а жить без этой любви она уже просто не в силах, ибо любовь есть любовь, и как совладать с ней — бог весть!

Фильм «Подросток» реалистичен по сути. Он населен людьми, это хочется подчеркнуть еще и еще раз. А главным его героем все-таки остается сам Федор Михайлович Достоевский: его образ незримо присутствует где-то «за кадром»,— и это, я думаю, и есть главная заслуга «Подростка», снятого на студии «Мосфильм» по заказу Гостелерадио СССР.

К. АНДРЕЕВ

На снимке: А. Ташков в роли Аркадия.

РЕДАКТОР

Зигмунд ХИРЕН

Под утро стояли мы с писателем Евгением Петровичем Петровым на высокой насыпи, а внизу в тучах пыли и дыма по истерзанному, разбитому шоссе, изъеденному, как оспинами, воронками от бомб, мчались и мчались полуторки и трехтонки, «газики» и «эмки», а то просто подводы. А случится пробка, начинали хлопать дверцы кабин и из них выскакивали шоферы с заросшими щетиной лицами, обезумевшими, красными глазами. Затем на перекрестке показался генерал, тяжелая деревянная кобура от маузера больно била по животу, генерал то и дело передвигал ее в сторону. Он почти не стоял на месте, но вот к нему подошел старший офицер и, взяв под козырек, стал рапортовать. Генерал яростно накинулся на офицера.

— О чем они там? — полюбопытствовал мой спутник. На Петрове была новенькая, с иголочки, летняя форма цвета хаки, в петлицах — три шпалы, немного узковатые брюки были заправлены в такие же зауженные голенища. Более всего Петрова беспокоила пилотка, тыльной стороной правой ладони проверял, правильно ли она сидит на голове, не сдвинулась ли, не сплющилась ли блином.

— Интересно все же, о чем они там? — повторил Петров.

— Ничего не стоит узнать,— ответил я,— давайте спустимся к ним.

Падая, поднимаясь, скатились на шоссе. Генералом с маузером оказался командарм, будущий маршал Иван Степанович Конев, я представил ему своего спутника.

— Полюбуйтесь,— начал без всяких предисловий Конев,— живой Остап Бендер на войне! — И он кивнул на офицера, которого только что распекал.

Это был не первый случай, когда Петров слышал имена героев своих и Ильи Ильфа романов. Ведь на фронте сражались миллионы читателей «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка».

Вечером сидели мы с Петровым в душном, тесном помещении и смотрели кино «Антон Иванович сердится».

— Чистейшая фантастика,— твердил он,— такая война, а тут кино.

Между тем на экране, сшитом из нескольких бязевых простыней, показалась улица Герцена, консерватория, мирная, спокойная московская жизнь. Что-то вдруг загромыхало, заурчало.

— Надо же,— ухмыльнулся Петров,— тут ведь пианиссимо, а они на всю железку фортиссимо.

Но в этот момент экран вовсе погас.

Выйдя на улицу, мы поняли, откуда «фортиссимо». Над нами в строгом строю пролетало несколько сотен «юнкерсов», «хейнкелей»... Самолеты шли почти на бреющем, и временами можно было свободно разглядеть в освещенной кабине силуэт пилота.

Фашисты шли на ночную бомбежку Москвы.

— Почему же их пропустили? — с негодованием спросил Петров.

— Не положено с территории крупного штаба открывать огонь. Ничего, чуть подальше их встретят и наши зенитки и наши истребители.

Петров, узнав, что до ближайшей зоны ПВО не так уж далеко, настоял, чтоб мы туда отправились. Все небо прострочено трассирующими снарядами, а между ними и лучами прожекторов мечутся те самые фашистские бомбардировщики, которые только что проходили над нашим «кино» парадным строем. Вот сбили один «юнкерс», вот — второй. Наши летчики на земле аплодируют. К ним присоединяемся и мы с Петровым.

Однако тут я должен вернуться к недосмотренному «Антону Ивановичу...».

Не сказал я, что картина была снята по сценарию Евгения Петровича Петрова. Разумеется, он о том не уведомил меня.

О героине одного из своих очерков Петров как-то сказал: «Трудно сохранить духовное равновесие, когда человек проходит испытание славой. Но еще труднее не показать людям собственного действительного или воображаемого превосходства. Это — проявление высшего такта». Слова эти можно целиком отнести к Петрову.

* * *

За письменным столом главного редактора «Огонька» Евгений Петрович сидел считанные часы. Обстоятельства сложились так, что глубоко штатский «Огонек» с приходом Петрова стал вскоре журналом почти военным. Вот как все произошло. В первый раз Петров подписал в печать номер «Огонька» в декабре 1940 года. Новогодний номер открывался титульным листом со стихотворением Ярослава Смелякова под названием «В преддверье сорок первого».

На первой же редакционной летучке новый редактор попросил, чтоб на снимках для журнала люди не позировали, а только действовали. Не надо, сказал он, портретов с остановившимся, напряженным взглядом, не надо мертвенных пейзажей, неспособных породить отклик в душе читателя. Петров не скрывал, что мечтает «Огонек» превратить в блистательный журнал. Он не сомневался, что раздобудет многокрасочные печатные машины, первоклассные технические средства, превосходную бумагу. Он на своем веку успел познакомиться с прессой многих стран и утверждал, что советские журналисты имеют все данные для того, чтобы сделать «Огонек» самым увлекательным журналом в мире.

«Ноги! Где у вас ноги, товарищи?» — твердил он фоторепортерам. А для очеркистов были у него всегда три заветных слова: «Писатель должен писать!»

В марте 1941 года Петров поехал в Германию, направился в Лейпциг, славившийся когда-то полиграфией, надеялся там найти новую технику для «Огонька». Петров заблуждался. Гитлеровская индустрия была целиком занята пушками, танками, бомбардировщиками, истребителями, снарядами, минами. Все для готовящейся войны с Советским Союзом. Вскоре началась Великая Отечественная война. И вот Евгений Петрович у нас на Западном фронте.

Теперь кабинет заменили ему солдатские блиндажи, фронтовые дороги, узлы связи, крейсер «Ташкент», на котором он прорвался в осажденный Севастополь. Петров старался ничем не выделяться. Фронтовой корреспондент как фронтовой корреспондент. Но была у него еще одна забота — выход в свет очередного номера редактируемого им журнала «Огонек». Писал немало сам, впряг в это и нас, фронтовых корреспондентов столичных газет. Узнав, что мне удалось присутствовать при поимке гитлеровского парашютиста-шпиона и с ним беседовать, Петров стал просить написать об этом. Редактор «Красной звезды» решительно запретил нам, корреспондентам газеты, выступать в других изданиях. Но Петров был настойчив, и я написал. Теперь страшнее была не кара собственного редактора, а оценка Петрова, перед чьим литературным талантом я всегда преклонялся. Он прочитал, сказал, что публиковать можно, за исключением заголовка.

— Вы назвали «Тигр в клетке». Где ж, по-вашему, еще ему быть? Вполне подходящая жилплощадь для такого зверюги. Но кого сейчас, скажите, интересует эта клетка? Шпион вам там сказал, что при встрече со своим резидентом ему надо произнести: «Тигр из Кенигсберга». Вот, по-моему, настоящий заголовок. Ну как, согласны?

Еще бы! Достав из нагрудного кармана гимнастерки свою ручку, Петров зачеркнул мою «клетку» и написал: «из Кенигсберга».

Когда началась Великая битва за Москву, Петров входил во все освобожденные города вместе с нашими передовыми частями. Никогда не забыть мне раннего утра в Волоколамске. Возле небольшой избы — виселица. Фашисты казнили восьмерых советских людей. Ворвавшись в город на рассвете, танкисты сняли повешенных. Петров наклоняется к снятым с виселицы патриотам и целует каждого в лоб.

Потом в одной машине мы возвращались в редакции. Петров с печалью глядел в смотровое стекло. Лишь один раз нарушил молчание, когда навстречу показался открытый грузовик с музыкантами. Снег падал на медные трубы.

— Медные трубы,— тихо произнес Петров,— хорошая военная примета, хороший абзац!

Замечательный писатель, фронтовой корреспондент, главный редактор журнала «Огонек» Евгений Петрович Петров погиб при авиационной катастрофе 2 июля 1942 года, возвращаясь с фронта, с редакционного задания.

Евгений Петрович Петров.
Рис. С. Городецкого. Февраль 1938 г.
Публикуется впервые.

Татьяна КАЛУГИНА

«...Мыслить о лучшем будущем... не отвлеченность, но повелительный зов к улучшению жизни». Это строка из письма выдающегося деятеля культуры XX века Николая Константиновича Рериха, присланного в Ригу с Гималаев в декабре 1935 года. Рериховских писем всего около четырехсот, и хранятся они в семье Рихарда Яковлевича Рудзитиса (1898—1960 гг.)— поэта, писателя, деятеля культуры.

Небольшая квартира на окраине Риги, где сегодня живут жена и дочь Рудзитиса. Здесь, в семье Рудзитиса, хранятся письма Рериха, документы, книги, рассказывающие о художнике-гуманисте.

Передо мной рукопись пьесы Н. К. Рериха «Милосердие», написанная им осенью 1917 года. Автор назвал ее «наивным народным действом», и центральная проблема ее — спасение знания, на которое обрушились темные силы.

Впервые пьеса напечатана в альманахе «Современная драматургия» в этом году. Рассказывая на страницах журнала об истории ее создания, Святослав Николаевич Рерих сказал: «Мой отец написал несколько пьес, но все они, за исключением пьесы «Милосердие», пропали... Пьеса «Милосердие» попала в собрание латвийского поэта Рихарда Рудзитиса».

И вот я в гостях у дочери поэта, искусствоведа Гунты Рихардовны Рудзите. Прошу Гунту Рихардовну рассказать, как попала эта рукопись в архив ее семьи. И так, слово за слово, узнаю о глубоких связях семьи Рерихов с Прибалтикой, о латвийском Обществе музея Рериха, существовавшем в Риге в 30-е годы.

Что же это за общество и как оно возникло?

В 1920 году в Лондоне Рерихи познакомились с рижанином Владимиром Анатольевичем Шибаевым, и вскоре он стал их личным секретарем. В 1924 году Шибаев на время покидает Рерихов, которые готовятся к большой экспедиции в Центральную Азию, и приезжает из Индии в Ригу. С собой он привозит литературные труды Н. К. Рериха, которые затем издает здесь отдельной книгой. Он с увлечением рассказывает своему другу, врачу Феликсу Лукину, о художнике Рерихе, о замечательной культурной деятельности всей их необыкновенной семьи. Официально общество было оформлено в 1930 году, а переписка с Рерихами началась раньше. Устав гласил: «Общество музея Рериха в Латвии основано с целью ознакомления населения Латвии с работами Рериха и развития духовной культуры, чтобы в сотрудничестве с подобными организациями и учреждениями укреплять дружбу народов и взаимное их сотрудничество в области искусства и других проявлений культуры». После Ф. Д. Лукина руководителем общества стал Р. Я. Рудзитис.

— Но вот какая интересная деталь,— рассказывает Гунта Рихардовна.— Пьеса «Милосердие» оказалась единственным документом, сохранившимся в рукописном варианте. Мой отец предполагал, что пьесу эту сам Рерих считал незаконченной, потому и не перепечатал. В Ригу же он отправил ее с другими работами для сохранности. Во всяком случае, доподлинно известно, что именно через рижских друзей Рерихи собирались вернуться в тридцатые годы на родину.

— Как познакомился ваш отец с семьей Рерихов?— спрашиваю я.

— Иногда мне кажется, что отец и не мог не повстречаться с ними, так много у них было общего,— говорит Гунта Рихардовна.— Помните напутствие Льва Толстого молодому Рериху, когда художник подарил ему фотографию со своей картины «Гонец»? «Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет»,— сказал Толстой. Вот и у моего отца на столе всегда стоял камертон, по которому он любил ударять, как бы напоминая: настраивайтесь на главное! Основным лейтмотивом его жизни была тяга к красоте, огромная жажда сделать совершеннее окружающий мир. Он переписывался с такими выдающимися личностями, как Ромен Роллан, Рабиндранат Тагор.

НОВОЕ О Н. К. РЕРИХЕ

«Во имя светлого труда»

Рассматриваю книги в белых и синих переплетах с тонким шрифтом, с изящными, живописными буквами в заголовках.

— Эти титульные листы — работа самого Николая Константиновича,— говорит Гунта Рихардовна.— А вот простой льняной холст для обложки большого альбома — монографии Н. Рериха, выпущенного в 1939 году, подсказал уже Святослав Николаевич Рерих.

Некоторые из книг были переведены на латышский язык Рудзитисом. Он стал также автором многих статей о Рерихе, в частности, пропагандистом его мыслей о роли школы, о воспитании через красоту, о будущей миссии женщины.

Гунта Рихардовна Рудзите показывает мне небольшой белый флажок с рубиновым кольцом, в центре которого — три соприкасающихся круга.

— Это флаг Общества музея Рериха, он стоял на столе во время собраний,— говорит она.— А большое знамя мира находится в Музее истории Риги и мореходства.

— Знамя мира?— переспрашиваю я.

— Да, знамя мира. Сам Николай Константинович подчеркивал, что слово «мир» в русской речи означает и мирность и Вселенную. Знамя мира как бы охраняет духовные сокровища всего человечества, охраняет путь к миру, к будущему единству всех достижений науки, искусства и философии, составляющих человеческую культуру. Три соприкасающихся круга на флажке символизируют прошлое, настоящее и будущее, объединенные единым кругом вечности. Защита мира, борьба за утверждение Пакта охраны культурных ценностей были самыми главными идеями, главным делом Рериха. Он и члены его семьи в каждом письме напоминают о единении, дружелюбии, указывают на «эпидемию разъединения и раздоров», потрясающую весь мир, призывают к единению народов через культуру.

В 1937 году в Риге был торжественно открыт музей с отделом, посвященным искусству Рерихов (55 работ), а также прибалтийского и русского искусства, вышел каталог картин с предисловием Рудзитиса, потом было выпущено 35 открыток и множество репродукций, которые могли приобрести посетители музея.

— Однако работать отцу было трудно,— продолжает рассказывать Гунта Рихардовна.— Мешали белоэмигранты, которых здесь было много, правительство буржуазной Латвии тоже относилось весьма настороженно к отцу. О нем писали так: «Политически неблагонадежен; настроен пробольшевистски, ориентируется на Советский Союз».

Интерес к «Новой Стране» — так Рерих называл в своих письмах в Латвию Советский Союз,— был велик. Старались его понять, ловили каждое слово «оттуда». Член правления общества Екатерина Драудзинь принадлежала к социал-демократической рабочей партии и была участницей революции 1905 года; членом Компартии Латвии с 30-х годов был Иван Блюменталь, также состоявший в правлении общества.

В конце 30-х годов, когда в Риге был основан отдел ВОКСа, поддерживать связь с Советским Союзом стало легче. Товарищи из ВОКСа и Советского представительства бывали в музее Рериха, на лекциях и вечерах, посвященных русскому искусству. Летом 1939 года состоялась выставка советской детской книги и рисунка. В том же году на выставку латышской книги в Москве были посланы и книги, изданные рижским Обществом музея Рериха.

В эти же годы отец с друзьями «замахнулись» на периодическое издание «Мысль», однако в 1939 году успевает выйти только первый номер толстого журнала — его конфисковали. Очевидно, «криминалом» посчитали статью Н. Рериха «Друзьям-художникам», повествующую об успехе советского искусства на выставке за границей, о советской архитектуре, о сельскохозяйственной выставке в Москве. Но энтузиасты не сдавались. В скором времени вышел второй номер журнала под названием «Литературные записки», который конфисковать уже не успевают: летом 1940 года в Латвии восстанавливается Советская власть. Главный печатный орган — газета «Последние известия» («Яунакас Зиняс») печатает на первой странице статью Н. Рериха как привет новой жизни.

Интересно, что в борьбе за восстановление Советской власти в Латвии активно участвовали члены Общества музея Рериха. Секретарь общества врач Гаральд Лукин, сын основателя общества Ф. Д. Лукина, стал главным редактором ведущей газеты «Последние известия», Иван Блюменталь — главным редактором «Русской газеты», выходившей на русском языке. Во время выборов нового народного Сейма в 1940 году общество было среди сторонников единого Блока трудового народа, и Г. Лукин стал депутатом нового Сейма, провозгласившего 21 июля 1940 года Советскую Латвию.

Начиная с 1938 года Рерихи прилагали усилия к возвращению на родину; непосредственный переезд из колониальной Индии в СССР был бы очень сложен, они хотели сначала перебраться в Латвию, а потом уже в СССР. Но началась война...

— А как пережил отец оккупацию Латвии?— спрашиваю я.

— Ему и его друзьям Блюменталю и Лукину грозила расправа, и они скрывались. Оккупационные власти хотели увезти из Риги все художественные ценности, в том числе и картины Рериха.

Трудно описать, сколько сложностей и опасностей пришлось преодолеть отцу, спасая полотна. Ему удалось забрать картины Рериха из музея и спрятать их у одного из знакомых. Теперь эти полотна — гордость Латвии...

Вместе с Гунтой Рихардовной мы идем в художественный музей. Здесь, в старинном здании, хранится редчайшее собрание картин Николая Константиновича Рериха и его сына, Святослава Николаевича. «Эти полотна добирались до Латвии с далеких Гималаев почти всеми возможными видами транспорта»,— говорит заведующая отделом русского искусства Мара Маркевич.

Входишь в зал, и остаются позади, за какой-то невидимой чертой гул городского транспорта, спешащие по улицам люди... Нас окружает сияющий мир горных вершин. По скалистому снежному ущелью, вдоль бурного горного потока, чудом сохраняя равновесие, движется путник (картина «Путь»). Над прекрасной долиной древнего царства Кулута возвышается изваяние легендарного героя Гуга Чохана («Кулута»). Прикоснувшись к простору Вселенной, в полночном мерцании звезд высятся стены древнего монастыря («Твердыня Тибета»). Женщина опускает с каменной стены свой прозрачный хадак, чтобы по нему поднялись к свету люди («Мадонна Лаборис»).

Я смотрю работы художника, и в памяти всплывают написанные им строки:

«Друзья, знаемые и незнаемые, видимые и невидимые, мне хочется послать вам не просто привет, но зов звучнейший о сотрудничестве... Необозримое поле культурное имеет колосья для каждого жнеца, знающего, что такое труд. Во имя этого светлого труда взаимно обратимся друг к другу о сотрудничестве...»

Г. Р. Рудзите в кабинете отца.

Фото Д. Дайи

Рукопись пьесы Н. К. Рериха «Милосердие» из архива Г. Р. Рудзите.

Публикуется впервые.

ПО ИОРДАНИИ

Юрий ПОПОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Давно это было — больше полувека тому назад. Тогда мы, босоногие мальчишки, под шум теплого летнего дождя пели песенку: «Дождик, дождик, перестань, я поеду в Иордань богу молиться, Христу поклониться». Конечно, религиозный аспект этой оставленной в наследство от дореволюционных времен песенки никого не волновал, просто другую про дождь мы не знали. Но она была веселой, или так нам тогда казалось.

Но вот спустя много времени я приехал в эту самую «Иордань», вернее, в Иорданию — страну древнюю, овеянную библейскими легендами, и вместе с тем молодую, так как в качестве независимого государства появилась она лишь после второй мировой войны.

Амман — столица, центр страны, ее сердце, ее мозг. Мы проезжали по улицам с двух-трехэтажными опрятными домиками, построенными из белого камня, с двориками, засаженными яркими цветами и зелеными деревьями. Над нами ярко-голубое небо без единой тучки, воздух чистый, ароматный, как будто настоянный на сосновых иголках. Да так оно, пожалуй, и есть — длинноxвойная средиземноморская сосна растет по склонам тех семи холмов, на которых раскинулся город, продуваемый ветрами во всех направлениях.

Взбираемся на плоскую вершину горы, откуда открывается красочная панорама столицы. У Аммана величественное прошлое. Особенно большую роль он играл в период римского владычества. Он входил когда-то в так называемый «декаполис» — систему десяти городов на Ближнем Востоке, опираясь на которую римляне осуществляли свою власть в этом обширном районе. Тогда он назывался Филадельфией. С этой крутой горы хорошо видно внизу просторное полукружие амфитеатра с ареной, построенной римлянами, и колоннаду, оставшуюся от тех далеких времен. Каменное сооружение до сих пор служит людям. Отреставрированное, но оставшееся таким, каким было прежде, оно часто используется для различных концертов, митингов и других общественных мероприятий. По склону противолежащего холма карабкается вверх сам город, видны золотой шпиль большой мечети, зеленые пятна деревьев, жилые постройки.

Здесь, где мы находимся, остались развалины древней крепости и греческого храма, посвященного Геркулесу, около которого вихрастые ребятишки гоняют сейчас кожаный мяч. Туристы непрерывно щелкают фотоаппаратами. В музее, куда мы зашли потом, можно познакомиться с экспонатами, оставшимися от греков, римлян, византийцев и других завоевателей. На одном из стендов — медные свитки с библейскими текстами на древнееврейском языке, обнаруженные неграмотным пастухом в пещере. Около двух тысяч лет пролежали они в глиняных кувшинах, скрытые от глаз людских и неизвестно кем захороненные.

Амман много раз переживал периоды взлета и упадка. Во время четырехвекового турецкого господства Иордания стала задворками Оттоманской империи, и Амман практически обезлюдел. Лишь в прошлом веке началось его возрождение, когда здесь, как мне говорили, осела часть ушедших с Кавказа адыгейцев, сражавшихся вместе с Шамилем против Российской империи и которых в Иордании и других странах Ближнего Востока называют черкесами.

В отличие от районов, застроенных современными зданиями, часть Аммана, начинающаяся в низине поблизости от римского театра, зовется старым городом. Она изрезана кривыми улочками, в которых подчас не могут разъехаться две машины и где постоянно людской водоворот. Здесь глинобитные дома, давно не видавшие свежей краски, шум, звон, крики торговцев. Здесь остатки той восточной экзотики, которая привлекает заморских туристов со всего света. В Аммане есть современные хорошие магазины. Но тут бизнес процветает прямо на улице.

Со старинной деревянной камерой на треноге работает уличный фотограф. Хоть вы и не всегда узнаете себя на снимке, который он вам вручит, зато это будет сделано быстро и дешево. А за углом пристроился молодой курчавый парнишка. Он предлагает кварцевые часы различных марок и расценок, и тоже недорого. Но, конечно, гарантии не дает.

Но интереснее всего побродить там, где находятся лавки древностей и вообще всякой всячины,— задними улочками, отходящими от главной магистрали. И чего здесь только нет— старинные подносы, наборные уздечки для коня, трости и старинные щиты. Говорят, что если хорошо порыться, то и лампу Аладина можно отыскать среди этой груды старой бронзы.

Поездка на Мертвое море — это то, без чего нельзя обойтись, если знакомишься со страной. Кто не слышал об этом уникальном водоеме на нашей планете, расположенном почти на 400 метров ниже уровня моря и где соленость воды почти в десять раз выше, чем в океане? В нем невозможно утонуть, и в нем нет ничего живого. Перед поездкой договариваемся о беседе в правительственной корпорации по развитию Иорданской долины. Доктор Бени Хани, занимающийся вопросами развития уже не один год, подробно рассказал о том, что уже сделано для освоения этих самых плодородных земель страны и о перспективах будущего. Он принял меня в кабинете, заваленном схемами, проектами, картами.

— Ну, начнем с того, что наша корпорация отвечает за развитие долины на участке от Иордании до границы с Сирией, включая бассейн реки Ярмук. Конечно, говоря об Иорданской долине, мы имеем в виду ее восточную часть. Вы, конечно, знаете, что западный берег находится под незаконной израильской оккупацией. Вообще-то наша, так сказать, юрисдикция в этом отношении распространяется и дальше к югу, вплоть до залива Акабы. Но это — дело не близкого будущего.

Главная цель сейчас максимально использовать водные ресурсы для развития ирригации в этом районе и частично для водоснабжения населения. У нас постоянная нехватка воды для сельского хозяйства. Если бы ее было достаточно, мы смогли бы снимать урожай в долине Иордана три раза в год. Сейчас в результате выполнения нашей программы 90 тысяч человек живут на этих землях, а по ее завершении число это достигнет 150 тысяч. А главное — мы сможем получать значительно больше продовольствия, фруктов, овощей...

От Аммана до Мертвого моря не так далеко — до северных его берегов не больше 35—40 километров. Но мы едем дальней дорогой с тем, чтобы заехать и в лагерь палестинских беженцев в долине Бекаа (есть такая и в Иордании). Лагерь виден с дороги издалека — серое скопление хижин на плоской равнине. Шофер Абдулла, с которым мы объясняемся при помощи его небогатого запаса английских слов и изобретательных манипуляций руками и пальцами, говорит, что здесь сейчас проживает около 7 тысяч человек. Раньше было значительно больше. Многие перебрались в другие, более благоустроенные места.

Въезжаем в поселок. Тесно одна к другой лепятся каменные лачуги. Узенькие, пыльные переулочки с бьющими в нос запахами. Зелени никакой, но пыль всюду, даже на лицах ребятишек, гоняющихся друг за другом на площади, где сосредоточены лавчонки, торгующие грошовой снедью, тряпьем и другими подобными товарами. Женщины с усталыми лицами, бородатые медлительные мужчины провожают наш кабриолет безразличными взглядами. Выходим из машины, чтобы с кем-нибудь поговорить. Но ребятня к нам не торопится. Несмотря на бедность, никто не протягивает руку. Вообще нигде в Иордании я не видел, чтобы кто-нибудь просил бакшиш, как это бывало во многих других странах Азии. Лишь когда я достаю фотокамеру и пытаюсь сделать несколько снимков, перед объективом вырастает мгновенно толпа смеющихся проказников, которые почему-то всегда любят сниматься, хоть фотографий никогда не получают.

Контакт быстро устанавливается. Курчавый, пропыленный до рыжины Махмуд берет на себя роль старшего и затыкает рот всякому, кто пытается произнести хоть слово. По виду ему лет 12—13. Он здесь и родился, в этом лагере. Родители его бежали с того берега больше 15 лет назад, в 1967 году, когда Израиль захватил земли палестинцев. До того, как они были согнаны со своей земли, его родители жили хорошо. И он, наверное, жил бы лучше, чем сейчас. Но у него отняли родину, дом, средства к существованию. Когда заходит речь об Израиле, его глазенки темнеют и челюсти сжимаются. Он обводит рукой всех мальчишек, бьет себя в грудь и, показывая на запад, имитирует стрельбу из пулемета. В общем, он намерен вернуться на землю своих предков.

Сколько их таких, лишенных родины и детства! Одна Иордания дала прибежище 700 тысячам палестинцев. А всего четыре миллиона беженцев разбросаны по чужим землям, хотя у них есть все права, определенные в решениях ООН, на существование собственного Палестинского государства. Но с этими правами не считаются ни израильские правители, ни их благодетели в Вашингтоне.

В Иордании к палестинцам относятся благожелательно. И в этом лагере все дети, как и везде в стране, учатся. Несмотря на бедность, они сыты. Иорданское правительство оказывает — вместе с международными организациями — палестинцам существенную материальную помощь. Палестинцы работают на самых различных должностях и участках.

Мы прощаемся с палестинцами и продолжаем наш путь. Снова машина лезет в гору по извилистой дороге, и спустя несколько километров перед нами открывается величественная панорама долины реки Иордан. Самой реки не видно: она вьется там, в синей дымке, за зелеными полосками полей, перед цепью невысоких гор. Отсюда же видно сплетение дорог с раскинувшимися по сторонам живописными поселками, блестящие на солнце теплицы виноградников, покрытые синтетической пленкой. Ближе — зеленые сосны и туи. И этот напоенный ароматной свежестью удивительный воздух! Им хочется дышать и дышать.

Внизу, в долине, воздух намного влажнее и тяжелее. Проносятся небольшие селеньица с глинобитными домами, редкие деревья,

На рейде в заливе Акаба * Им всегда весело * Улица в Аммане * Руины крепости крестоносцев в Кераке * Даже верблюду жарко.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Палестиночка * Это осталось от древних римлян * Дорога в Петру.

ПРОСТРАНСТВО ВОСПИТАНИЯ

Леонид САПОЖНИКОВ, кандидат технических наук

Поезд Киев — Запорожье набирал скорость. Пассажиры получали у проводницы постельное белье, спрашивали, будет ли чай. Вдруг со звоном посыпалось стекло, и в купе, словно пушечное ядро, влетел камень.

Сотрудники железнодорожной милиции видали всякое, но то, что произошло на 877-м километре этой магистрали, поразило даже их. За час с небольшим группа подростков, пришедших «отдохнуть» в лесопосадке, разбила около сорока окон в пассажирских поездах. Лишь по счастливой случайности никто не пострадал.

Преступники (смягчать это слово нет оснований!) были задержаны и оказались не тупыми, узколобыми варварами, а симпатичными с виду ребятами в возрасте от 14 до 16 лет. Вот школьная характеристика на их лидера — Виктора К.: «Способный ученик, хотя из-за недостаточной целеустремленности учится хуже своих возможностей. С товарищами тактичен, со взрослыми вежлив. Читает журналы. Физически развит, увлекается спортом. В классе его все уважают». Из характеристики Игоря Р.: «Учится преимущественно на «4». Имеет хорошее общее развитие. Обнаружил наклонность к математике. Принимал участие во внеклассной работе: помогал ремонтировать школьную мебель». Прекрасного мнения школьные педагоги и об Алексее Н.: «Окончил восемь классов на «4» и «5» при примерном поведении. Уроков не пропускает. Член «зеленого патруля».

Ложь «во спасение»? Нет, педагоги — авторы характеристик были искренни. Эти ребята действительно способны и вежливы, охотно ремонтируют школьную мебель и охраняют зеленые насаждения (Алексей Н. подчеркивал в милиции, что они вели себя в лесопосадке культурно — не сломали ни единой ветки!). Тем более поражает феноменальная простота, с которой они, услышав шум очередного поезда, вставали от костра, где пеклась картошка, и шли собирать камни. Зачем же они, говоря их словами, «бомбили поезда»? На это им трудно ответить. Они и теперь не знают.

— А тогда?

— Тогда было весело, интересно...

— Вы понимали, что могли ранить и даже убить человека?

— Мы тогда об этом не думали...

— Не понимаем, как это случилось! — разводят руками их учителя.

А понять необходимо.

Ни в одном механическом цехе не возьмутся вытачивать деталь, не имея ее чертежа в трех проекциях. Азбучная истина: если ограничиться, скажем, видом сбоку, брусок и цилиндр будут неотличимы. Пространство, в котором формируется человеческая личность, несравненно сложнее, чем эвклидово, но школа, оценивая своих питомцев (а следовательно, и результаты своей работы), сплошь и рядом довольствуется одной-двумя проекциями. Она рассматривает ученика как некий аккумулятор знаний: хорошо усваивает — значит, хорош, все остальное приложится!

Ребята с 877-го километра усваивали учебный материал хорошо и в тот вечер применили его на практике.

— На уроках физики мы узнали про сложение скоростей и угол отражения, поэтому становились не рядом, а растягивались вдоль насыпи, чтобы камень, который отскочит, не попал в соседа...

Спору нет, знание — сила. Но не надо забывать: у каждой силы, кроме величины, есть направление. Знания Виктора К. и его компании, не имея под собой нравственного фундамента, оказались направленными совсем не туда, куда рассчитывала школа.

Их учителя возразят: «Мы ли не воспитывали нравственность? Ребята дисциплинированные, любят труд...» Да, дисциплинированные, но в стенах школы, под учительским надзором. Да, любят труд, но только свой собственный, иначе не поднялась бы рука целить камнем в окно вагона.

В большинстве школ задачу трудового воспитания видят главным образом в том, чтобы обучить подростка азам определенной профессии, и упускают из виду, что оно должно начинаться с воспитания уважительного и бережного отношения к чужому труду. Школьники часто даже не задумываются о том, какой труд вложен в окружающие их предметы. Однажды я спросил семиклассников, кто сделал вещи, которыми они ежедневно пользуются в классе. Надо было видеть, с каким удивлением открывали они вокруг себя труд плотника, маляра, металлурга! Характерно, что никто из них так и не вспомнил о полиграфисте: ведь учебники ежегодно появляются в школьных портфелях «сами собой», за ними теперь даже не нужно идти в книжный магазин...

В инспекциях по делам несовершеннолетних мне довелось просчесть многие десятки школьных характеристик, и ни в одной я не встретил анализа нравственности в подлинном смысле этого слова. «Не всегда откровенен со старшими...» «Не всегда хватает силы воли...» «Не всегда добросовестно выполняет общественные поручения...» Дальше этих робких, половинчатых выводов классные руководители не идут. Не хочется признавать, что допущен брак в педагогической работе? Но, раз уж дело дошло до милиции, это очевидно. Думается, причина кроется в одностороннем взгляде на личность ученика, в том самом «виде сбоку», при котором из поля зрения исчезают вопиющий эгоизм, полная безответственность, неумение самостоятельно мыслить и тому подобные свойства, «неожиданно» превращающие подростка в правонарушителя. Упрощенная, «плоская» оценка педагогами школьников и, как следствие, упрощенные педагогические задачи — один из корней того, что произошло на 877-м километре.

Недавно, проходя по одной из центральных улиц Николаева, я увидел в витринах нескольких магазинов, торгующих товарами для школьников, транспаранты с надписью: «Пусть всегда буду я!» К сожалению, я торопился на самолет и не успел узнать в гороно, как они относятся к этому восклицанию. Известно, что из песни слова не выкинешь. А вот выкинули, не посчитавшись с пословицей, и даже не одно, а целых три: «небо», «солнце», «мама». И остался в чистом виде девиз эгоиста. Работники торговли и просвещения роняют от умиления слезу, а будущий Виктор К. получает тем временем урок безнравственности.

Но зачем далеко ходить? Мой сын-первоклассник, претендуя на кусок торта с кремовой розой, сказал однажды:

— Все лучшее — детям!

— Где ты это слышал?

— В школе. И по телевизору...

Хороший, правильный лозунг. Но как часто мы повторяем его бездумно, забывая разъяснить ребятам, что лучшее в жизни — вовсе не материальные блага.

Каждый подросток должен вынести из школы убеждение: ключ к счастью — в труде. Не в формальном, подчиненном печально знаменитому принципу «лишь бы человек был при деле», а в настоящем, нужном обществу, как это подчеркнул в своей речи на июньском (1983 год) Пленуме ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов. Чтобы эта истина стала для школьника несомненной, мы должны дать ему возможность — и не одну! — проверить ее на личном опыте. Но при сегодняшней постановке школьного образования реализовать это естественное требование не так-то просто.

Начнем с повседневного умственного труда — с усвоения учебного материала. Как известно, его результаты оцениваются по пятибальной системе, которая давным-давно превратилась у нас в четырехбалльную: за годы учебы в школе я видел в дневниках не более двух-трех единиц, да и те, по сути, были не столько оценкой, сколько средством эмоциональной разрядки учителя. Позже в итоге пресловутой борьбы за стопроцентную успеваемость четырехбалльная система выродилась в трехбалльную. Любой лентяй и лоботряс может смело валять дурака все десять лет: тройки ему гарантированы. И этим школа опять же преподносит детям урок безнравственности: если сегодня за безделье можно получить тройку, то отчего бы завтра на рабочем месте не получить за него зарплату? Одновременно в глазах добросовестных учеников обесценивается их труд. У многих возникает мысль: а стоит ли стараться, если хорошие знания и прикрытое тройкой невежество разделяет один-единственный балл?

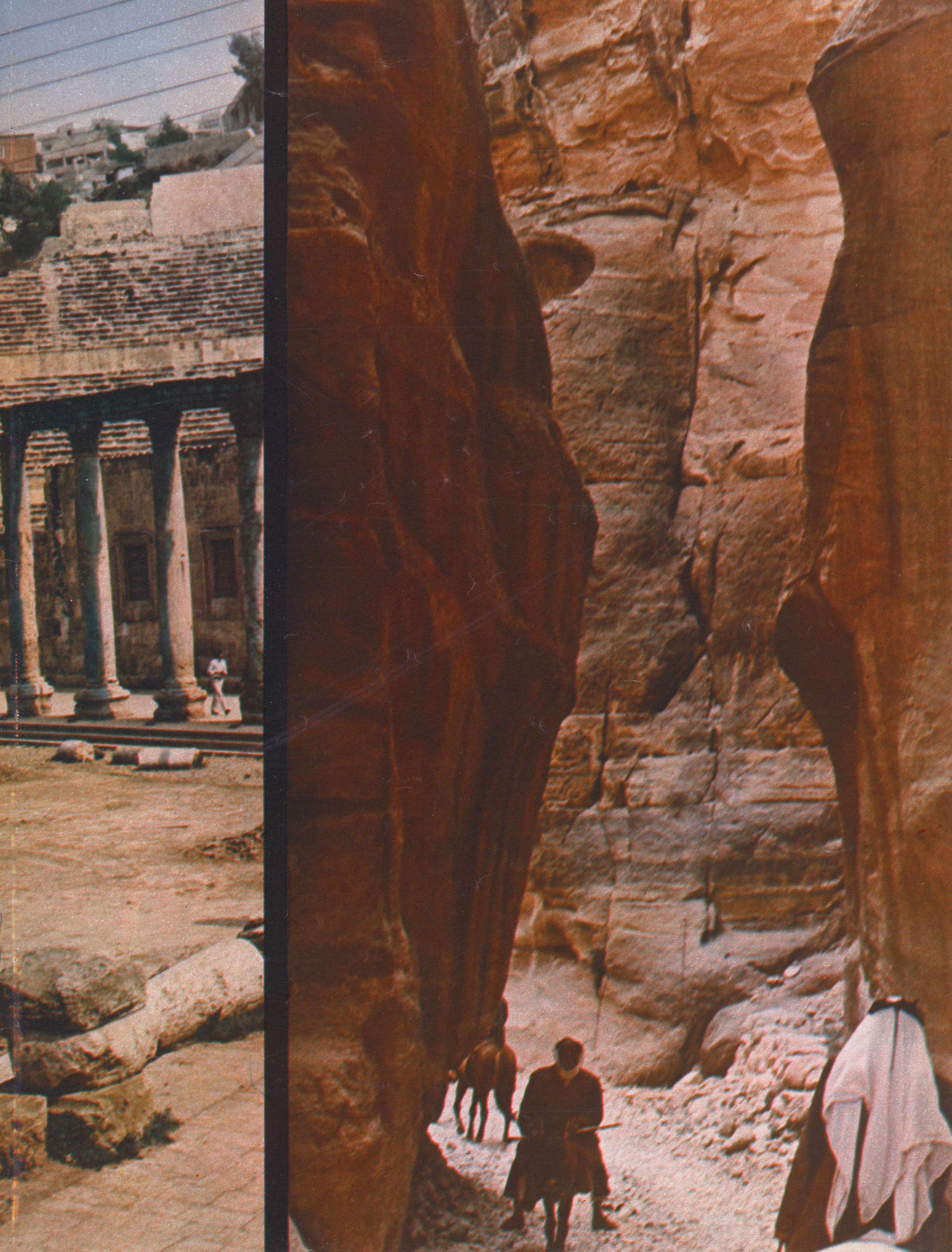
Но, может, учебно-производственный комбинат, где школьник овладевает основами рабочей профессии, дает возможность выразить себя в труде, почувствовать его притягательную силу? Увы, в большинстве случаев в межшкольных УПК подростков «распределяют по профессиям» без учета их вкусов и объективных психофизиологических данных. К тому же, как не раз отмечалось в печати, список этих профессий часто не соответствует производственной специфике региона.

Формальный и обезличенный подход к воспитанию, процветающий в настоящее время во многих школах, мешает детям проявить себя и в общественной работе. Возьмем, например, отряды юных дзержинцев: прекрасная возможность для подростка развить в себе благородство и моральную силу, умение отвечать за свои и чужие поступки! Но недоверие педагогов к ученикам и боязнь «как бы чего не вышло» сводят и эту возможность почти к нулю. Типичное задание юным дзержинцам: следить, чтобы школьники не бегали по коридорам во время перемен, чтобы снимали головные уборы в кинозале. Окружаем подростков частоколом мелочной опеки — и в то же время ставим им в пример Гайдара, который в шестнадцать лет командовал полком!

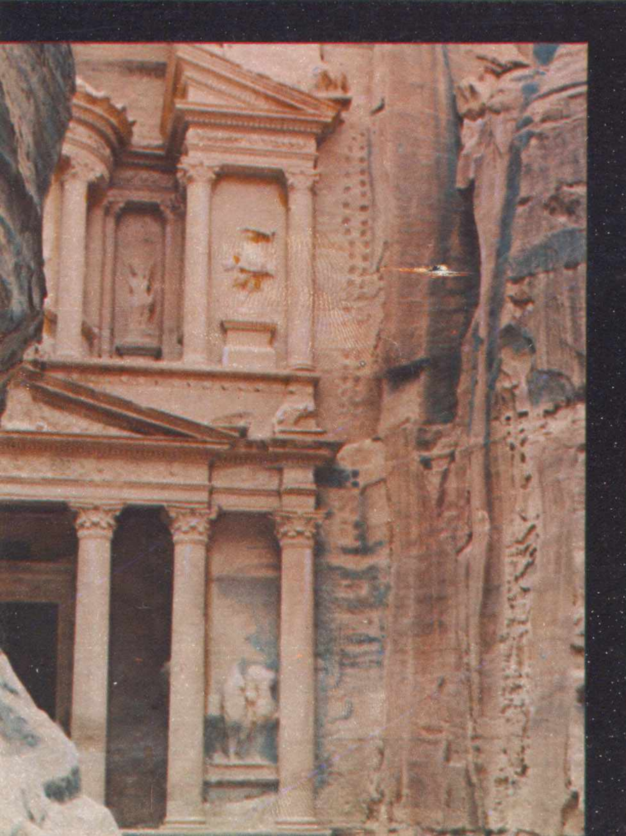
Вспомним фразу из протокола допроса: «Бросать камни было весело, интересно». Какая же серая скука должна царить в школе и вне ее, воспитанники которой веселятся вот так!

Работникам инспекций по делам несовершеннолетних хорошо известно: в сентябре число правонарушений резко падает. И это

пересохшие речушки, сбегающие с горных склонов, наполняющиеся водой лишь в зимнее время. Абдулла сворачивает на пыльный проселок к группе каменных строений. Здесь какой-то административный центр, занимающийся расселением крестьян на орошаемых землях. «Госпиталь», «школа» — тычет пальцем за окно Абдулла, когда мы проезжаем мимо какого-либо здания. Согласно закону, принятому еще в 1968 году, как я узнал позднее, освоенные в долине земли должны распределяться из расчета 3—5 гектаров на хозяйство. Максимум земельного надела не может превышать 20 гектаров. Орошение производится из канала, протянутого сюда от реки Ярмук, притока Иордана. Этот канал — лишь первая очередь большого проекта, осуществление которого займет многие годы.

Выезжаем опять на асфальтированное шоссе и вскоре оказываемся на развилке дорог. Одна идет круто вправо, к мосту Хуссейна, на правый берег реки. Нам туда дороги нет. Но те, кто там живет, имеют возможность побывать в Иордании. Правда, жителей западного берега подвергают всяческим унижениям, их тщательно обыскивают. Обшивка сидений автомашин должна быть снята, бензобаки должны быть сделаны из прозрачной пластмассы. Предусмотрен целый ряд других подобных мер. Но все же какая-то связь существует, и беженцы, поселившиеся в Иордании, могут получать вести от своих родственников.

А вести эти, как правило, малоутешительные. На западном берегу идет систематическое расширение еврейских поселений на землях, отнятых у арабов. Цель Тель-Авива — вообще вытеснить оттуда все арабское население. Израильские власти неоднократно заявляли, что не собираются уходить с захваченной территории. Более того, Тель-Авив утверждает теперь, что имеет якобы «библейские права» и на восточный берег. Не исключено, что где-то в секретных сейфах израильского высшего командования уже хранятся планы захвата иорданской левобережной части долины. Во всяком случае, опасения такого рода мне не раз приходилось слышать во время бесед с иорданцами.

Мертвое море тяжелое и неподвижное. Свинцовые воды его не подергиваются рябью, и волн не видно. В ресторанчике на песчаном берегу потягивают пиво несколько человек, и у кромки воды бродит погонщик с верблюдом. Сегодня он без дела — будний, как говорится, день. Людей очень мало. Купающихся тоже нет. Но в пятницу здесь плещутся в воде молодые, веселые ребята, и Мертвое море оживает. Погонщик со своим разукрашенным верблюдом не успевает катать всех желающих, хотя появилось много других конкурентов. По праздникам это одно из самых любимых мест отдыха жителей Аммана.

Вечереет. Багровое солнце медленно садится там, на западе, за Мертвым морем, на глади которого сверкают огненные отсветы. На фоне зари проступают зубцы и шпили какого-то города на том берегу.

— Иерихон,— говорит тихо Абдулла, поднимаясь для обратного пути. И я вспоминаю, что стены этого города, находящегося в двух шагах, согласно библейской легенде, пали когда-то от громоподобного звука труб, дабы открыть путь в землю обетованную изгнанным из Египта сынам иудейского племени.

Мы собираемся в Акабу. Это один из самых дальних маршрутов, который можно выбрать на дорогах, ведущих из столицы Иордании. Акаба — город на берегу Акабского залива, того самого, из-за которого возник конфликт, послуживший для Израиля предлогом развязать в 1967 году агрессию против Египта, Иордании и других арабских народов. Конфликт касался права Израиля на судоходство по заливу.

По дороге нас ждут встречи с прошлым Иордании, с ее многочисленными памятниками старины. Мы выбираем путь по ведущему на юг Королевскому шоссе. Выехали утром рано, когда только рассвело. Моросил непривычный дождь, было зябко. Унылые пейзажи вокруг — покрытые порыжевшей травой склоны массивных гор. Выпирающие из них выветренные белесые скалы. Поистине богата Иордания камнем. Поселков почти нет. Да и где им быть на этих выжженных солнцем камнях. Изредка встречаются черные шатры бедуинов с пасущимися возле них козами.

Но вот наконец Керак — первая остановка. Небеса немного смилостивились. Сквозь рваные быстрые тучи стало проглядывать яркое солнышко. Крепость крестоносцев четко просматривалась на вершине высокого крутого холма, как огромный вросший в него зуб. На этом холме и расположен весь городишко Керак, по которому мы немного поплутали, добираясь до крепости. Впечатление остается внушительное. Передо мной огромная крепость, сложенная из грубых полуотесанных каменных блоков с подземельями, галереями, обширными залами, переходами, узкими бойницами в стенах. Построить все это было, конечно, нелегко, так же как защищать эту цитадель на протяжении десятилетий. Крепость все же пала под ударами войск египетского султана Салах-ад-Дина, несмотря на то, что ее защищали не только стены, но и пять тысяч доблестных рыцарей.

И вновь дорога бежит на юг. Бывает время, когда эти унылые пейзажи расцвечиваются яркими красками весны — распускаются ирисы, красные анемоны, цикламены и даже тюльпаны. Но это на очень короткое время, и скоро опять зной, палящее солнце, выжигающее все живое. Постепенно холмы остаются позади, и начинается плоская равнина. На горизонте возникает еще одно фантастическое видение — из земли, словно огромный каравай хлеба, выпирает серый округлый каменный массив. Внутри него находится еще одна из достопримечательностей Иордании — Петра, столица древнего набатейского царства, основанного местными арабскими племенами. Начало его существования относится к третьему веку до нашей эры, а конец — к 106 году новой эры, когда его завоевали римляне.

На машине туда не доедешь. Дорога в Петру проходит сквозь узкий каньон, и мы пересаживаемся на низкорослых лошадок, которые ведет под уздцы проводник. Мне досталась хилая кляча, которая надрывалась изо всех сил под моими килограммами, не считая фотооборудования. Мне было трудно усидеть на ней и было бесконечно жаль ее. Но попытки слезть с лошади усатый погонщик, в пиджаке и шерстяной юбке, в растоптанных ботинках на босу ногу, решительно пресекал, полагаю, по коммерческим соображениям. Узкий, мрачный каньон длиной километра в два привел нас к вырубленному в скале храму, напоминающему что-то древнегреческое. Отсюда и начинается город с его пещерами, дворцами, полукруглыми театральными амфитеатрами, захоронениями и целым рядом других помещений, созданных руками людей в этих разноцветных песчаных массивах.

Налазавшись по этим скалам, находившись по дворцам и храмам, я присел отдохнуть на плоский камень, еще теплый, но уже в тени. Напротив в пещерах и сейчас живут люди — те самые проводники и погонщики лошадей, с которыми мы добрались сюда. Я узнал свою лошадку, понуро опустившую голову. Она неодобрительно посматривала в мою сторону. Ведь предстоял обратный путь.

В Акабу приехали поздно ночью, усталые, пропыленные, пропотевшие. Утром, раздвинув шторы, я увидел залив с кораблями на рейде, пальмы на берегу, скользящие по голубой воде лодки с разноцветными парусами, верблюда, лежащего на песке и пережевывающего жвачку. Справа, где синеют холмы,— город Эйлат. Это израильская территория. Из всех арабских государств Иордания имеет самую протяженную границу с Израилем. Слева постройки, напоминающие элеватор, и погрузочная эстакада для экспорта фосфата. Земля Иордании бедна полезными ископаемыми, но правительство принимает все меры для ускоренных поисков природных ресурсов. Большие надежды возлагаются на создание национальной химической промышленности на основе имеющихся разведанных запасов. Фосфаты — один из основных предметов экспорта, дающий стране значительное количество валютных поступлений. Их добывают неподалеку от Аммана на рудниках в Хасе и Эр-Русейфе и транспортируют для вывоза в Акабу по железной дороге. Широкие перспективы для развития этой отрасли сложились с открытием огромных залежей сырья на юге в районе Шейдия.

Трудной, напряженной жизнью живет эта небольшая страна. Но здесь делается многое для укрепления ее экономики, политической независимости и повышения благосостояния населения. Возвратившись из поездки в Акабу, мы побывали в столичном университете, где учатся не только иорданские юноши и девушки, но и студенты из других арабских стран. Университет — это целый городок с современными постройками, аудиториями и лабораториями, раскинувшийся среди обширного тенистого парка. Правительство несет большую часть расходов по высшему образованию, а начальное образование здесь не только бесплатное, но и обязательное. Бесплатно и среднее образование. Иорданские специалисты славятся своей высокой квалификацией на всем Ближнем Востоке, и их охотно приглашают для работы в других арабских странах. Большой вклад они вносят и в выполнение пятилетнего плана развития своей страны, который осуществляется в настоящее время, с целью внести коренные изменения в экономическую структуру государства и резко снизить зависимость от внешних факторов. Долина реки Иордан — наглядный пример повышения продуктивности сельского хозяйства, в котором занято около сорока процентов населения страны. Поставлена задача добиться полного самообеспечения Иордании продуктами питания.

Проезжая как-то неподалеку от Аммана, мы увидели скопление машин на обочине и оживленных, веселых людей вокруг. Здесь идет свадьба, вернее, даже две свадьбы сразу. Женихи — два молодых парня, кажется, они братья, упросили, узнав, что мы русские, остаться и разделить с ними трапезу. Мы согласились, и это вызвало новый взрыв радостного веселья. Но больше всего меня поразило то, что один из гостей обратился к нам на хорошем русском языке и стал объяснять свадебную процедуру. В этой сутолоке я забыл записать его имя, но он сказал, что учился шесть лет в Советском Союзе и с удовольствием вспоминает о тех временах. «Сейчас наши связи укрепляются с каждым годом,— говорил он,— и ваша страна пользуется у нас огромным авторитетом и уважением. Он не отходил от нас ни на шаг, объясняя, как следует катать шарики из вареного риса с бараниной прежде, чем отправить их в рот, и другие премудрости подобного рода.

Между Иорданией и Советским Союзом установились сейчас прочные, дружественные, взаимовыгодные отношения. Общество иордано-советской дружбы, где мне довелось побывать, пользуется большой популярностью, и его членами являются многие видные общественные и политические деятели Иордании. В беседах со мной иорданцы неоднократно подчеркивали значение той поддержки, которую оказывает Советский Союз справедливой борьбе арабских народов против империализма и сионизма, за справедливое решение палестинского вопроса.

Иордания, как известно, придерживается в области внешней политики твердой и независимой позиции, отстаивая свои коренные интересы и интересы братского палестинского народа. Известны попытки Вашингтона путем выкручивания рук заставить Иорданию примкнуть к сепаратным переговорам с Израилем по типу кэмп-дэвидской сделки с тем, чтобы лишить палестинцев их национальных прав, и, в частности, права вернуться на родные земли и создать собственное государство. Дело буквально доходило до шантажа, но правительство Иордании, возглавляемое королем Хусейном, не отступило. Король Хусейн, видные политические деятели государства неоднократно и решительно заявляли о своей преданности общему делу арабов.

Не знаю, придется ли мне когда-нибудь еще побывать в Иордании. Но помнить об этих теплых встречах, о гостеприимных ее жителях, всегда готовых прийти на помощь, даже если тебя не знают, ибо это традиция, помнить об этом я буду долго.

Бедуин * Горшки на продажу * Цветение * Фрагмент храма в Петре * Поселок палестинских беженцев * Один из семи холмов Аммана.

Ал. РОМАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

Нюрка

До чего же изменчиво лицо человека, который ждет. Ждет чего-то или кого-то — близкого, любимого. Ни складки рта, ни надбровные морщинки, ни глаза, в особенности глаза, ни на минуту не остаются неизменными. Предчувствие неожиданного — радости или горя, похвалы или обиды, смеха или страха, раздумье, нетерпение, сомнение, надежда, огорчение с поразительной быстротой сменяют друг друга. Ожидание — возбудитель затаенных, идущих из сердечных глубин переживаний — поистине преображает человеческое лицо.

Таким представлялось Алексею Ивановичу и лицо жены, Анны Павловны, по крайней мере те четверо суток, что пробежали после получения телеграммы от сына, от которого до этого около месяца не было писем. Телеграмма послана не из Петропавловска-Камчатского, где сын работал, а почему-то из совсем неизвестного им городка Красноярского края. Уже это требовало объяснений. Но в телеграмме была еще и совсем непонятная фраза: «Едем вдвоем, встречайте».

И Анна Павловна и Алексей Иванович не знали, что и подумать. Может быть, девушку встретил, влюбился и вот везет к родителям молодую жену? Может, какой-нибудь дружок появился, о котором родители и не догадывались? Все может быть. Камчатка — страна далекая. Это даже не Комсомольск, где когда-то работал Алексей Иванович, и где вместе с ним пять лет без малого и сама Анна Павловна прожила, и где родились Володька и Таня... Но что бы там ни было: едет сын, надо встречать...

Летом Кузнецовы жили на небольшой зеленой дачке под Москвой — в Баковке. Дачка семье нравилась. Может быть, особенно приятна душе каждого она была еще и потому, что в городе Кузнецовы имели квартиру в стандартном пятиэтажном доме. В этом доме и квартиры были стандартные: три комнатки с расхожими чешскими светильниками, восьмиметровая кухня и ванная с постоянно отваливающейся со стен плиткой. Комнаты и коридор были оклеены одинаковыми зелеными обоями с лиловым цветком, заключенным в ромбический орнамент. Плохо пригнанный паркет не скрипел разве только у самых дверей, где стояли холодильник и стиральная машина, похожая на окрашенную бензиновую бочку.

Возле дачи перед вросшей в землю скамьей стояла раскидистая рябина. Три ее ствола тянулись вверх от одного корня, а их длинные тонкие ветви с тяжелыми гроздьями ягод по осени накрывали, словно зеленым зонтом, стоявшие рядом металлический обеденный столик, такие же стулья с облупившейся краской и протоптанную мимо дорожку. Кусты орешника опоясывали зеленую площадку, на которой стояла дачка, а за ними поднимались вверх высоченные ели и сосны. Здесь было царство зелени и чистого, ничем не загрязненного воздуха.

Рядом с рябиной тянулась к солнцу высокая белая березка. Она казалась занесенной сюда откуда-то со стороны, и на темно-зеленом фоне ее тонкий ствол даже ночью был виден издалека.

К этой березке Анна Павловна испытывала особое чувство: в иные дни видела в ней отражение собственной судьбы.

Ее брак с Алексеем Ивановичем называли счастливым. И дети росли спокойные и трудолюбивые. Старший, Владимир, окончил политехнический институт, получил направление на Камчатку и вот уже второй год работал инженером на каком-то крупном заводе в Петропавловске. Дочери еще учились: Таня — в десятом классе, Вера — в восьмом. Отрыв Володи от семьи Анна Павловна переживала болезненно. Очень тосковала и постоянно видела пугавшие ее сны: то будто заболел сынок, то сделал что-то не то, обошелся с людьми не так, как следовало бы. И вот давно уже не было от него ни письма, ни телеграммы.

Сердце не молчало, нет. И от тревожных мыслей о сыне она обычно переходила к раздумьям о собственной судьбе. Ей всегда представлялось, что ее жизнь началась с детского дома: ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер она не знала. И если выплывало что-нибудь из памяти о детстве, то это был грохот рушащейся хаты, огромный костер и солдат, сующий ей в рот горячую картошку. Ничего больше из того, что было до детского дома. Неужели никто на белом свете так и не скажет ей, откуда она, кто ее родители? Даже собственное имя и отчество казались ей неточными, неверными, придуманными хотя и добрыми, но чужими людьми.

После школы, замужества и переезда в Комсомольск, а затем и сюда, в Москву, горькое сознание утраты родственных связей, потери жизненных корней немного заглохло, притупилось, но нет, совсем не исчезло, а в иные минуты возникало, как в детстве, с особой силой, лишало сна, томило до слез. Вот тогда-то и казалась она себе одинокой березкой, росшей возле дачи, в счастливом, но все-таки холодном зеленом окружении.

Года полтора тому назад Анну Павловну буквально потряс услышанный по радио рассказ бывалого солдата, кавалера трех орденов Славы, у которого брал интервью известный писатель для фильма, над которым он работал. Рассказ солдата мысленно она воспроизводила не раз: «Уж не обо мне ли он рассказывал?..» Алексей Иванович только посмеивался над таким ее предположением: «Откуда он мог взяться, твой спаситель?.. Столько лет прошло...»

Суть солдатского рассказа сводилась к следующему.

Был взят Минск, и фронт стремительно отодвигался все дальше на запад. Где-то не так далеко от Минска, пробежав километров семь по изрытой снарядами местности, подразделение вышло на окраину дотла сожженной деревеньки. Немцы отходили, не задерживаясь, стрельба смолкла, был объявлен привал, и отделение Павла Кузьмина прикорнуло у разбитой хаты, возле вырытого немцами на деревенских задах полузасыпанного окопа.

Было так тихо, как бывает только после закончившегося артиллерийского обстрела. И в этой тишине где-то под хатой зазвучал детский плач, заставивший встрепенуться даже крепко спавших солдат.

Из-под развалин выползла плачущая девочка трех лет, не больше...

— Смотри-ка, дите!— не удержался Павел.— Откуда ты взялась?..

Девочка продолжала плакать. Павел подошел, взял ее на руки.

— Братцы!— громко сказал он через минуту.— Да она же вся в крови... Где твоя мамка?..

Трупы мамки и бабушки солдаты тотчас же обнаружили под развалинами хаты. Они погибли от взрыва то ли бомбы, то ли артиллерийского снаряда.

— Так они же холодные, мертвые,— сказал Павел, осмотрев трупы.— Надо их похоронить... Видать, собой они девчушку прикрыли...

И, обращаясь к девочке, спросил:

— Тебя как зовут-то?

— Нюрка...— ответила она чуть слышно.

— Нюрка?.. Что же нам с тобой делать-то, Нюрка? — спросил Павел и, заметив, что девчушка начинает плакать еще пуще, сунул ей в рот испеченную на костре картошку.

Надо было спешить. И уже через час, накормив и укутав девчушку в старую шинель, солдаты машиной, что доставляла на передовую патроны и гранаты, отправили ее в тыл, в эвакопункт.

— Я ее туда сам и вез,— сказал старый солдат писателю.— В госпиталь мне надо было, на перевязку. Так я ее и прихватил с собой. Вот такая история...

После долгих раздумий и колебаний Анна Павловна направила письмо на радио с просьбой, «если это не трудно», вручить его писателю. Она рассказала в письме о своих переживаниях в связи с этой памятной передачей и просила сообщить ей адрес Павла, солдата, чей рассказ так ее тронул. А когда получила ответное письмо, то так взволновалась, что долго не могла вскрыть конверт. Но ее ожидало огорчение: отвечал ей не писатель. Отвечал на ее письмо неизвестный человек, назвавшийся «секретарем комиссии по литературному наследству». Он сообщал, что не может удовлетворить ее просьбу, так как горячо любимый всеми писатель еще в минувшем месяце после тяжелой болезни умер. Вскоре скончалась и его жена. Запись же на пленку, которая прозвучала по радио, была сделана еще при жизни писателя, но в его архиве простимого ею адреса солдата пока обнаружить не удалось.

На вокзал встречать Володю отправились всей семьей. Анна Павловна, сестры Таня и Вера, одетые по-праздничному, шли, держась за руки. Алексей Иванович подумал: «Ну, Володька, держись, будет тебе встреча, если молодая твоя жена придется семье не по вкусу».

На вокзале было многолюдно и неуютно. Бросались в глаза потные, уставшие лица пассажиров-транзитников, расположившихся в самых неестественных позах на неудобных ди-

ванах. Раздражали чересчур уж шумные очереди у билетных касс и продуктовых киосков. Спертый воздух затруднял дыхание. И хотя до прихода поезда оставалось еще минут двадцать — тридцать, все четверо вышли на перрон и скучились примерно в том месте, где должен был остановиться девятый вагон, в котором ехал Володя.

Чем ближе подходило время появления поезда, тем больше волновалась Анна Павловна. Она то вопросительно поглядывала на мужа, хотя ни о чем его не спрашивала, то теснее прижимала к себе Таню и Веру, державших в руках цветы. Поезд пришел точно по расписанию, но Кузнецовым, как и другим встречавшим его москвичам, почему-то показалось, что он опоздал.

Перрон зашумел, наполнился людской толчеей. Анна Павловна заметила Володю в окне девятого вагона сразу же, как только поезд остановился. И он заметил мать, отца, сестер, заулыбался, помахал рукой. У дверей вагона обнял и расцеловал.

— Боже мой!— не сказала, а скорее простонала Анна Павловна, смахивая слезы.— Как же ты окреп, возмужал, Володенька!..

Потом на мгновение замолкла и, подтянувшись к его уху, спросила:

— А где же... она?

— Ты кого это ждала, мама?— понимающе заулыбался Володя.— Я не один, только со мной не она, вовсе не она, мама... Со мною он... Вот он, мама, мой друг Павел Иванович Кузьмин... Я у его родных под Красноярском в гостях уже побывал, а теперь он наш гость...

Из-за спины Володи вышел пожилой человек в стеганой пластиковой куртке, с небольшим чемоданом в руке, седой, с простым русским лицом и приветливым взглядом. Он както очень уж внимательно посмотрел на Анну Павловну, пожал руку Алексею Ивановичу, поздоровался с девочками.

— Вот... вот,— смущенно произнес он.— Володя — мой сослуживец... Он пригласил меня в Москву... Буду, если позволите, вашим гостем...

Дома за ужином разговор долго не налаживался. И вопросы звучали невпопад. И ответы Володи и Павла Ивановича уводили беседу куда-то в сторону. Выяснилось только, что Павел Иванович уехал работать на Камчатку сразу же после демобилизации в 1946 году, у него там жена и двое уже взрослых детей, а родные жили и живут под Красноярском. В Москве после войны он был лишь однажды по вызову, как награжденный тремя орденами Славы, по делам, связанным не с его работой, а с войной...

За столом воцарилось молчание. Долгое и, казалось, томительное.

— Простите меня, пожалуйста,— сказал вдруг Павел Иванович.— Это верно, что Володя уговорил меня поехать в столицу, только он не сказал, по какой причине это сделал... Дело в том, что я тот самый солдат Павел Кузьмин, с которым беседовал писатель. Этот мой рассказ мы с Володей у нас на Камчатке по радио слушали. Но когда я вспоминал о том, что в войну мы подобрали в какой-то сгоревшей деревеньке под Минском маленькую девчушку, Нюркой она назвалась, Володя вдруг спросил: уж не о моей ли маме речь идет, она не раз рассказывала, как ее кормил картошкой какой-то солдат?.. Не поверил я ему, даже выдумщиком назвал, а он повторил мой рассказ по памяти и опять: это о моей маме... А потом: поедем и поедем... Вот я и поехал. Уж не знаю, о вас ли, Анна Павловна, я рассказывал, только очень меня эта история тронула...

— Ах, Володя!— чуть слышно произнесла Анна Павловна.— Как же ты мог?.. Мне же тогда и трех лет не было... Почему ты думаешь, что это был Павел Иванович? Ведь при каких только обстоятельствах не спасали детей наши солдаты...

— Я-то ребенка в Минске в эвакопункт доставил,— сказал Павел Иванович.— Там спрашивали, как зовут девочку, говорю: «Нюра». А вас как зовут, опять спрашивают. Отвечаю: «Павел...» Так, говорят, и запишем...

— Где же это было? В каких местах?— в полном душевном смятении спросила Анна Павловна.

— Где-то за Минском... Во всяком случае, совсем недалеко от него. Помнится, как взяли мы Минск, то проследовали дальше... Такое большое село было на пути, только все в развалинах, в огне и в дыму, одни печные трубы да бревна обгорелые. Речушка рядом неглубокая, мы ее вброд перешли. За селом роща березовая... Поехать — так сразу узнаю...

И они поехали.

Как-то очень быстро собрались, утром следующего дня приобрели билеты на минский поезд и выехали вечером вдвоем.

В Минске Анну Павловну и Павла Ивановича тепло встретили в Обществе ветеранов войны и понимающе отнеслись к их просьбе помочь разыскать то село, откуда Анна Павловна вроде бы была родом.

Поехали по Гродненскому шоссе, но быстро вернулись, уже на десятом километре Павел Иванович сказал:

— Нет, тут я никогда не был, это не та дорога...

Вернулись в Минск, посоветовались и через час отправились по Брестскому шоссе. Проехали села Щемыслица, Фаниполь, Волковичи.

И снова Павел Иванович сказал:

— Нет, это не то...

Но когда тронулись в сторону Вильнюса, по дороге, о которой до этого и речи не было, неторопливо проехали через Острошицы, Городею, Новоселки, Блонь, старый солдат словно ожил. Он то и дело удерживал шофера, молодого веселого парня, который, однако, вздрагивал от каждого его прикосновения.

— Не так торопко... Чуть потише!..

Потом взглянул на Анну Павловну и, словно оправдывая свое волнение, воскликнул:

— Эх, пешком бы пройти... Места-то вроде знакомые...

Вскоре машина въехала в еще одно большое, хорошо отстроенное село, с густой березовой рощей за неширокой речкой.

— Стоп, стоп...— сказал Павел Иванович.— Кажется, приехали... Давайте походим-побродим, с людьми поговорим...

Все, к кому бы они ни обращались, все, казалось, готовы были принять самое горячее участие в их поиске, но каждый сожалел, что у приезжих нет никаких примет, которые могли бы навести на нужный след. И когда уже собирались покинуть село, откуда-то из окружавшей гостей толпы вышел старичок лет семидесяти в застиранной военной форме и старой кожанке... Он долго прислушивался к тому, о чем шла речь, присматривался к приезжим и наконец спросил:

— А девчушку-то, что солдаты отсюда вывезли, как ее звали?

— Да Нюркой она назвалась,— ответил Павел Иванович.

— Э-э!— протянул старик.— Уж не Семеновых ли, Катерины да Ильи, это дочка была? У них же никого из семьи не осталось: Илья-то на фронте еще в сорок первом погиб, а его жену вместе с бабкой, помнится, фашисты порешили. А девчонка-то, она одна, последняя была, исчезла куда-то, нигде ее потом не отыскали...

— Дедушка, дедушка! — простонала Анна Павловна.— Может быть, это я та Нюрка и есть?..

— Ты, говоришь?.. Скажи, пожалуйста... Только что-то не похожа ты на Катерину... А родню-то свою помнишь? У Катерины-то, кажись, не одна девчушка была...

— Что вы говорите, дедушка... Вот же Павел Иванович говорит, что одну меня нашел, а мама и бабушка лежали рядом...

— Ты уж прости меня, старика. Может, я чего и запамятовал. Самого-то меня на селе не было, когда наши пришли. Я тогда в партизанах воевал. А когда пришел домой — одни головешки, а из людей только вдовы, да и те наперечет...

Так и закончился для Анны Павловны этот поиск родственного начала и родных мест. Вроде бы и нашла она то, что искала, а вроде бы и нет. Все унесла война...

Странное, однако, дело: уверенность в том, что она, Анна Павловна, и есть та самая Нюрка, которую взял на руки у разбитой хаты и отвез на эвакопункт солдат Павел Кузьмин, росла у нее с каждым днем. И когда вместе с Павлом Ивановичем она вернулась в Москву и рассказывала мужу и детям о поднявшихся из пепла белорусских селах, где им довелось побывать, о добрых и отзывчивых людях, с которыми пришлось встречаться и беседовать, в ее голове звучала торжествующая уверенность, что она отнюдь не безродное дитя детдома, а человек, который знает, откуда он идет и где когда-то жили те, кто ей дорог и близок. Алексей Иванович смотрел на такое знакомое лицо жены и убеждался, что наконец-то и к ней пришло душевное спокойствие.

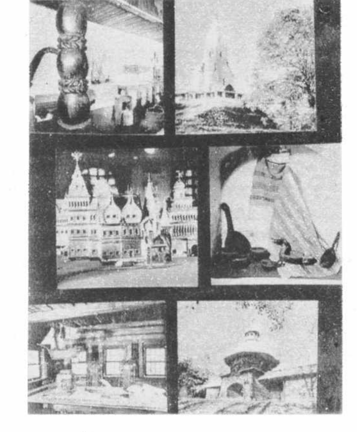
Вскоре по возвращении в столицу Павел Иванович заспешил домой. Его провожали, как и встречали, всей семьей. И Володя, который собирался на курорт, был теперь уже в числе провожающих.

— Павел Иванович, дорогой мой Павел Иванович, не забывайте вашу Нюрку,— сквозь слезы, прощаясь, говорила Анна Павловна.

— Ну, что вы, что вы, дорогая Анна Павловна! Вы теперь наша родня... В следующий раз к нам, пожалуйста, всей семьей... Не так уж это далеко, как кажется... Не дальше, чем... чем...— шептал Павел Иванович, не находя сравнения и обнимая москвичей.

На следующее утро Анна Павловна снова была на своей подмосковной дачке. Рядом с рябиной, как и раньше, тянулась к солнцу высокая белая березка, ее любимица. Но она уже не казалась одинокой, занесенной откуда-то со стороны. За густыми зарослями орешника шумели высоченные ели и сосны. Воздух казался поистине целительным. И, право же, Анне Павловне трудно было понять, почему эта ее березка казалась ей когда-то занесенной сюда со стороны и совсем одинокой.

ЧУДО ИЗ ЧУДЕС

Людмила **МАКАРОВА**

Когда выходишь из метро «Коломенская», зимний ветер тотчас накидывается на тебя, как будто пытается загнать обратно, в теплый покой. Почти не спасает белая широкая стена новостроек, тянущихся слева. Но купола Казанской уже возникли, Спасские ворота распахнуты. Последнее усилие, и мы внутри, и никакого ветра нет вовсе, а есть тишина и величественная липовая аллея.

На высоком берегу Москвы-реки воздух чист, видно далеко и ясно. Вот они — сокровища Коломенского, совершенные, уникальные. Рвется ввысь белый легкий и в то же время величественный шатер храма Вознесения — самый древний здесь, ему более 450 лет. До надстройки третьего яруса колокольни Ивана Великого в Кремле, при Борисе Годунове, он был самым высоким в Московии. И не скажешь про него поэтичней, чем летописец: «Бе же церковь та велми чюдна высотою и красотою и светлостию, такова не бывала прежe сего в Руси».

Неподалеку — Георгиевская колокольня, построенная в первой половине XVI века. Она выглядит несколько скромнее и легче. Мощные купола церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи кажутся близко — ан нет. Нужно довольно долго идти через Голосов овраг, в бывшее село Дьяково.

Как бы ни был прекрасен каждый в отдельности памятник, чудо Коломенского в том, что за одной оградой собрано несколько музеев. Уникальные памятники каменного зодчества XVI—XVIII веков и единственная сохранившаяся в своей первозданной планировке дворцовая усадьба русского средневековья, живописное расположение — овраги, ключи, вековые деревья — и хозяйственные постройки с ласкающими слух названиями: «Сытный двор», «Уксусная палата», «Фряжские погреба»... Все вместе создает совершенно неповторимый аромат русской древности.

Здесь также можно увидеть уникальные коллекции художественного металла, резьбы по дереву и белому камню, часовых механизмов, старинных, начиная с X века, изразцов. Это и самый первый в нашей стране музей деревянной архитектуры под открытым небом.

Когда-то Коломенское было летней резиденцией царей московских. Впервые в документах оно упоминается в завещании Ивана Калиты: своему младшему сыну Андрею великий князь отдавал сёла «Коломенское и Нагатиньское». Позже Коломенским владел князь Владимир Андреевич Серпуховской, сподвижник Дмитрия Донского, и Донской останавливался здесь после великой победы в 1380 году на Куликовом поле.

В 1564 году в Коломенском две недели прожил Иван Грозный перед своей знаменитой поездкой в Александрову слободу, откуда слал свои «гневные» грамоты, обвиняя боярство и духовенство в измене.

Но временем подлинного расцвета стал для села XVII век. В 1667 году при царе Алексее Михайловиче воздвигается легендарный деревянный Коломенский дворец. Он не имел равных себе ни по архитектуре, ни по количеству резных украшений, ни по пышной, многоцветной окраске. Это был даже не дворец, а какой-то сказочный городок, узорчатый, асимметричный, праздничный и весь состоял из отдельных теремков разной высоты, с разным убранством.

Дворец, заброшенный еще при Петре, спустя сто лет пришел в такой упадок, что по приказу Екатерины II был разобран. Но мы все же можем его увидеть в модели, выполненной замечательным резчиком Д. А. Смирновым в 1865—1868 годах. Она хранится в помещении Приказных палат, в зале «История дворцового строительства».

А на первом этаже Сытного двора разместилась сейчас богатейшая коллекция изделий из дерева — от архитектурных деталей до церковной утвари. Вот крестьянская резьба по дереву. С незапамятных времен украшала она нарядные «красные» окна, крылья, обрамлявшие фронтон, подкрылки, «слухи» — чердачные оконца, ворота и, конечно, наличники.

Богата и разнообразна резьба на крестьянской утвари. Кроме горшков для приготовления всякого варева, остальная посуда делалась обычно из дерева. Уполовники, братины, ендовы, плошки, солонки...

Многое можно увидеть в этих залах: и резную зыбку для ребенка, и расписные сани, и изящные светцы для лучины, и всевозможные прялки. Но поспешим на свежий воздух и подойдем ближе к Передним воротам. Рядом с ними — небольшое бревенчатое строение, на первый взгляд теряющееся рядом с торжественной белизной.

В нашей стране есть множество музеев архитектуры под открытым небом. А первым из них стало Коломенское. В 1927 году под руководством архитектора П. Д. Барановского сюда привезли и установили неподалеку от Передних ворот деревянное сооружение, имевшее в свое время хозяйственное назначение. Есть предание (не очень правдоподобное), что в нем готовили напитки для гостей Преображенского дворца Петра I, и потому назвали «медоварней». Это одна из немногих московских деревянных построек XVIII века, уцелевших после пожара 1812 года.

Силуэт другой деревянной башни кажется хорошо знакомым. И действительно, ее снимали во многих исторических фильмах. В свое время она служила проездными воротами в Николо-Корельский монастырь, стоявший на берегу Белого моря. В 1792 году монастырь обнесли крепостной стеной, и над воротами установили восьмигранную, с шатровым верхом башню, в которой имелись и смотровая вышка и бойницы для пищального боя.

Это один из немногих дошедших до нас памятников русской северной архитектуры. Башня стоит неподалеку от древних дубов Коломенского. Говорят, среди них есть и 800-летние.

...Когда строилась Братская ГЭС, из зоны затопления вывезли две башни Братского острога. Одна из них попала сюда, другая — в город Братск.

Свое название острог, сооруженный казаками в Сибири в 1652 году, получил от живших здесь бурят, которых казаки называли «братами». Братский острог был обычным для того времени укреплением: деревянный, с четырьмя угловыми башнями, где размещались жилые и караульные помещения; внутри находилась церковь и разнообразные хозяйственные постройки. Чтобы мы имели полное представление о жизни в таких крепостях, внутри башни восстановлен интерьер казачьей караульни второй половины XVII века. Мы видим длинный стол, уставленный берестяными туесами, простыми деревянными мисками, горшками. В углу — икона. Возле стены — сундук, конское седло, оружие. Вот маленькие саночки — в них возили дрова; а это деревянная машина для лущения кедровых орешков.

...В селе Коломенском провел свои детские годы Петр I. Здесь устраивал он первые маневры своих «потешных» полков, составивших затем основу регулярной русской армии. Через Коломенское проходили победным маршем русские воины после битв под Азовом и Полтавой. Поэтому очень мудро было перевезти сюда Домик Петра из далекого Архангельска. Появился он здесь в 1934 году и состоит из двух срубов, соединенных холодными сенями с прирубом. Комнаты называются: светлица, чуланец, денщицкая. От этих слов тоже веет русской стариной, как и от подлинных вещей XVII—XVIII веков, из которых составлены прекрасные интерьеры помещений петровского времени.

Зайдем в кабинет Петра. Сквозь слюдяные оконччины льется холодный зимний свет. Строгий стол, книги по мореходству и строительству укреплений, большой циркуль, гусиное перо в чернильнице. Под потолком — модель парусного военного корабля XVIII века. Она напоминает о том, что царь Петр часто бывал на верфи, присутствовал при спуске на воду кораблей.

Дверь Домика захлопывается, и мы вновь оказываемся в прекрасном парке. Вот она, знаменитая липовая аллея. Теперь мы идем по ней назад, к Спасским воротам. Все уменьшается храм Вознесения, обрамленный аркой Передних ворот. Расплываются силуэты древних построек. Хочется повторить вслед за французским композитором Берлиозом, посетившим Москву во время гастролей, в 1862 году: «Многое я видел, многим любовался, многое поражало меня, но время, древнее время России, которое оставило свой памятник в этом селе, было для меня чудом из чудес... Во мне все дрогнуло. Это была таинственная тишина, гармония красоты законченных форм... Я видел стремление ввысь, и я долго стоял ошеломленный».

ПРОСТРАНСТВО ВОСПИТАНИЯ

Леонид САПОЖНИКОВ, кандидат технических наук

Поезд Киев — Запорожье набирал скорость. Пассажиры получали у проводницы постельное белье, спрашивали, будет ли чай. Вдруг со звоном посыпалось стекло, и в купе, словно пушечное ядро, влетел камень.

Сотрудники железнодорожной милиции видали всякое, но то, что произошло на 877-м километре этой магистрали, поразило даже их. За час с небольшим группа подростков, пришедших «отдохнуть» в лесопосадке, разбила около сорока окон в пассажирских поездах. Лишь по счастливой случайности никто не пострадал.

Преступники (смягчать это слово нет оснований!) были задержаны и оказались не тупыми, узколобыми варварами, а симпатичными с виду ребятами в возрасте от 14 до 16 лет. Вот школьная характеристика на их лидера — Виктора К.: «Способный ученик, хотя из-за недостаточной целеустремленности учится хуже своих возможностей. С товарищами тактичен, со взрослыми вежлив. Читает журналы. Физически развит, увлекается спортом. В классе его все уважают». Из характеристики Игоря Р.: «Учится преимущественно на «4». Имеет хорошее общее развитие. Обнаружил наклонность к математике. Принимал участие во внеклассной работе: помогал ремонтировать школьную мебель». Прекрасного мнения школьные педагоги и об Алексее Н.: «Окончил восемь классов на «4» и «5» при примерном поведении. Уроков не пропускает. Член «зеленого патруля».

Ложь «во спасение»? Нет, педагоги — авторы характеристик были искренни. Эти ребята действительно способны и вежливы, охотно ремонтируют школьную мебель и охраняют зеленые насаждения (Алексей Н. подчеркивал в милиции, что они вели себя в лесопосадке культурно — не сломали ни единой ветки!). Тем более поражает феноменальная простота, с которой они, услышав шум очередного поезда, вставали от костра, где пеклась картошка, и шли собирать камни. Зачем же они, говоря их словами, «бомбили поезда»? На это им трудно ответить. Они и теперь не знают.

— А тогда?

— Тогда было весело, интересно...

— Вы понимали, что могли ранить и даже убить человека?

— Мы тогда об этом не думали...

— Не понимаем, как это случилось! — разводят руками их учителя.

А понять необходимо.

Ни в одном механическом цехе не возьмутся вытачивать деталь, не имея ее чертежа в трех проекциях. Азбучная истина: если ограничиться, скажем, видом сбоку, брусок и цилиндр будут неотличимы. Пространство, в котором формируется человеческая личность, несравненно сложнее, чем эвклидово, но школа, оценивая своих питомцев (а следовательно, и результаты своей работы), сплошь и рядом довольствуется одной-двумя проекциями. Она рассматривает ученика как некий аккумулятор знаний: хорошо усваивает — значит, хорош, все остальное приложится!

Ребята с 877-го километра усваивали учебный материал хорошо и в тот вечер применили его на практике.

— На уроках физики мы узнали про сложение скоростей и угол отражения, поэтому становились не рядом, а растягивались вдоль насыпи, чтобы камень, который отскочит, не попал в соседа...

Спору нет, знание — сила. Но не надо забывать: у каждой силы, кроме величины, есть направление. Знания Виктора К. и его компании, не имея под собой нравственного фундамента, оказались направленными совсем не туда, куда рассчитывала школа.

Их учителя возразят: «Мы ли не воспитывали нравственность? Ребята дисциплинированные, любят труд...» Да, дисциплинированные, но в стенах школы, под учительским надзором. Да, любят труд, но только свой собственный, иначе не поднялась бы рука целить камнем в окно вагона.

В большинстве школ задачу трудового воспитания видят главным образом в том, чтобы обучить подростка азам определенной профессии, и упускают из виду, что оно должно начинаться с воспитания уважительного и бережного отношения к чужому труду. Школьники часто даже не задумываются о том, какой труд вложен в окружающие их предметы. Однажды я спросил семиклассников, кто сделал вещи, которыми они ежедневно пользуются в классе. Надо было видеть, с каким удивлением открывали они вокруг себя труд плотника, маляра, металлурга! Характерно, что никто из них так и не вспомнил о полиграфисте: ведь учебники ежегодно появляются в школьных портфелях «сами собой», за ними теперь даже не нужно идти в книжный магазин...

В инспекциях по делам несовершеннолетних мне довелось просчесть многие десятки школьных характеристик, и ни в одной я не встретил анализа нравственности в подлинном смысле этого слова. «Не всегда откровенен со старшими...» «Не всегда хватает силы воли...» «Не всегда добросовестно выполняет общественные поручения...» Дальше этих робких, половинчатых выводов классные руководители не идут. Не хочется признавать, что допущен брак в педагогической работе? Но, раз уж дело дошло до милиции, это очевидно. Думается, причина кроется в одностороннем взгляде на личность ученика, в том самом «виде сбоку», при котором из поля зрения исчезают вопиющий эгоизм, полная безответственность, неумение самостоятельно мыслить и тому подобные свойства, «неожиданно» превращающие подростка в правонарушителя. Упрощенная, «плоская» оценка педагогами школьников и, как следствие, упрощенные педагогические задачи — один из корней того, что произошло на 877-м километре.

Недавно, проходя по одной из центральных улиц Николаева, я увидел в витринах нескольких магазинов, торгующих товарами для школьников, транспаранты с надписью: «Пусть всегда буду я!» К сожалению, я торопился на самолет и не успел узнать в гороно, как они относятся к этому восклицанию. Известно, что из песни слова не выкинешь. А вот выкинули, не посчитавшись с пословицей, и даже не одно, а целых три: «небо», «солнце», «мама». И остался в чистом виде девиз эгоиста. Работники торговли и просвещения роняют от умиления слезу, а будущий Виктор К. получает тем временем урок безнравственности.

Но зачем далеко ходить? Мой сын-первоклассник, претендуя на кусок торта с кремовой розой, сказал однажды:

— Все лучшее — детям!

— Где ты это слышал?

— В школе. И по телевизору...

Хороший, правильный лозунг. Но как часто мы повторяем его бездумно, забывая разъяснить ребятам, что лучшее в жизни — вовсе не материальные блага.

Каждый подросток должен вынести из школы убеждение: ключ к счастью — в труде. Не в формальном, подчиненном печально знаменитому принципу «лишь бы человек был при деле», а в настоящем, нужном обществу, как это подчеркнул в своей речи на июньском (1983 год) Пленуме ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов. Чтобы эта истина стала для школьника несомненной, мы должны дать ему возможность — и не одну! — проверить ее на личном опыте. Но при сегодняшней постановке школьного образования реализовать это естественное требование не так-то просто.

Начнем с повседневного умственного труда — с усвоения учебного материала. Как известно, его результаты оцениваются по пятибалльной системе, которая давным-давно превратилась у нас в четырехбалльную: за годы учебы в школе я видел в дневниках не более двух-трех единиц, да и те, по сути, были не столько оценкой, сколько средством эмоциональной разрядки учителя. Позже в итоге пресловутой борьбы за стопроцентную успеваемость четырехбалльная система выродилась в трехбалльную. Любой лентяй и лоботряс может смело валять дурака все десять лет: тройки ему гарантированы. И этим школа опять же преподносит детям урок безнравственности: если сегодня за безделье можно получить тройку, то отчего бы завтра на рабочем месте не получить за него зарплату? Одновременно в глазах добросовестных учеников обесценивается их труд. У многих возникает мысль: а стоит ли стараться, если хорошие знания и прикрытое тройкой невежество разделяет один-единственный балл?

Но, может, учебно-производственный комбинат, где школьник овладевает основами рабочей профессии, дает возможность выразить себя в труде, почувствовать его притягательную силу? Увы, в большинстве случаев в межшкольных УПК подростков «распределяют по профессиям» без учета их вкусов и объективных психофизиологических данных. К тому же, как не раз отмечалось в печати, список этих профессий часто не соответствует производственной специфике региона.

Формальный и обезличенный подход к воспитанию, процветающий в настоящее время во многих школах, мешает детям проявить себя и в общественной работе. Возьмем, например, отряды юных дзержинцев: прекрасная возможность для подростка развить в себе благородство и моральную силу, умение отвечать за свои и чужие поступки! Но недоверие педагогов к ученикам и боязнь «как бы чего не вышло» сводят и эту возможность почти к нулю. Типичное задание юным дзержинцам: следить, чтобы школьники не бегали по коридорам во время перемен, чтобы снимали головные уборы в кинозале. Окружаем подростков частоколом мелочной опеки — и в то же время ставим им в пример Гайдара, который в шестнадцать лет командовал полком!

Вспомним фразу из протокола допроса: «Бросать камни было весело, интересно». Какая же серая скука должна царить в школе и вне ее, воспитанники которой веселятся вот так!

Работникам инспекций по делам несовершеннолетних хорошо известно: в сентябре число правонарушений резко падает. И это

не случайно. На старте учебного года в школе не скучно: новые учителя и предметы, новые впечатления. Но приходит октябрь, в школе вновь воцаряется привычный шаблон, а на дворе — бабье лето с праздником красок, с обещанием приключений... Кривая правонарушений немедленно реагирует на это. Кстати, Виктор К. и компания «бомбили поезда» в октябре.

Известна ли педагогам эта статистика? Вероятно, да. Но я ни разу не слыхал, чтобы какая-то школа сделала из нее надлежащие выводы.

В «Спутнике классного руководителя», вышедшем в 1982 году в издательстве «Просвещение», рекомендуется проводить в октябре тихие тематические вечера на тему «Золотая осень», а в другом экстремальном месяце — апреле — играть со школьниками в слова и собирать картинки из кусочков! А в ребятах в это время бурлит энергия, которую нужно направить не в игольное ушко комнатного досуга, а в широкое русло интересных и полезных дел. Даже обычный туристский поход выходного дня может дать хорошие результаты, но такие походы возможны лишь по личной инициативе отдельных учителей-энтузиастов...

Поучительный опыт внеклассной работы с детьми накоплен сотрудниками Хмельницкой областной библиотеки имени А. А. Жданова. Ребята приходят сюда не только как читатели — они и уроки в ней делают, и слушают музыку, и мастерят необыкновенные автоматы. Сейчас юные конструкторы увлеченно работают над действующей моделью лазера (необходимая литература под рукой).

А. С. Макаренко призывал воспитывать детей играми, но современные школьники испытывают острый дефицит на эти самые игры. Педагоги часто видят в них лишь забаву, форму отдыха, забывая, что она мощное средство воспитания и познания. Опыт лучших учителей показывает, что преподавание естественных наук должно идти от интересных экспериментов и игр к теории. Такой путь особенно эффективен для младших и средних школьников, ведь у них чувственное восприятие и мышление образами намного сильнее абстрактного, теоретического. Каждый, кто побывает в Хмельницкой областной библиотеке для детей, сможет воочию убедиться: с помощью игры можно открывать уже первоклассникам сущность очень сложных процессов — вплоть до голографии и работы ЭВМ.

Другое дело, что не каждому нужно разбираться в голографии, в тонкостях электроники. Не секрет, что есть прирожденные «лирики», которые (страшно сказать!) и стереометрией-то никогда в жизни не воспользуются. На одних партах с ними сидят ребята, в которых неравнодушный педагог без труда распознает будущих «физиков».

Воспитывая и обучая детей, мы ваяем наше будущее. Все мы кровно заинтересованы в реформе школы, которая позволит ей подняться на уровень современных требований. Заинтересованы как граждане, как отцы и матери. В самом последнем счете — как пассажиры, проезжающие 877-й километр.

среди книг

О ВОЙНЕ И МИРЕ

Года два назад, во время Фадеевских чтений в Приморском крае, мне довелось в составе писательской делегации побывать у военных моряков и летчиков. Мы говорили о многом насущном. О мире и войне, о долге перед Родиной и человечеством, перед Землей. Об океане и космосе, куда протягивают руки бизнесмены от войны. И, конечно же, о литературе. Помню, кто-то сказал, что морская служба и по сей день поставляет писателей. Вспомнили книги Виктора Степанова, лауреата премии имени А. Фадеева, бывшего моряка, который соединяет в творчестве поэтическую логику с бытовым, достоверным.

Об углубленной работе писателя в этом направлении, но на более сложном витке, свидетельствует новый его роман «Громовержцы».

Скажу сразу: роман построен не в традиционных формах, написан не просто. Да и читается тоже не просто, хотя трудно оторваться от него: он захватывает не внешней интригой, а раскрытием внутреннего мира яркой и самобытной личности подводника, капитана первого ранга Юрия Александровича Брянцева. Это настоящий герой, появления которого мы, пожалуй, давно ждем в нашей литературе. По замыслу он не только друг автора, оставивший ему записи своих раздумий о времени, о мире и войне, об ответственности человека за Землю, но в чем-то еще и авторский двойник.

Иногда забываешь, что перед тобой литературный образ. И кажется, будто со страниц романа встает и твоя жизнь. Твое военное детство, раннее взросление. И вся послевоенная жизнь поколения, которому сегодня уже за сорок. Встают, угаданные писателем, твои собственные мысли и чувства... Такое происходит, когда слушаешь серьезную музыку. Поэтому и самое произведение можно назвать «романом-поэмой», «романом-симфонией» — о дельфине, быть может, самом разумном, тянущемся к людям, радостно-доброжелательном существе в океане.

Контакты с дельфинами могут когда-нибудь приоткрыть многие тайны моря, наверное, и тайну Атлантиды, тайну ее гибели... В светлые, исполненные поэзии картины главы-увертюры врываются ноты жестокие, вызывающие боль и отчаяние, когда люди совершают насилие над разумом дельфина, превращая его, по сути дела, в живую торпеду, исполнителя чужой, злой воли «громовержцев», которых ничему не научили годы бессмысленной, преступной конфронтации, безудержной гонки вооружений. Они не могут понять страшной истины: человечеству нечего терять, кроме жизни самой Земли.

Есть в романе тема, тоже сквозная, но звучащая, как обнадеживающий лейтмотив... Встречи Юрия Брянцева с капитаном американской подводной лодки-ракетоносца Элвином Греем, их долгие разговоры, их попытка пойти на сближение, их симпатия — постепенно оказываются в центре романа. Жена Элвина находит силы уйти из центра военной подготовки дельфинов. Но сам Элвин?.. Он, словно дельфин, которому «вшили» в мозг датчики, сделав его безвольным исполнителем чужой воли.

И встретятся подводные лодки Брянцева и Грея на параллельных «сторожких» курсах. Встретится с подводными лодками обезумевший дельфин-диверсант Креч, подготовленный на секретной базе к убийствам. Неожиданно он отвернет от нашей лодки, но упрямо, неотвратимо пойдет на лодку Элвина Грея. Акустик с ужасом скажет капитану: дельфин-диверсант догоняет нас, повторяя все время одно и то же слово «сэнк ю!..»

Креч мчится, чтобы поразить намеченную цель, и слово «благодарю» исполнено здесь горького сарказма.

Книга Виктора Степанова во многом необычна, но смелая выдумка писателя находит здесь убедительное подтверждение: только один курс верен для человечества. Только курс на мир, на взаимопонимание, разоружение и сотрудничество между народами... Курс на будущее, которому не грозили бы «громовержцы», калифы на час, геростраты уходящего века.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

В. Степанов. Громовержцы. «Наш современник», №№ 8, 9, 1983 год.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Когда читаешь рассказы Норы Адамян, кажется, что погружаешься в самое жизнь с ее полными разнообразия человеческими судьбами и характерами, буднями и праздниками, радостями и печалями, неожиданными поворотами событий. Как и в жизни, характеры примитивные, мещански ограниченные и в своей ограниченности непробиваемые соседствуют с характерами благородно-цельными, полными внутреннего достоинства и человечности. Натуры приземленные уживаются с неисправимыми романтиками. Настоящее расступается порой, чтобы осветить прошлое...

Непростой образ Елены Карповны, заслуженного врача республики с 35-летним стажем, прожившей «кристально чистую трудовую жизнь», — в центре повести «Трое под одной крышей». Она пряма, честна, горда своей безупречной репутацией, но как же трудна эта самая Елена Карповна в роли свекрови! Бесконечно любящая сына, она, сама того не понимая, заставляет его страдать, постоянно обижая резкостью, нетерпимостью, наконец, просто капризами невестку, женщину безупречную и мудротерпеливую. Писательнице удалось создать неоднозначный характер, в котором прямота, бескорыстие, трудолюбие, достоинство, присущие Елене Карповне, оказывается, не гарантируют благородства в быту, в семье сына.

Н. Адамян в своих рассказах не афиширует собственных симпатий или антипатий, предоставляя это сделать читателю. Откровенно пристрастна она лишь в рассказах с явно выраженной автобиографической основой: «Мой друг Муса», «Семья Прошьянов», «Афинские ночи», «Бессмертные». Рассказы эти полуочеркового жанра, и реальные события, как и живущие в памяти писательницы люди, делают чтение их особенно интересным. Это не означает, конечно, того, что «придуманные» истории проигрывают по сравнению с прожитыми самой писательницей. Интересные женские характеры — особенная заслуга ее. Характерно, что некоторые сюжеты как бы преследуют автора, видоизменяясь, повторяются они в рассказах непохожих. Так, Люба («После развода») очень похожа на Фаину («Договор»). Это женщины словно вылепленные из одного теста — все их помыслы сосредоточены на накопительстве, посвятив которому свою жизнь, они теряют любовь, семью. А Маша («У больничной ограды») и Анна («Вина непрощенная») вызывают безусловное уважение: обе они, брошенные в свое время мужьями, прожившие трудную жизнь, на старости лет принимают непростое решение — ухаживать за безнадежно больными, покинутыми новыми женами, бывшими мужьями.

Все произведения Норы Адамян проникнуты духом подлинного интернационализма. И не только потому, что в ее рассказах мы встречаем армян и русских, азербайджанцев и поляков, итальянцев и туркменов, но потому, что все творчество Н. Адамян подтверждает ее кредо: между людьми всех наций больше сходства, чем различий.

Н. БЕЛОВА

Нора Адамян. Трое под одной крышей. М., «Советский писатель».

СЕМЬЯ НОВЫЙ

ВАШИ ДОБРЫЕ

Близится заветный день — 1 января. И всюду уже предпраздничные хлопоты. Конечно, в каждой семье есть свои традиции, всякая хозяйка будет стряпать свои любимые блюда, свои любимые пироги, но думается, что советы специалистов здесь не помешают. Художник-модельер Е. ЕЛЕНИКОВА поможет вам украсить квартиру, выбрать нарядное платье, заведующий сектором торговли и общественного питания Центрального экономического научно-исследовательского института В. УСОВ откроет свои маленькие кулинарные секреты, а врач-косметолог Московского института косметологии О. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ подскажет, как стать красивой.

КАК УКРАСИТЬ ЕЛКУ!

Украсить сегодня елку и квартиру — дело нехитрое. Полный комплект игрушек и лампочек — в любом магазине. Не отказываясь от готовых украшений, дополним праздничный наряд елки золоченым орехом, оранжевым шаром остро пахнущего мандарина, конфетками, которыми можно будет потом полакомиться детям. В нарядные мешочки из фольги и цветной бумаги можно спрятать не только вкусные сюрпризы, но и шутливые пожелания в Новом году.

Праздничное убранство должно охватить весь ваш дом. Шары, дожди вместе с яркими лентами и ветками хвои, живописными пучками канители можно расположить в любом месте квартиры. Все в этот вечер совершается под знаком праздника. Самая красивая посуда занимает наконец свое законное место на столе. Если у вас нет большой елки, в центре стола можно поставить зимний букет из веток хвои, принаряженной мишурой, мелкими игрушками. Подарки, припасенные для близких, станут еще привлекательнее, если изящный сверток украсить яркой лентой, веткой хвои. И конечно же, используем все романтичные и мишурные атрибуты торжества: «снег», свечи, серпантин, гирлянды, конфетти, бенгальские огни...

ВСТРЕЧАЕТ ГОД

КОНСУЛЬТАНТЫ

НОВОГОДНЕЕ ПЛАТЬЕ

Каким оно должно быть в этом году? Для праздничного настроения вопрос немаловажный, недаром существует шутливая примета: «Как встретишь Новый год, так и проживешь его».

Опознавательный знак сегодняшней вечерней моды — люрекс, блестки, парча. Мода как бы устала от практичных, рассчитанных на годы службы, нестареющих платьев и строгих юбок с блузками. Хочется одеться по возможности весело, легко и эффектно.

Это могут быть и ярусные юбки из полос всех цветов радуги, виденные ранее лишь на карнавалах. Сособренные полотнища лучше расположить воланами или соединить прокладками из черных лент и люрекса, схватить бантами. Юбки и платья — из крупных разноцветных сocтроченных квадратов, из ромбов контрастных по качеству тканей. Цвета эмалей — розовый, бирюзовый, сиреневый, лимонный—подходят молодым; пурпурный, синий — тем, кто постарше; черный, золото и серебро — для всех.

При желании за вечер можно смастерить туалет портнихе с минимальными навыками. Для этих энтузиастов у моды — целый набор «платьев за пять минут». Вот одно из них, покрой «туника». Прямоугольник ткани надо сшить по бокам, пропустить резинку под мышками и прикрепить бретельки. Во всех случаях важно зафиксировать напуск на талии потайной резинкой, которая прикроется нарядным поясом, кушаком, шнуром с кистями. Длина по вкусу: мини, макси, до пола. В новогоднюю ночь уместны длинные юбки: бархатные, из темного шелка, набивные, расклешенные, сзади с глубоким запа́хом, многоярусные.

И еще: воспитанная хозяйка всегда будет одета скромнее самого скромного гостя. Но при этом не снижайте атмосферу праздника мелочными заботами о сохранности своего туалета, снимите фартук до прихода гостей.

Как говорят гороскопы, 1984 год — год крысы... На праздничном карнавале шутливо обыграйте это. Попробуйте надеть корону, скажем, в память крысиной королевы Мышильды, хоть она и доставила массу неприятностей всеми нами любимому Щелкунчику.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СТОЛ

В доме собралась вся семья, близкие, друзья. Стол, накрытый белоснежной скатертью, в этот день приобретает значение символа торжества, праздника. И конечно, каждой хозяйке хочется блеснуть своими кулинарными познаниями и умением. Чем же удивить, порадовать гостей?

Если вы сделали заготовки на зиму: соленые огурчики, помидоры с чесноком, грибки, квашеная капуста, моченая брусника, клюква, всевозможные варенья, джемы, соки,— это ваш «золотой фонд», который будет всегда встречен «на ура».

Салат, без которого не обходится почти ни одна хозяйка, можно сделать не традиционный вроде «Столичного», а, например, из тертой отварной свеклы с грецкими орехами, черносливом или изюмом. Если в доме есть любители селедки, сделайте для нее пикантный соус из сметаны, тертых яблок, лука, лимонного сока. Главное, чтобы ни одно блюдо не выглядело буднично, скучно. Для украшения годятся любые овощи, ягоды или фрукты. Если вы решили сделать заливное, сначала положите на дно формы кружочки вареного яйца, веточки зелени, звездочки, вырезанные из вареной моркови, из лимона. Бульон заливайте осторожно, ложками, чтобы не нарушить рисунок. Нарядно выглядит салат, посыпанный сверху алыми стружками моркови, натертой на крупной терке.

Закусочные бутерброды (канапе) можно нарезать в виде разных фигурок — круглых, ромбовидных. Хорошо белый (можно черный, рижский) хлеб слегка поджарить до образования румяной корочки и сделать бутерброды с тем, что у вас есть: кильки, сардинки, шпроты, сыр, брынза, отварное мясо, колбаса и т. д. Чтобы канапе выглядели празднично, украсьте их сверху мелко нарезанной зеленью, дольками лимона, кружочками яйца, маслинкой (без косточек), посыпьте красным перцем, тертым сыром. Из обыкновенного репчатого лука можно сделать белоснежную лилию. Чтобы она не получилась «плакучей», очищенную луковицу хорошо промывают в холодной воде и только потом острым ножичком надрезают слой за слоем зубчиками по самой середине. Потом луковицу раздевают по принципу русской матрешки слой за слоем. Затем снова собирают по лепесточку — мал мала меньше — в изящную остролистую лилию.

Из тонко нарезанных пластинок свеклы легко смастерить нежную розу или пурпурно-бордовый георгин. А блюдечко зеленого горошка сразу заиграет, если его украсить простой ромашкой из колец сваренного вкрутую яйца. Желток лучше вынуть и посадить его в середине цветка вместо пестика.

Яркие пятна клюквы, брусники, свежемороженых ягод, перышки зеленого лука, зелень петрушки, звездочки из моркови, яблок, лимонов создадут на вашем столе праздничную атмосферу.

Не забудьте о прохладительных напитках. Это может быть лимонная, изюмная, апельсиновая, айвовая, яблочная, клюквенная водица, а для изобретательной хозяйки можно порекомендовать старинный сбитень. Для этого в воду добавляется мед (одна столовая ложка на стакан воды), маленький лавровый лист, имбирь, гвоздика, корица, перец. Как только вода закипит, отставьте кастрюльку до полного охлаждения, процедите и подавайте к столу так просто получившийся бабушкин сбитень.

Любителям острых ощущений можно предложить рецепт более крепкого и притом не только горячительного, но и горящего напитка. Для этого надо выбрать красивую термостойкую посуду, так как чудодействовать вам придется прямо за столом на глазах у гостей. Чернослив, кишмиш, цукаты или фрукты из варенья, засахаренные апельсиновые корочки укладываете на дно кастрюльки. Сверху кладете металлическую решетку, а на нее кусочки сахара. Сахар обливаете ромом или еще лучше спиртом и осторожно поджигаете. Свет в комнате погасите, дайте гостям полюбоваться пламенем горящего сахара. Как только оно погаснет, а сахар стечет с решетки в кастрюльку, добавьте заранее вскипяченное с корицей и гвоздикой белое вино, горячий крепкий чай, ром и настаивайте. Минут через 15—20 дымящийся напиток разливайте в кружки. Уверены, вы и ваши гости останутся довольны.

БЫТЬ КРАСИВОЙ

Вы хорошо потрудились, создавая праздничный стол, еще часдва — и придут гости. Золушка должна успеть превратиться из замарашки в красавицу хотя бы за час до появления первого гостя. Если выполнить некоторые простые советы, то можно обойтись и без феи с ее волшебной силой.

Ложечки сбитого белка с несколькими каплями лимона вполне хватит для тонизирующей маски. Тем, у кого кожа жирная, пористая, больше подойдет дрожжевая маска: четверть палочки дрожжей, немного воды, ложка растительного масла, мед, тщательно растертые до состояния кашицы.

Оставшиеся от ватрушек две ложки творога с одним яичным желтком плюс столовая ложка растительного масла хорошо освежают вялую, сухую кожу.

Тщательно вымойте лицо теплой водой с туалетным мылом, ополосните прохладной водой или кусочками льда. Кстати, лед для лица хорошо готовить из настоев трав: липового цвета, ромашки, мать-и-мачехи. Одна столовая ложка травы на один литр воды лишь чуть доводится до кипения, настаивается в закрытой посуде один час, процеживается, охлаждается и разливается в формочки для льда.

Если ваша кожа плохо переносит воду, лицо протирают лосьоном или жидким кремом типа «Утро», «Вимолан», «Огуречное молочко». После этого вы наносите на лицо и шею маску, которую вы себе приготовили, по возможности удаляетесь в затемненную комнату и лежите двадцать минут в «гордом одиночестве». Глаза закрыты, так как на веках у вас нанесен питательный крем, а при отеках — свеженатертая кашица сырого картофеля. Кстати, всем подходят маски из тертых овощей, фруктов: моркови, яблок, огурцов.

Но вот уже двадцать минут миновало, пора смывать маску теплой водой, снова освежаться прохладной и наносить питательный крем: «Идеал», «Лимонный», «Томатный» для жирной кожи; «Люкс», «Восторг», «Аленушка» — для сухой и нормальной. Очень хороши новинки нашей парфюмерии — кремы с биологически активными добавками эстрагона, женьшеня и другие, типа «Экстел», «Лесная нимфа», «Камелия». Крем снимается бумажной салфеткой промокательными движениями.

Итак, не прошло и часа, вы отдохнули, посвежели, слегка порозовели. Только теперь можно приступать к макияжу, который в новогодний вечер будет особенно уместен. Постарайтесь нанести его так, чтобы в течение всего праздника ничего не подкрашивать, не припудривать.

Не забывайте, что ваша красота нужна не только вам, но прежде всего вашим гостям.

Желаем вам хорошо встретить новогодний праздник. С новым счастьем!

В. ВИКТОРОВ

ЗА КАНАТАМИ РИНГА

В истории бокса прибавилась еще одна строка: на римском ринге был разыгран Кубок мира. Этот почетный приз за командную победу вручался в третий раз, но, несмотря на младенческий возраст, его биография изобилует бурными событиями, увы, не имеющими ничего общего с благородным искусством защиты и нападения.

Уже на первом розыгрыше Кубка, проведенном в Нью-Йорке в 1979 году, организаторы турнира — американцы, по каким-то неясным причинам, среди которых, по слухам, одной из основных было нежелание кубинцев выступать вместе с боксерами США в составе команды Северной Америки, не допустили их к соревнованиям. (По статуту Кубка в эту команду должны были войти боксеры США, Кубы и Канады.)

В ответ на эту дискриминацию кубинские боксеры на Олимпийском ринге в Москве доказали, что являются сильнейшими в мире, завоевав пять золотых медалей, а на втором розыгрыше Кубка мира в 1981 году в Монреале боксеры с острова Свободы, выступая вместе с американцами в одной «упряжке», фактически обеспечили команде первое место. Но все это было лишь цветочками, а ягодки созрели в Риме, где уже в открытую президент Международной федерации бокса американец Дональд Халл и его выдвиженец — председатель судейской коллегии — делали все возможное и невозможное для победы команды Северной Америки.

Утверждая, что на последнем первенстве мира в Мюнхене судьи допустили ряд ошибок, Халл вместо болгарина Эмиля Жечева поставил во главе судейской коллегии новозеландца С. Аштона, и вот под его руководством судейские ошибки стали значительно серьезнее.

Передо мной лежит судейский протокол полуфинальной встречи боксеров легчайшего веса — нашего Юрия Александрова и итальянца Стекка. Заполнен он по всей форме. Фамилии судей, выставленные оценки. Но какая же это форма, если боковые судьи дали победу Александрову 3:2, а жюри присудило победу итальянцу 5:0?

Такое решение повергло в полное изумление журналистов. Этот бой был, конечно, исключительно напряженным, исход его определился только в третьем раунде, и ошибиться здесь нетрудно. Но вот мнение самого Александрова, причем разговор с ним у меня состоялся уже во время финальных встреч, когда молодой боксер как зритель сидел на трибуне, пережив свою неожиданную неудачу, и в оценке боя пользовался не только своими впечатлениями, но и мнением товарищей по команде. Александров на мой вопрос, считает ли он справедливой оценку боя, вынесенную членами жюри, ответил:

— Конечно, боксеру трудно быть судьей себе самому. Со стороны всегда виднее, а особенно в боксе. Но если вы задаете мне этот вопрос, я должен ответить на него: оценку жюри считаю неправильной. Я провел 128 боев, но впервые столкнулся с такой очевидной несправедливостью. Первый раунд я выиграл, второй проиграл с разрывом в одно очко, а третий выиграл. Почему же жюри пятью голосами отдало победу итальянскому боксеру?

Что можно добавить к словам боксера? Конечно, оспаривать решение судей — запрещенный прием, но до какого-то разумного предела, а этот предел в Риме был нарушен столь бесцеремонно, столь явно, что мимо этого невозможно пройти. Дело в том, что на следующий день мы снова столкнулись с вопиющим решением жюри. В полуфинальном бою боксеров первого полусреднего веса — Василия Шишова и кубинца К. Дюберьера, выступающего за команду Северной Америки,— боковые судьи дали победу сопернику Шишова, хотя советский боксер успешно провел этот трудный бой с очень сильным молодым боксером, но значительно уступающим ему по опыту (у Шишова в боевом списке — 190 боев, у кубинца — 90). Боковые судьи оценили бой со счетом 3:2 в пользу кубинца, а жюри, «исправляя» эту оплошность, дало победу с таким же счетом Шишову. Казалось бы, справедливость восторжествовала, но дело в том, что по установленным правилам такая корректировка не меняла первоначального решения боковых судей, и Шишов сошел с ринга побежденным.

Таким образом, в финал не попали два боксера команды Европы-1, два потенциальных победителя полуфинальных схваток, и это, по существу, решило судьбу Кубка мира.

В финал вышли 7 боксеров из команды Северной Америки и только четыре боксера, входящие в первую команду Европы. И здесь, с опозданием демонстрируя свою объективность, жюри признало победы Валерия Лаптева (первый средний вес), Виталия Качановского (полутяжелый вес) и Александра Ягубкина (первый тяжелый вес), но успех команды Северной Америки был уже обеспечен. И вот что интересно: в финал вышли 7 боксеров из команды Северной Америки, 4 кубинца и три американца, но победителями спустились с ринга только кубинцы. Ни один из боксеров США не завоевал первого места. Таким образом, победа команды Северной Америки была завоевана кубинскими спортсменами — представителями страны, которая не была допущена на ринг во время розыгрыша первого Кубка в Нью-Йорке.

Ну, а как же бокс? Бокс как таковой? Ведь мы же приехали в Рим не для того, чтобы наблюдать «игру ног» (есть такой боксерский термин) некоторых руководящих деятелей Международной федерации. Ведь в Риме собрались почти все сильнейшие боксеры мира, чтобы проверить свои силы на последнем крупном международном соревновании перед Олимпийскими играми. И соревнования на Кубок мира дали большую пищу для размышлений. Рим показал, что кубинцы по-прежнему остаются лидерами мирового бокса, ну, а наши боксеры — и золотые призеры и «неудачники», Юрий Александров и Василий Шишов,— оставили очень большое впечатление.

Современные боксерские схватки проходят в таком темпе, что без телевизионного монитора трудно заметить все детали боя. Но мне повезло: моим соседом был телекомментатор Борис Губин, свидетель всех крупнейших боксерских соревнований последних лет, и я смог, пользуясь его монитором, вести счет не только ударам, но и наблюдать за тактическим и психологическим рисунком боя. Другим моим соседом оказался руководитель комплексной научной группы, работающей со сборной командой, доктор медицинских наук профессор Александр Петрович Лаптев, который фиксировал на видеомагнитную пленку многие схватки. Вот я и решил повидаться с Александром Петровичем Лаптевым уже в спокойной, домашней обстановке, проверить свои первые впечатления.

Наша встреча состоялась в Центральном институте физкультуры, где Александр Петрович возглавляет кафедру, и я прежде всего спросил его, не изменил ли он своей оценки происходившего на ринге с того дня, когда мы из ложи прессы наблюдали за полуфинальными встречами Кубка мира.

— Нет, я не отказываюсь от своих римских оценок,— ответил А. П. Лаптев.— И все же сейчас я не только не собираюсь предъявить судьям претензии, но готов выразить им благодарность.

— Благодарность? За то, что решения жюри лишили нас возможности завоевать почетный Кубок? Ведь достаточно было Василию Шишову выйти в финал и выиграть — и Кубок был бы в наших руках.

А. П. Лаптев. Да, это так. Но учтите, что уроки Рима могут нам помочь в подготовке к другим соревнованиям, значительно более престижным,— Олимпийским играм. Ведь там, на родине Дональда Халла, мы можем столкнуться с судейством еще более алогичным (назовем его так), и боксеры к этому должны быть готовы.

И тут в наш разговор вступил главный тренер сборной команды страны Артем Александрович Лавров, приехавший к Лаптеву для того, чтобы обсудить выводы комплексной научной группы.

А. А. Лавров. Да, Александр Петрович прав: как это ни кажется парадоксальным, но неудовлетворительное судейство, так огорчавшее нас в Риме, может оказать нам большую услугу: мы теперь яснее представляем себе, какие надо внести коррективы в нашу подготовку к выступлениям на олимпийском ринге. Нам, конечно, еще и до Рима было ясно, что судейство все больше отстает от уровня современного бокса. За последние годы скорости и плотность боевых действий очень выросли, и зачастую недостаточно подготовленные судьи не успевают даже вести счет ударам, не говоря уже об оценке других компонентов боя.

А. П. Лаптев. Бокс — спорт исключительно эмоциональный, и даже здравомыслящие специалисты в ходе боя могут утратить объективность, неправильно оценить исход боя. Но когда у тебя под рукой видеомагнитные фильмы, то восстановить истинную картину не так уж трудно. Нам в Риме удалось запечатлеть на пленке 44 боя, в том числе 24 полуфинальных и все 12 финальных. Все эти записи, детально проанализированные работниками комплексной научной группы совместно с тренерами сборной, дают нам возможность точно представить, как должен действовать боксер при недостаточно квалифицированном, а то и сознательно недобросовестном судействе.

— Какой же сделан главный вывод?

А. А. Лавров. Мы пришли к выводу, что наши боксеры должны отказаться от привычной тактики экономного расходования сил, что им надо действовать максимально убедительно все три раунда, но при этом вовсе не отказываться от своего стиля, от игрового бокса. И то, что они на это способны, они доказали еще в Риме: три наших победителя, Лаптев, Качановский и Ягубкин, после неудач Александрова и Шишова не бросились очертя голову в пекло схватки, не отказались от игрового бокса и победили.

— А не может случиться так, что то судейство, которое насаждает Сид Аштон, скажется на качестве бокса?

А. П. Лаптев. Вот в этом-то, как мне кажется, и заключается главная опасность, и тренерам надо сделать все возможное, чтобы этого не произошло.

А. А. Лавров. Нет, боксеры не собираются идти на поводу у судей. И не случайно именно в Риме мы смогли убедиться в том, что кубинские боксеры отходят от традиционной для них манеры боя, основанного на прямолинейно высоком темпе, чаще используют контратакующие действия, что характерно для манеры игрового бокса. И хотя он подвергся в Риме серьезному испытанию, но отказываться от него мы не намерены. Мы пойдем по другому пути: не снижать боевых усилий до самого конца, добиваться такой победы, которая не оставляла бы у судей никаких сомнений.

* * *

Таковы выводы, сделанные тренерами сборной и членами комплексной научной группы после выступлений в Риме, перед Лос-Анджелесом.

РИМ — МОСКВА.

Д. Минский. Род. 1947. ЛУЧНИКИ. 1983.

Всесоюзная художественная выставка «Физическая культура и спорт в изобразительном искусстве».

С. Оссовский. Род. 1958. РЫБАКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. 1983.

Выставка дипломных работ выпускников Художественного института имени В. И. Сурикова.

МОСКВА, 41-Й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

3

Приказав генералу Городнянскому занять полками дивизии оборону в северной части Смоленска по правому берегу Днепра и при этом взять под особо неослабный огневой контроль подходы к взорванным мостам и другие наиболее опасные направления, Лукин помчался на командный пункт армии. Предстояло нелегкое — доложить командованию фронтом о захвате врагом южной части Смоленска и о своем решении. А решение исходило из наличия сил: полкам 46-й стрелковой дивизии генерала Филатова, передав свои оборонительные позиции северо-западнее Смоленска отступавшим в том направлении частям 19-й армии, спешно занять оборону по Днепру левее дивизии генерала Городнянского и оседлать железную дорогу Смоленск — Москва. 152-й стрелковой дивизии полковника Чернышева, которая отбивалась от наседавших немецких мотомехчастей, прорвавшихся сквозь оборону 19-й армии, быть готовой отойти в северо-западную часть Смоленска и занять оборону по правому берегу Днепра рядом с дивизией Городнянского. Оставались еще две дивизии, переданные вчера из таявшей 19-й армии. Одна из них — 27-я — находилась на марше, держа путь на Смоленск; теперь она решением Лукина перенацеливалась на другой рубеж, с которого можно будет ударить по городу с юга. Вторую переданную дивизию — 158-ю — гонцы Лукина продолжали разыскивать, как и части оперативной войсковой группы генерала Чумакова, еще вчера дравшиеся где-то юго-западнее Смоленска. И как надежда на усиление ударной мощи и повышение боевого духа частей армии, которым непременно будет приказано отбить у врага город,— две тысячи московских коммунистов, протискивавшихся маршевыми ротами к Смоленску со стороны Дорогобужа по старой смоленской дороге, пока еще не перерезанной немцами.

Однако не до конца получился у Лукина разговор с Главнокомандующим. Успел только доложить ему о захвате немцами южной части Смоленска и о взрыве мостов через Днепр, успел также услышать взволнованную тираду Тимошенко о том, что город надо очистить от врага во что бы то ни стало, и связь оборвалась. Но из слов маршала понял главное: принятые им, Лукиным, решения если не наилучшие, то все же разумные в этих условиях...

И начал употреблять власть командующего, включая в действие все сохранившие работоспособность рычаги штаба армии и штабов соединений. В войска понеслись боевые распоряжения...

Бывает, что с песчаного откоса при сдвиге верхнего слоя почвы вдруг потекут десятки и сотни ручейков песка, отчего поверхность откоса будто воскресает после вечного сна, делается живой, стремительно движущейся и даже дымящейся. Так и после усилий штабов частей 16-й армии потекли из лесов и перелесков, с дорог и тропинок живые ручьи и ручейки военного люда, машин, повозок, пушек на конной и на мехтяге, устремляясь к Днепру. Шли в дневное и ночное время. На открытых местах, когда в небе появлялись немецкие самолеты, продвигались короткими бросками и перебежками, неся за спиной для маскировки прихваченные поясными ремнями зеленые метлы ветвей. Пережидали, набираясь новых сил, и снова двигались — отделениями и взводами, ротами и батареями... Приблизившись к Днепру, споро и деловито занимали указанные командирами рубежи и готовились к бою — зарывались в землю, если рубежи пролегали по открытому месту, или устраивали бойницы, если оборона проходила по линии каменных или деревянных, высившихся в развалинах и пепелищах домов вдоль Днепра...

И вдруг на узле связи командного пункта ожила телеграфная линия, соединявшая 16-ю армию со штабом фронта. Застрекотал буквопечатающий аппарат Бодо, и поползла на откидную столешенку белая змейка ленты, испятнанная словами... По звонку начальника связи армии через несколько минут генерал Лукин был в землянке аппаратной. Вслед за ним пришли дивизионный комиссар Лобачев и полковник Шалин.

На втором конце телеграфной линии был Главком Западного направления маршал Тимошенко.

Первые же слова маршала, которые прочитал Михаил Федорович с ленты, будто ударили его в самое сердце и обожгли лицо. Главком упрекал командный состав 16-й армии в недостаточной решительности.

Далее Тимошенко требовал от Военного Совета 16-й армии решительно повысить ее боевой дух, а затем изложил задачу частям 16-й армии; она почти не расходилась с той, которую Лукин уже поставил своим дивизиям и которая уже выполнялась.

Перечитав заново ленту переговоров с Главкомом, Лукин будто надел на глаза чужие очки и увидел все вокруг себя в другом свете. Колючие, причиняющие боль мысли захлестнули его и будто выключили на какое-то время из бытия. Михаил Федорович, кажется, позабыл, где он и кто рядом с ним. Стал задавать себе вопросы, один труднее другого...

Значит, его, генерала Лукина, его штаб и командиров частей истекающей кровью 16-й армии обвиняют в недостаточной решительности?

В армии на строгость приказов не принято обижаться, не полагается и обсуждать их. Но что с сердцем делать, коль кричало оно немым криком от обжигавших мыслей: ведь немцы действительно в Смоленске и рвутся через Днепр, о чем не знала Москва...

Михаил Федорович тут же, в землянке узла связи, составил телеграмму Военному Совету Западного фронта в форме боевого донесения. Подписали ее все трое: Лукин, Лобачев и Шалин — три главных человека, отвечавших за выполнение армией боевых задач.

Вышли из землянки и, не сговариваясь, присели на толстый ствол березы, сваленной вчера взрывом фугаски. Задымили папиросами. Молчали, каждый думая об одном и том же. Рокот боя доносился сюда со всех сторон и даже, казалось, из-под самой земли.

Первым заговорил дивизионный комиссар Лобачев. Спокойно, по-мужицки рассудительно он сказал будто сам себе:

— Приказы в Красной Армии не обсуждают, а выполняют. Это закон.

— Кто же обсуждает?— обидчиво удивился Лукин.

— Лично я... Да-да, я обсуждаю этот приказ...— Лобачев с ухмылкой покосился на командарма, затем на начальника штаба.

— Этого от тебя я не слышал,— строго сказал Лукин.

— Я тоже.— Шалин закашлялся, выдохнув облако табачного дыма.

— Оглохли, значит?— Лобачев удовлетворенно засмеялся.— От бомбежки или от боязни посмотреть правде в глаза?

Лукин вдруг придавил каблуком сапога недокуренную папиросу и с нарастающим раздражением упрекнул Лобачева:

— Не люблю, комиссар, когда ты в загадки играешь!.. Сейчас не до ребусов!

— Так вот, без загадок и ребусов.— Лобачев спокойно посмотрел на собеседников.— Мы доложили Военному Совету фронта о принятых мерах для удержания северной части Смоленска и о том, что делаем все возможное, чтобы выбить фашистов из южной... Так ведь? Но мы ни словом не обмолвились о предъявленных нам обвинениях. А молчание — знак согласия... Я же не согласен... Но главное в другом.

— В чем же?— озадаченно спросил Лукин.

— В том, что в боевых условиях надо припугивать командиров. Эта мера лишает людей здравомыслия... Да и нельзя не понимать, что от напуганного командира пользы мало, а его настроение обязательно передастся еще и подчиненным ему людям.

— Не томи!— прервал Михаил Федорович Лобачева.— Что ты хочешь в конечном счете?..

— Хочу напроситься на разговор по прямому проводу с членом Военного Совета фронта товарищем Булганиным.

— Много бы я дал, чтобы услышать, как тебе ответят с другого конца провода.— Лукин рассмеялся, кажется, искренне, растворив в смехе накопившееся напряжение.— О чем ты говоришь, Алексей Андреевич?! Я еще западнее Шепетовки натерпелся этого испуга. Там одно слово «окружение» порождало панику.

— Я совсем о другом!— Лобачев развел руки.— Я о робости командира перед ответственностью за принятое им решение. А полученный нами приказ такую робость может породить...

— Ну, иди, вызывай товарища Булганина.— Лукин поднялся, чтобы идти в автобус.— Хотя ты и прав, но только частично. Ведь даже приказ о предании суду прежнего командования Западным фронтом во главе с генералом армии Павловым, хотя их до смерти жалко, не поверг нас с тобой в ужас?!. Встряхнул как следует командирский корпус Красной Армии? И привел кое-кого в нужное состояние?.. Так почему этот приказ Главкома не сделает полезного дела?.. С нас строго требуют, и мы покрепче будем требовать...

— Я тебе, Михаил Федорович, о духе приказа, а ты о букве.— Лобачев тоже поднялся.— Я об опасности породить в армии страх, как самое острое из всех чувств человека. О ней, этой опасности, помнили полководцы всех времен и народов... Известно, например, что того, кто бежал с поля боя, даже не столкнувшись с врагом, наиболее трудно заставить вернуться в бой. Быстрее вернется тот, кто уже видел врага, дрался с ним и пусть даже был побежден. Быстрее пойдет в атаку и тот, кто еще совсем не видел врага. Иным страх более нестерпим, чем сама смерть!..

Генерал Лукин ничего не успел ответить на эту пространную тираду. Перед ним встал, выйдя из землянки, бледнолицый и тощий лейтенант с красной повязкой на рукаве. Обратившись к генералу, как положено по уставу, он передал ему пахнущий казеиновым клеем бланк с телеграфным текстом. Лукин читал телеграмму долго, будто расшифровывая. Затем хмыкнул и протянул ее Лобачеву.

— Тут нечто, подтверждающее твою фило-

Продолжение. См. «Огонек» № 50.

софию от сегодняшнего дня.— Слова Михаила Федоровича прозвучали с ироничной грустью.

Лобачев прочитал вслух:

— «Малышева, взорвавшего мосты через Днепр и помешавшего восстановлению положения в Смоленске, арестовать и доставить в штаб фронта...» Подпись: «Прокурор фронта...»

— Но ведь полковник Малышев поступил согласно нашему приказу,— напомнил полковник Шалин.— Я вместе с начальником инженерной службы готовил бумагу... Правда, мы сказали тогда Малышеву, что приказ вступит в силу после того, как штаб фронта даст «добро»...

Завластвовало удручающее молчание, будто все почувствовали себя в чем-то виноватыми и устыдились друг друга.

— Подготовьте прокурору объяснительную телеграмму,— прервав молчание, хмуро приказал Лукин начальнику штаба, а затем уставил чуть насмешливый взгляд на Лобачева.— Пророк с комиссарской звездой...

— Почему бы и не пророк?— В голосе Лобачева зазвучал смех.— Я однажды напророчил самому товарищу Ленину!

— Ну, так сильно не загибай,— предостерег Лукин, однако посмотрел на Лобачева поощрительно, ибо любил слушать его рассказы о трудном сиротском детстве, голодной, но боевой юности и особенно о том периоде, когда Алексей Андреевич был кремлевским курсантом, не раз стоял на посту № 27 у квартиры Ленина и многажды видел и слышал вождя.

— Не совсем, конечно, Ленину,— поправился Лобачев,— а моим друзьям, которые хотели упростить Владимиру Ильичу процедуру уплаты им партийных взносов...

Послышался нарастающий гул моторов. Он ширился, будто заполняя все пространство вокруг, звучал все отчетливее и устрашающе: почти на бреющем полете шла вдоль магистрали Минск — Москва видимая сквозь плетение ветвей деревьев шестерка «юнкерсов». Зенитчики, прикрывавшие этот лес, не открывали огня по столь заманчивой цели: нельзя было демаскировать штаб, пока над ним не нависла прямая угроза.

— Прошли... Продолжайте, Алексей Андреевич,— поторопил Лобачева полковник Шалин, взглянув на наручные часы: он, как и все начальники штабов, постоянно испытывал недостаток во времени и безмерно дорожил им.

— Так вот.— Лобачев потер от удовольствия руки, видя, с каким интересом его слушают.— У нас в Кремле был свой подрайком партии. Там состояли на партийном учете также наши командиры и курсанты. И Ленин там состоял. И вот наш командир роты Григорий Антонов, а он был казначеем в подрайкоме, говорит однажды: «Владимир Ильич самый дисциплинированный плательщик членских партийных взносов. А ведь он очень занят. Что, если я предложу ему присылать с деньгами своего секретаря?» Я возьми да и скажи тогда Антонову: «Товарищ Ленин ответит, что коммунист никому не должен доверять свой партийный билет...» И именно эти самые слова сказал Владимир Ильич Антонову. Честное слово!

— Интересный факт,— серьезно заметил Лукин.— Теперь мы будем величать тебя не только членом Военного совета, но и главным пророком армии.

— А знаете, почему я угадал ответ Ленина?..— разгоряченно спросил Лобачев.— Однажды в кремлевской парикмахерской я попытался уступить очередь Владимиру Ильичу: «Садитесь, мол, Владимир Ильич. Я подожду». А он в ответ: «Очередь — это порядок. Она для того и существует, чтобы ее все соблюдали...» — и усадил меня в кресло... Это, братцы мои, была самая долгая в моей биографии стрижка...

4

Если есть история событий в их причинных связях и их взаимообусловленностях, то и есть подобного склада история человеческих чувств и отношений. Генерал армии Жуков, деятельность которого, как начальника Генерального штаба, каждый день получала оценку Государственного Комитета Обороны чаще всего в лице Сталина, иногда задумывался над тем, как созрели те сложные чувства к Сталину, которые испытывал почти каждый раз, готовясь к встрече с ним. А встречаться с председателем ГКО, не считая телефонных переговоров, приходилось дважды в сутки, когда докладывал в Кремле не только все то главное, происшедшее на фронтах, изученное и обобщенное Генеральным штабом, как рабочим органом Ставки, но также излагал созревшие выводы, предположения и проекты очередных оперативно-стратегических решений.

А донесения с фронтов ничем не радовали. Наши потери росли, и враг на многих направлениях все глубже вгрызался в советскую территорию. Поэтому атмосфера в кабинете Сталина часто оказывалась до предела наэлектризованной, и Жуков нередко уходил из кабинета, ощущая напряжение каждого нерва, каждой клетки тела.

...Не объяснить словами его чувства к Сталину из-за их многосложности и некоторого непостоянства. Когда размышлял над этим, часто вспоминал самую первую встречу с ним. Она имела предысторию, связанную с событиями весны и лета 1939 года на Дальнем Востоке. Жуков, тогда заместитель командующего войсками Белорусского военного округа, был срочно вызван в Москву, к народному комиссару обороны Ворошилову, который сообщил ему о том, что Япония напала на Монголию, а Советский Союз согласно договору с Монголией должен оказать ей военную помощь. Потом маршал Ворошилов спросил: «Можете ли вылететь туда немедленно? И, если потребуется, принять на себя командование войсками?»

Жуков бегло взглянул на стол для заседаний, покрытый картой Монголии, увидел начертанную восточнее реки Халхин-Гол линию вторжения японских войск, и у него зарницей вспыхнула мысль о том, что кульминация полководческой мудрости — это правильное решение, вытекающее главным образом из знания противника и своих войск. Ни первого, ни второго у него пока не было, но, повинуясь зову своего характера идти навстречу трудностям и опасностям, тут же ответил:

«Товарищ маршал, готов вылететь хоть сию минуту!»

Жуков полагал, что после этого его пригласят в Генштаб, там начнется сидение над картами, над оперативно-тактическими приемами действий японских войск. А затем будет встреча со Сталиным... Ничего подобного не случилось.

«Очень хорошо,— удовлетворенно сказал ему Ворошилов,— самолет для вас будет подготовлен на Центральном аэродроме к шестнадцати часам...»

Чем завершились сражения на Халхин-Голе — всем известно. Красная Армия отбила у Японии охоту мериться силами, заставила ее поостеречься нападать на СССР вслед за фашистской Германией... Кто знает, как все могло сложиться, если б не Жуков, а кто-либо другой командовал сражениями на Халхин-Голе. Жуков показал свое истинное полководческое искусство, свою волю и целеустремленность, по праву заслужив звание генерала армии и Героя Советского Союза.

Со временем его вызвали в Москву для назначения на новую должность и тогда лишь впервые пригласили в Кремль.

Узнав, что предстоит встреча со Сталиным, Георгий Константинович испытал такое волнение, какого, кажется, никогда не испытывал.

В кабинете Сталина также увидел Молотова, Калинина и Ворошилова. За чаем началась беседа, в которой ему, тогда сорокачетырехлетнему генералу армии, была отведена главенствующая роль. Все очень внимательно слушали оценочные размышления Жукова о японской армии, ее сильных и слабых сторонах, а также о том, как действовали в боях с самураями войска Красной Армии. Члены Политбюро задавали вопросы, и Жуков свободно и раскованно отвечал на них. Вдруг Сталин спросил о неожиданном:

«Как помогали Вам Кулик, Павлов и Воронов?»

О помощи пребывавших во время боевых действий на Халхин-Голе Павлова, как начальника автобронетанкового управления Красной Армии, и Воронова, как начальника артиллерии, Жукову было что сказать членам Политбюро. Он действительно ощущал их присутствие и помощь. А о маршале Кулике, заместителе наркома обороны?.. Уклоняться от правды он не умел. И взглянув на Ворошилова, продолжил с сумрачностью в голосе:

«Что касается маршала Кулика, то я не могу отметить какую-либо полезную работу с его стороны...»

Сталин, до этого прохаживавшийся по кабинету, вдруг остановился. Выдохнув облако табачного дыма, он чуть наклонился к Жукову и, притронувшись мундштуком трубки к его плечу, кажется, заглянул в самую душу. Этот пронизывающий взгляд показался Георгию Константиновичу нестерпимо долгим. Но взгляда не отвел от золотистых глаз Сталина и ничем не выразил чувства виноватости... Потом уловил, как под густой проседью усов Сталина промелькнула улыбка, и, не поняв ее значения, внутренне ощетинился, собираясь обосновать свою оценку деятельности Кулика. Но вопросов больше не последовало. Возвращался из Кремля в гостиницу «Москва» словно в легком опьянении. Даже не верилось, что только сейчас слышал он негромкий голос Сталина, примерял свои суждения к его мыслям и взглядам, касавшимся военных дел. Он долго не мог уснуть в ту памятную ночь.

Да, действительно есть история событий и есть история чувств. Но у той и другой истории нет ни начала, ни конца, ибо сила человеческой памяти не столь велика, чтобы постигнуть бесконечность прошлого; и никому не дано заглянуть далеко за порог будущего...

Вспышка гнева Сталина, вызванная вестью о взятии немцами Смоленска, суровые слова, сказанные им по этому поводу начальнику Генерального штаба Жукову, как бы задали тон некоторым директивам и приказам, понесшимся в эти дни в нижестоящие штабы. Жесткие в формулировках задач и крутые в оценках действий войск, они, несомненно, нагнетали атмосферу напряженности в штабах фронтов и армий, что не лучшим образом сказывалось на деятельности командного состава. Генерал армии Жуков остро почувствовал это при последнем телефонном разговоре с маршалом Тимошенко, который сумрачно заявил, что, с его точки зрения, командармы Лукин и Курочкин заслуживают своими действиями высокой похвалы, а он вынужден пугать их чуть ли не судом военного трибунала...

Конечно же, о каком суде могла идти речь, когда вся война с ее страшным размахом стала гигантским судилищем над целыми народами, державами, социальными системами. Приговор этого судилища неторопливо вызревал в кровавом соперничестве огромных армий, опиравшихся на могущество огня, железа и на силу человеческого духа. Жуков понимал, что если Тимошенко и не задумывался так о войне в целом, то не мог не уяснить главного: для Лукина, Курочкина, для всех их штабов и войск, продолжавших сражаться за Смоленск, ведя бой в оперативном окружении, ничто уже не могло быть более страшным.

Направляясь на очередной доклад к Сталину, Жуков намеревался улучить момент и поговорить с ним об этом — надо было каким-то образом ослабить напряженность в штабах, не снизив их оперативности в управлении войсками. Хорошо бы, если б при докладе Жукова присутствовали члены Политбюро...

Когда ехал из Генштаба в Кремль, успел поразмышлять о том, что разгневанный, уязвленный Сталин ему понятнее: он тогда больше похож на других людей.

5

Сегодня в кремлевском кабинете Сталина, как и каждый день, вершились самые разнообразные дела, связанные с войной, которая и в Кремле уже была суровой будничностью. За длинным столом с зеленым суконным покрытием сидели Молотов и Шахурин, а Сталин, повернувшись к ним спиной, стоял у своего рабочего стола и разговаривал по телефону с горьковским заводом «Красное Сормово». На другом конце провода был нарком танковой промышленности Малышев.

Тем временем Молотов перечитывал копию личного послания Сталина премьер-министру Великобритании Черчиллю, которое 18 июля передано шифрованной телеграммой в посольство Советского Союза в Лондоне. В этом до-

кументе — ответе на два июльских письма Черчилля — Сталин, сообщив о трудном положении советских войск, подвергшихся внезапному нападению Германии, высказал пожелание о скорейшем открытии Великобританией второго фронта против Гитлера. Сейчас Кремль с напряженным нетерпением ждал ответа из Лондона, и Молотов, строя догадки о содержании ожидавшегося ответа, мысленно прокладывал новые направления усилий советской дипломатии.

А наркома авиационной промышленности Шахурина одолевал сон. Последние несколько суток Алексей Иванович почти не спал, снуя, как ткацкий челнок, между своим наркоматом, конструкторскими бюро и авиационными заводами: везде требовались его глаз, вмешательство, помощь. Перед Шахуриным высилась кипа секретных документов; сверху — бумага со сводными данными о построенных за неделю авиамоторах и самолетах. Он силился вникнуть мыслью в некоторые цифры, но машинописный текст на листе бумаги расплывался перед глазами, а голова клонилась к столу. Тогда он откинулся на спинку стула и стал вслушиваться в разговор Сталина с Малышевым.

Мембрана в трубке телефонного аппарата высокой частоты, которую держал у уха Сталин, резонировала, и из нее изредка вырывались всплески знакомого Шахурину голоса. А может, голос Малышева сам по себе воскресал в его затуманенной дремой памяти? Скорее что так, ибо Шахурин, смежив веки глаз, будто увидел Малышева рядом с собой, но почему-то уже в зале заседаний Совнаркома. Малышев придвигал к нему блокнот с какими-то записями и вытирал платком свой большой лоб с глубокими залысинами, ероша при этом густые брови над крупными, светившимися глубоким умом глазами. Они были спокойны, улыбчивы и придавали его интеллигентному лицу безмятежность. И будто услышал Шахурин слова, сказанные ему Малышевым давно, еще до войны:

«Алексей Иванович, нам еще далеко до сорока лет, а мы с тобой будто старики: кроме своих наркоматов и заводов, ничего не знаем... Давай хоть соберемся с женами да выпьем по-христиански, песни споем...»

Алексей Иванович проснулся от легкого толчка в бок. Вскинув голову, открыл глаза и увидел устремленный на него смеющийся взгляд Молотова.

— Будете после войны писать мемуары,— шепотом сказал ему Молотов,— не забудьте рассказать, как спали в кабинете Верховного командующего... Это еще никому не удавалось...

Шахурин, окончательно сбросив дрему, со смущением ответил:

— Три ночи не спал... Гоним новый самолет,— и осекся, увидев, что Сталин повернул к ним голову и в глазах его сверкнула строгость.

Только сейчас до Шахурина стал доходить смысл телефонного разговора Сталина с Малышевым.

— ...Да-да... Мы вам доверили, товарищ Малышев, организацию новых центров танковой промышленности,— говорил Сталин с заметным кавказским акцентом.— И Цека надеется, что сейчас, когда часть нашей броневой базы находится под ударами авиации врага, вы, как нарком танковой промышленности, разумно распорядитесь тем, что у нас имеется в Москве, в Подмосковье и на заводах Поволжья...

В дверях кабинета бесшумно появился и застыл на месте Поскребышев, с усталым лицом и красноватыми белками глаз от постоянного недосыпания. Сталин будто увидел его затылком и повернулся лицом к двери. Коротко взглянув на Поскребышева, потом на настенные часы над дверью, он чуть заметно

кивнул Поскребышеву. Тут же вошли начальник Генерального штаба Жуков и сопровождавший его генерал с разбухшим портфелем в руке. Приветственно щелкнув каблуками блестевших черным глянцем сапог, они, видя, что Сталин стоит спиной к двери, присели к столу. Генерал, расстегнув толстый коричневый портфель, стал выкладывать из него на зеленое сукно стола карты и документы.

А Сталин между тем продолжал говорить в телефонную трубку:

— Товарищ Малышев не должен ошибаться, какой танк поручить выпускать Горьковскому заводу, какой Коломенскому и заводам Москвы. Сейчас фронту нужны «тридцатьчетверки» и «КВ»...

Сталин умолк, и уже не в усталом воображении Шахурина, а из телефонной трубки стал ему слышен приглушенный голос Малышева:

— Товарищ Сталин, надо помочь Главному управлению по ремонту танков... На фронтах еще не все понимают, что подбитый танк — это не утиль, не отходы войны... Танк никогда не уничтожить целиком... Это тысячи деталей... В худшем случае из трех танков можно возродить два.

— В чем должна выразиться наша помощь?— спросил Сталин.

— Прикажите товарищу Мехлису мобилизовать фронтовых политработников. Это поможет нам заполнить паузу в выпуске новых танков, пока идет эвакуация на восток заводов и их развертывание на новых местах...

— Хорошо. До свидания, товарищ Малышев.— Сталин положил на аппарат трубку, взял синий карандаш и, наклонившись над столом, сделал на календаре запись.

Жуков и его помощник, видя, что Сталин освободился, встали.

— Садитесь, товарищи военные.— Сталин махнул им рукой и, глядя на Шахурина, скупо улыбнулся. Затем сказал: — А кое-кто жалуется на строгость товарища Сталина...— Он выразительно взглянул на Жукова.— Какая же это строгость, скажите на милость? Приходят наркомы к нему в кабинет с отчетами и... укладываются спать... Мы вам не помешали, товарищ Шахурин?..

— Извините, товарищ Сталин.— Алексей Иванович чувствовал себя, как провинившийся школьник.— Больше такого не повторится.

— Ничего, бывает. Знаю, что нелегко вам... Так на чем нас прервал товарищ Малышев телефонным звонком?— Сталин устремил на Шахурина уже серьезный, требовательный взгляд.

— Вы говорили о роли заместителей наркомов,— напомнил Алексей Иванович.

— Да... Так вот, и у вас прекрасные заместители!.. Дементьев, Яковлев, Хруничев, Воронин... Великолепные специалисты и хорошие партийцы. Вот они и должны посещать отдаленные заводы, опытные аэродромы и конструкторские бюро... По вашему распоряжению... Ну, зачем вам было самому лететь в Рыбинск?

— Там, на заводе авиационного машиностроения, разгорелся конфликт между конструкторами и производственниками,— пояснил Шахурин.

— Конфликт мог прекрасно уладить товарищ Патоличев[1]. Он организатор высшего класса, хорошо работает с людьми, с ходу умеет вникнуть в дело.

— Верно. Не подумал я...

— Давайте договоримся твердо: без моего ведома вы из Москвы не отлучаетесь. И лично на вас в числе прочих обязанностей лежит ежедневный отчет перед ЦК и Совнаркомом... Письменный отчет!.. О выпуске самолетов и моторов. И не простой отчет о собранных самолетах, а о проверенных в воздухе — облетанных и обстрелянных...

— Все ясно, товарищ Сталин.— Шахурин встал и начал складывать в портфель бумаги. Алексею Ивановичу хотелось послушать доклад Жукова о положении на фронтах, но в приемной наркомата его ждали «гонцы» с заводов, да и видел, что Сталин уже будто забыл о нем и подошел к другому краю стола, где были развернуты карты.

Продолжение следует.

[1] Патоличев Н. С.— в то время первый секретарь Ярославского областного комитета партии (**прим. автора**).

ВЫСОКАЯ МИССИЯ ПЕРЕВОДА

За «круглым столом».

Участники VI Международной встречи переводчиков советской литературы, лауреаты премии имени А. М. Горького.

Около ста участников этой встречи из тридцати стран европейского, американского, азиатского и африканского континентов, в очередной раз собравшиеся в Москве, в Центральном Доме литераторов, говорили на одном языке — языке великой русской литературы.

В эти дни в залах заседаний и кулуарах московского форума мастеров художественного перевода особенно наглядно предстала роль гуманной, честной книги как проводника взаимопонимания и доверия между народами, благородная миссия тех, кто своим нелегким творческим трудом преодолевает языковый барьер, способствует духовному обогащению, культурному развитию и сближению людей разных стран, разных взглядов и убеждений.

Сегодня, когда происки поджигателей термоядерной войны грозят человечеству непоправимой катастрофой, когда вашингтонская администрация затевает «крестовый поход» против коммунизма, раздувая яростную антисоветскую кампанию, произведения советских писателей, выражающие надежды и чаяния миллионов, помогают находить сферу общих интересов, разрушают недоверие и предвзятость в отношении нашей страны, которые питает буржуазная пропаганда.

Об этом говорили с трибуны встречи ее участники. В их словах звучала глубокая убежденность в том, что нет сейчас более важного дела, чем борьба за сохранение жизни на планете. И переводы советской литературы — существенная часть ведущейся прогрессивными силами борьбы против милитаристского психоза. Он оказался бессилен воспрепятствовать посланцам зарубежной культуры собраться в Москве. И столь представительный характер нынешней встречи, на которой присутствовали также делегации ряда авторитетных международных организаций, в том числе руководства Международной федерации переводчиков (ФИТ), лишний раз подтверждает настойчивое стремление передовой общественности к мирному диалогу.

...Заседания, беседы, обмен опытом. Не одна переведенная советская книга за плечами у афганского прозаика А. Зарьяба, известного болгарского поэта Б. Божилова, вице-президента общества «Великобритания—СССР» Х. Перхам и у многих других их коллег. Они дарили друг другу свои переводы Горького, Маяковского, Шолохова, обсуждали тонкости стилистики Бабеля, интересовались новыми произведениями Астафьева, Гранина, Рытхэу...

Молодая переводчица из Франции Ф. Лонг-

вилль, изучавшая русский язык и литературу в Парижском университете, впервые побывала в нашей стране еще школьницей, потом на стажировке в 1975 году. Недавно она перевела для крупного издательства «Мессидор» повесть В. Быкова «Мертвым не больно». До этого в ее переводе вышел роман Ч. Айтматова «Буранный полустанок», выдержавший за полтора года четыре издания.

— Русская и советская литература пользуется во Франции большой популярностью,— сказала Ф. Лонгвилль.— Она открывает западному читателю добрый и прекрасный мир. Издательство «Мессидор» запланировало новую серию книг советских писателей, и я рада, что меня привлекли к этой работе.

А. Партида заведует кафедрой драматургии и театра Национального автономного университета Мексики. С русского переводит уже много лет. «Слово о полку Игореве», «Антология русской поэзии XIX—XX веков», а в последнее время — Есенин, Булгаков, Вампилов.

— Так приятно снова приехать в Москву, увидеться со старыми друзьями. Всех нас объединяет любовь к русской, советской литературе, желание противопоставить ее гуманизм и светлые идеи мутному потоку низкопробного чтива, захлестнувшему книжный рынок на Западе. В произведениях советских писателей молодежь западных и развивающихся стран может найти высокие образцы для подражания, они учат страстно утверждать правду и справедливость...

Сегодня советскую книгу читают более чем в 140 странах. И от качества перевода зависит, насколько близкой и понятной станет она далекому читателю. Поэтому наряду с актуальнейшими проблемами судеб мира участники встречи пристальное внимание уделили сугубо профессиональным вопросам. Многие зарубежные литераторы, приехавшие в Москву, отмечали, что эта встреча явилась для них настоящей школой переводческого мастерства.

Теория и практика художественного перевода, разбор возникающих при работе трудностей, информационные сообщения о нормативных аспектах эволюции русского языка и, наконец, широкая свободная дискуссия на тему «Гуманизм художественного перевода. Перевод как средство достижения взаимопонимания между народами, как важный фактор в борьбе за предотвращение войны» собрали делегатов за «круглым столом». Руководил этими заседаниями заместитель председателя совета по художественному переводу СП СССР П. Топер, а конкретные «занятия» провели видные советские ученые-лингвисты В. Костомаров, Н. Михайловская, Т. Коготкова, Е. Земская, Н. Ревенская.

Хорошо знакомые нашим гостям улицы и площади столицы, непринужденное общение с москвичами, фильмы, театры, концерты, посещение различных редакций и издательств — все это стало как бы естественным продолжением работы конференции. Ее заключительный день ознаменовался торжественной церемонией признания заслуг переводчиков русской советской литературы. Список лауреатов премии имени А. М. Горького пополнили имена Христо Радевского (НРБ), Янины Дзярновской (ПНР), Самбуугийна Бадраа (МНР), Эридано Баццарели (Италия), Милоша Крно (ЧССР), Кэна Канэко (Япония) и Мирослава Бабовича (СФРЮ). Премиями Советского фонда мира, которые вручил председатель его правления, чемпион мира по шахматам А. Карпов, Почетными дипломами Всесоюзного агентства по авторским правам и Почетными грамотами Союза писателей СССР награждены многие другие участники встречи.

— Я возвращаюсь домой, где меня ждет рукопись перевода новой советской книги, с верой в то, что мой труд принесет пользу моим соотечественникам,— сказала на прощание лауреат премии Советского фонда мира Мириам Мортон (США).— Ведь слово, идущее от сердца, обязательно вызывает ответный отклик. Такова ваша литература. Она покоряет своей глубокой приверженностью идеалам свободы и демократии, народностью, реализмом. Она не оставляет места вражде и ненависти. Вот почему я хочу донести ее до американцев. В ней я вижу верный путь к упрочению симпатии и уважения между нашими народами. А значит, и к упрочению мира.

О. ЮРЬЕВ

Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

ВСЕГО ОДНИ СУТКИ

Как удивительно и непредсказуемо порой складываются сюжеты шахматных сражений!

Когда самоуверенный Корчной отклонил на 19-м ходу шестой партии матча мирное предложение Каспарова, истолковав его как проявление робости, ему вряд ли могло прийти в голову, что этот момент окажется его последним шансом диктовать свою волю и переломным в ходе всего поединка. Никакой опыт не мог ему подсказать, что всего сутки спустя роли в матче резко изменятся и психология борьбы приобретет совершенно иное содержание. А именно это и произошло за короткое время с вечера пятого до вечера шестого декабря. Всего за 24 часа Каспарову удалось преодолеть затянувшийся кризис, обрести уверенность в своих силах и нанести два чувствительных поражения своему сопернику!

Положение нашего гроссмейстера накануне шестой партии было не из легких. Прессинг, избранный Корчным в качестве главного стратегического приема, лишал Каспарова возможности проявить те свойства своего таланта, которые привели молодого гроссмейстера к подступам шахматного трона. Его фантазия парализовалась простотой складывающихся ситуаций, комбинационный дар замыкался в узком круге эндшпильных идей, смелость усмирялась неблагоприятным течением поединка. Каспаров должен был действовать с осмотрительностью сапера, любая ошибка которого становится последней. Малейший риск был ему противопоказан.

Вот почему свои честолюбивые планы Каспаров мог строить главным образом на использовании «преимущества выступки» при игре белыми фигурами и ограничиваться чисто оборонительными задачами, играя черными. А при незначительном числе оставшихся партий эта рациональная тактика требовала предельных усилий.

Трудно сказать, как развивались бы события, если бы Корчной твердо держался принятого им коварного курса на сдерживание. Но психологическое чутье неожиданно изменило ему. Довольствуясь ничьими, изматывавшими Каспарова в течение четырех партий, Корчной вдруг решил, что партнер уже сломлен и наступил момент для перехода к решительным операциям. Недооценка боевого потенциала — опасное заблуждение, и оно дорого обошлось противнику Каспарова. Переход к открытому «рукопашному» бою выгоден только нашему гроссмейстеру. И стоило Корчному утратить присущую ему доселе объективность и осмотрительность, как Каспаров буквально на глазах сбросил груз скованности, ожил и заиграл в своем привычном смелом и предприимчивом стиле. Окончание драматической шестой партии свидетельствовало уже о полной перестройке творческих состояний партнеров — хозяином положения стал Каспаров. Корчной же дрогнул и потерял спокойствие, уверенность. Он, видимо, грыз себя за уклонение от сулившей ему выгоды матчевой стратегии, за отказ от ничьей, за неоправданную азартную попытку все решить одним ударом. Ничья была упущена им несколько раз, причем незадолго до фатального финала уже в теоретически исследованном положении. Каспаров же выжал из позиции все! Он знал (это показал объективный анализ), что выиграть не должен, но чувствовал, что партнер не в себе, и, нагромождая ему одну задачу за другой, успеха достичь можно. И настойчивость Каспарова, его оптимизм, вера в свои силы сделали свое дело: первая победа — долгожданная, выстраданная, такая необходимая — была достигнута! Да еще черными!

Развития успеха ждать пришлось недолго. В седьмой партии психологический фон определил всю картину сражения. Корчной выглядел беспомощным — у Каспарова получалось все! В простом на вид положении, где на доске оставалось уже совсем мало фигур, и гроссмейстеры в пресс-центре ожидали неминуемой быстрой ничьей, и кое-кто потянулся к выходу, наш гроссмейстер нашел удивительный, чисто каспаровский способ вдохнуть жизнь в, казалось бы, мертвое окончание и так завертел игру, что Корчной и оглянуться не успел, как остался без пешки.

Когда проходная Каспарова дошла до поля превращения, Корчной сдался. Не потому ли на лондонском радио в честь победы нашего гроссмейстера в тот вечер выбрали популярную во всем мире песню «Полюшко-поле»... Знаменательно, что Каспаров и вторую партию выиграл в простом на вид окончании, победив соперника его же излюбленным оружием — отточенной техникой, обогащенной фантазией и безупречным расчетом. «Бриллиантовой» назвали игру Каспарова англичане. Может быть, правильнее сказать — филигранная, но это уже тонкости перевода, не меняющие сущности высокой оценки игры нашего гроссмейстера.

И, как бы доказывая всю закономерность своих двух побед, Каспаров после ничьей в восьмой партии нанес Корчному еще один сокрушительный удар, выиграв девятую партию в блестящем комбинационном стиле. Итак, в матче наступил желанный перелом. Отдадим должное мужеству Каспарова и... прозорливости чемпиона мира, предсказавшего возможность такого оборота событий.

На фоне сенсационных перипетий Каспарова с Корчным успехи Смыслова воспринимаются спокойнее. Но в этом виноват... сам Василий Васильевич. Он так избаловал нас своей великолепной игрой с первого же дня, что, радуясь его победам, мы уже перестали удивляться.

Между тем в счастливую летопись 24 часов Каспарова славный экс-чемпион внес свою лепту. Днем того памятного 6 декабря его партнер — гроссмейстер Рибли сдал отложенную накануне седьмую партию матча. Это была великолепная победа! До начала матча многие полагали, что Смыслову трудно придется в дебютной стадии борьбы, где Рибли слывет весьма эрудированным теоретиком. На деле же оказалось, что Василий Васильевич не пожалел ни времени, ни усилий и проделал такую предматчевую аналитическую работу, которая позволила ему в теоретических диспутах с партнером, как правило, брать верх.

К примеру, в седьмой партии вплоть до 19-го хода (!) все шло по анализу как по нотам, а Смыслов чувствует себя в таких случаях особенно уверенно! Третья победа нашего гроссмейстера, да еще одержанная в блестящем комбинационном стиле, к общему оптимизму добавила и чувство уверенности. Василий Васильевич не только ведет в счете с заметным отрывом, но и просто лучше, чем Рибли, играет в шахматы.

Как хочется верить, что столь счастливо начавшаяся вторая половина состязания закрепит достижения наших гроссмейстеров и все вопросы по борьбе за шахматную корону вновь станут внутренним делом советских шахматистов!

РИСУНКИ МАСТЕРА

В Москве, в Центральном Доме работников искусств, открыта выставка работ Николая Николаевича Жукова — народного художника СССР, члена-корреспондента Академии художеств, лауреата Государственных премий СССР.

В эти декабрьские дни мастеру исполнилось бы 75 лет. В экспозиции показаны фронтовые рисунки, которые он сделал, будучи спецкором «Правды» на Калининском фронте, плакаты военного времени, зарисовки, отразившие подвиги советских воинов, листы, выполненные художником на Нюрнбергском процессе.

Видное место в творчестве Н. Н. Жукова занимала Лениниана, и на выставке представлены лучшие работы этого цикла.

В залах можно увидеть также иллюстрации к «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, к «Репортажу с петлей на шее» Ю. Фучика и полные любви и юмора рисунки, посвященные детям.

Зрители встречаются с ярким, самобытным творчеством мастера, с его обаятельным искусством.

На снимке: в залах выставки.

Фото И. Гаврилова

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

8 декабря в Московском Доме журналиста состоялась встреча редакции и авторского актива «Огонька» с читателями.

С интересом встретили собравшиеся рассказ редактора международного отдела, члена редколлегии Ю. П. Попова о его поездке в Иорданию. Фоторепортер Г. Копосов поделился впечатлениями от поездок по стране, показал зрителям свои фотоработы, сделанные в Заполярье и в Антарктиде, на КамАЗе и газопроводе Уренгой — Ужгород. Об удивительной жизни и творчестве выдающегося итальянского художника Рафаэля Санти рассказал главный художник, заслуженный деятель искусств РСФСР И. В. Долгополов.

Поэты, постоянные читатели «Огонька»,— Л. Васильева, М. Беляев, П. Градов читали свои стихи.

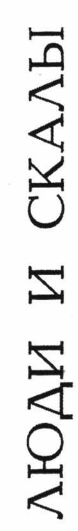
Встречу вел главный редактор «Огонька» А. В. Софронов.

Во встрече приняли участие заведующий отделом поэзии Е. Антошкин, заведующая отделом массовой работы и писем В. Морозова.

Скалолазы на дистанции.

ЛЮДИ И СКАЛЫ

Все было почти как в цирке. Только куполом было синее небо, амфитеатром — долина прозрачной горной реки Иссык, а ареной — крутые, отполированные временем вертикальные стены скал. По этим стенам бегали люди. Они именно бегали, а не карабкались или ползли — я не оговорился. И зрители-болельщики в «амфитеатре» (сидя на речном песочке) кричали, подбадривая их: «Бежать, Флюра, надо бежать». И Флюра бежала. Несколько минут назад я ее видел здесь, внизу. Она была нетороплива, почти меланхолична, заканчивая свои последние приготовления — подвязывая тесемками к ногам новенькие галоши. Кстати, галоши на этих состязаниях скалолазов были самой модной обувью как у мужчин, так и у женщин. Объяснялось это вполне утилитарно: галоши отлично держат, не соскальзывая даже на полированной поверхности...

Легко, изящно, грациозно и вместе с тем мощно пробежала дистанцию Флюра Жирнова, маляр из узбекского города Чирчика, и стала в третий раз чемпионкой СССР...

Мы имеем о скалолазании весьма приблизительное представление, путая его с альпинизмом. Действительно, без умения преодолевать скалы альпиниста нет. Но цель спортивного скалолазания не штурм заоблачных вершин, а прохождение маршрута с максимально возможной скоростью по заранее выбранной и подготовленной скальной трассе. Причем обязательная судейская страховка исключает падение спортсмена при возможном срыве со стены. Этот спорт зародился и наиболее успешно развивается в нашей стране. Известен и «крестный отец» скалолазания — Иван Иосифович Антонович. Работая после войны в альпинистских лагерях Кавказа, он заметил, что травмы и несчастные случаи в горах происходят в большинстве своем от слабой скальной подготовки многих альпинистов. Так из желания помочь альпинизму возник новый вид спорта, и в 1947 году состоялся первый чемпионат страны по скалолазанию. Кроме того, скалолазание, видимо, единственный вид спорта, который приносит прямую практическую пользу народному хозяйству. Спортсмены-скалолазы принимают участие в строительстве многих крупных ГЭС в Таджикистане, Киргизии, Сибири, при ремонте нестандартных высотных конструкций — шпилей, башен, мачт, заводских труб...

Ю. ЛУШИН
Фото автора

Алма-Ата.

Флюра Жирнова — трехкратная чемпионка СССР.

ПО МАТЕРИАЛАМ
ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

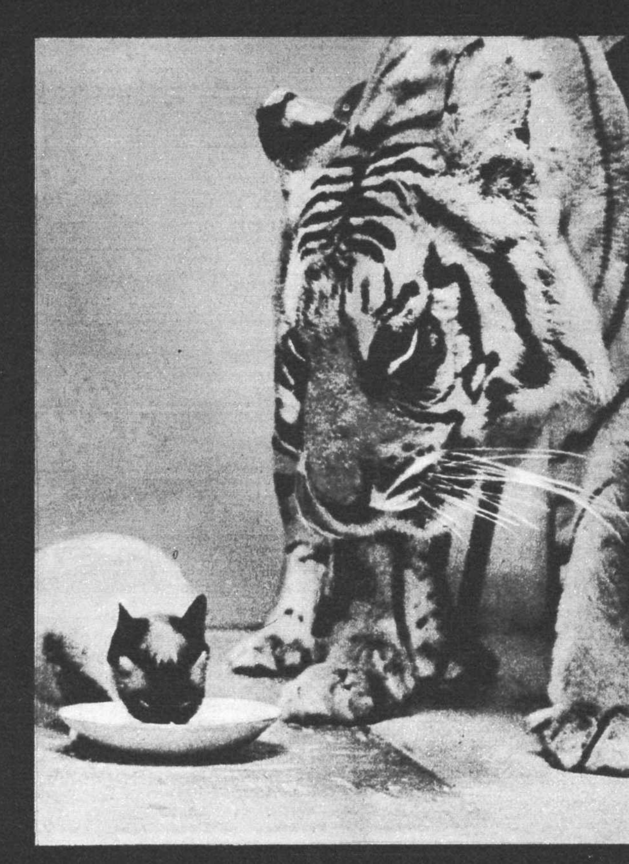
ЗМЕИНАЯ РЕКЛАМА

Семнадцатилетняя школьница из Малайзии Яп Ньюк Муи бесстрашно обращается с ядовитыми змеями. Ее мать занимается продажей китайских лекарств и мазей. Вместе они путешествуют по городам страны, показывая свое искусство укрощения змей. «Прохожих привлекают наши змеи, и они покупают лекарства»,— говорит Яп Ньюк Муи.

ПО КРУГУ

Такой круглый стол для игры в пинг-понг смастерили любители настольного тенниса в Новой Зеландии. На вращающемся столе установлено несколько сеток. Изобретатель игры профессор Арндт из Оклендского университета говорит, что за таким столом могут одновременно играть до сорока человек.

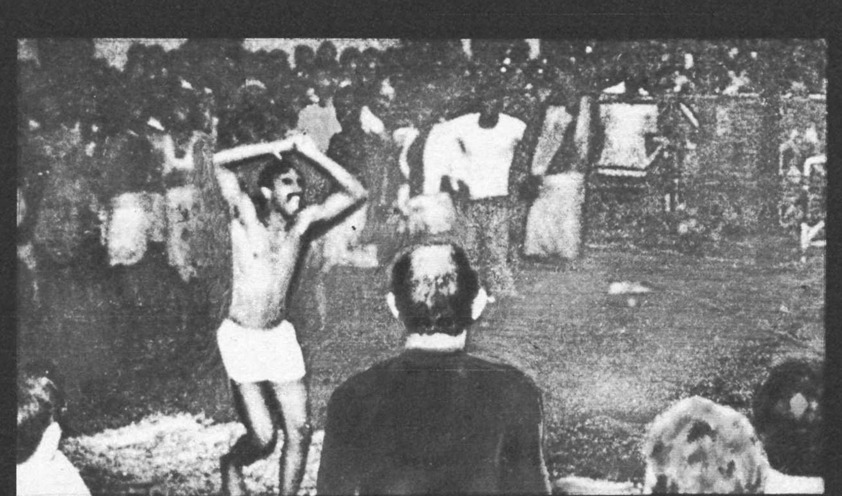

В ОЧЕРЕДИ

Недаром говорится: «Страшнее кошки зверя нет». С какой опаской могучий тигр дожидается своей очереди у плошки с молоком! Только останется ли глоток для него!

ФЕНОМЕН НАРОДНОГО ОБЫЧАЯ

Хождение босиком по раскаленным углям — народный обычай, который существует во многих странах, есть он и у индийцев. Истоки его — в далекой древности. Тот, кто проделывает подобное шествие, должен тщательно подготовиться. В течение двадцати одного дня до начала праздника он обязан принимать пищу только раз в день и спать на холодном голом полу. Во время представления молодой человек осторожно и не торопясь идет по горящим углям, выбросив над головой руки. Окружающие встречают идущего криком одобрения и музыкой. Как удается ходить по огненному ковру, остается тайной. Ученые не в силах сказать что-либо конкретное.

От встречи с иной Снегурочкой бросает в жар.

Увы, Новый год нередко быстро превращается в хорошо забытый старый.

Е. Тарасов

— Какое упрямство — настаивать на одном и том же.
— А именно?
— Мой сосед настаивает водку только на лимонной корке.

— Почему Витю считают самородком?
— Отец и мать не признают его за сына.

Б. Ростовский

Чтобы не выносить сор из избы, надо постоянно переезжать.

Заблудшие овцы — самые вкусные.

Проблемы возникают там, где их нет.

Чтобы пользоваться плодами заслуженной неизвестности, надо многого не совершить.

Запретные плоды всегда свежие.

Тьма тоже распространяется со скоростью света.

Если поставить другого на свое место, он станет неприятен.

Не влачите свое существование за собой!

Лучшее алиби — быть жертвой.

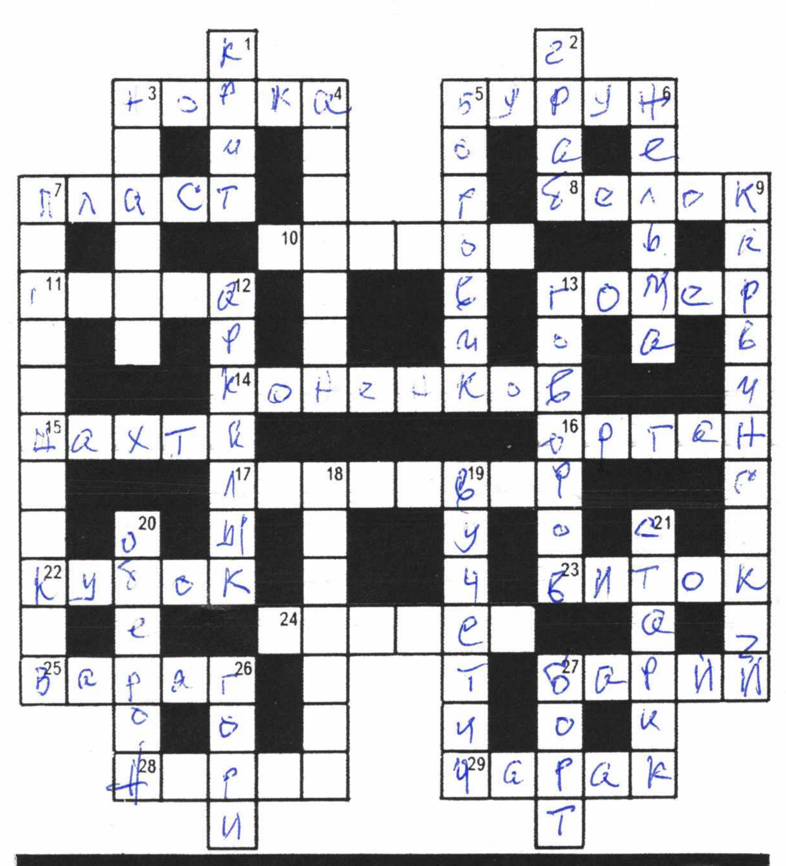
Если хочешь нажить врагов, живи!

Человек не с той буквы.

Не улучшайте породу троянских коней до бесконечности.

Фирма «Отец и блудный сын».

Г. Малкин

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Пушной зверек. 5. Пенистая волна. 7. Форма залегания горных пород. 8. Высокомолекулярное органическое вещество. 10. Причина определенного процесса, явления. 11. Приток Вишеры. 13. Легендарный древнегреческий поэт. 14. Скульптор, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. 15. Горнопромышленное предприятие. 16. Духовой клавишный инструмент. 17. Минерал, поделочный камень. 22. Приз в спортивных состязаниях. 23. Оборот космического корабля по орбите. 24. Озеро в Красноярском крае. 25. Русский героический крейсер. 27. Химический элемент, металл. 28. Герой поэмы А. С. Пушкина. 29. Река в СССР и Иране.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Остров в Средиземном море. 2. Лиственное дерево. 3. Публицистическое или научное сочинение в журнале, газете. 4. Охотничье ружье. 5. Съедобный гриб. 6. Крупная лососевая рыба. 7. Агрохимик, академик, Герой Социалистического Труда. 9. Польский композитор, автор мелодии «Варшавянки». 12. Областной центр в Казахстане. 13. Маршал Советского Союза. 18. Персонаж рассказа М. А. Шолохова «Продкомиссар». 19. Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда. 20. Спутник Урана. 21. Пьеса М. Горького. 26. Город в Абхазии. 27. Боковая стенка корпуса судна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. «Бродвей». 7. «Трактористы». 10. Шостка. 12. Секста. 14. Диона. 16. Графика. 18. Вокализ. 19. Куросио. 20. Спурт. 21. Титов. 22. «Индиана». 23. Пианист. 25. Новиков. 27. «Сокол». 29. Вьюрок. 30. Ожегов. 31. Лихенология. 33. Перевал.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Приклад. 2. Ядро. 3. Мелисса. 5. Приток. 6. Стукко. 8. Конферансье. 9. Страшимиров. 11. Молотилка. 13. Триптих. 15. Тихонов. 17. Акмит. 18. Волан. 24. Сербия. 26. Оленин. 27. Скрепер. 28. Лозовая. 32. Овен.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рождение еще одной семьи. Молодожены Людмила и Сергей Квочкины из колхоза «Пролетарский Октябрь» Белгородской области. (См. в номере материал «Зеленые сны зимы».)
Фото Б. Кузьмина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Музей-заповедник «Коломенское»: Фрагмент экспозиции народной резьбы по дереву XVII—XIX веков * Церковь Вознесения. 1532 год * Модель деревянного Коломенского дворца * Крестьянская бытовая посуда. XIX век * Домик Петра I. Кабинет * Проездная башня Николо-Корельского монастыря. 1691—1692 годы. (См. в номере материал «Чудо из чудес».)
Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

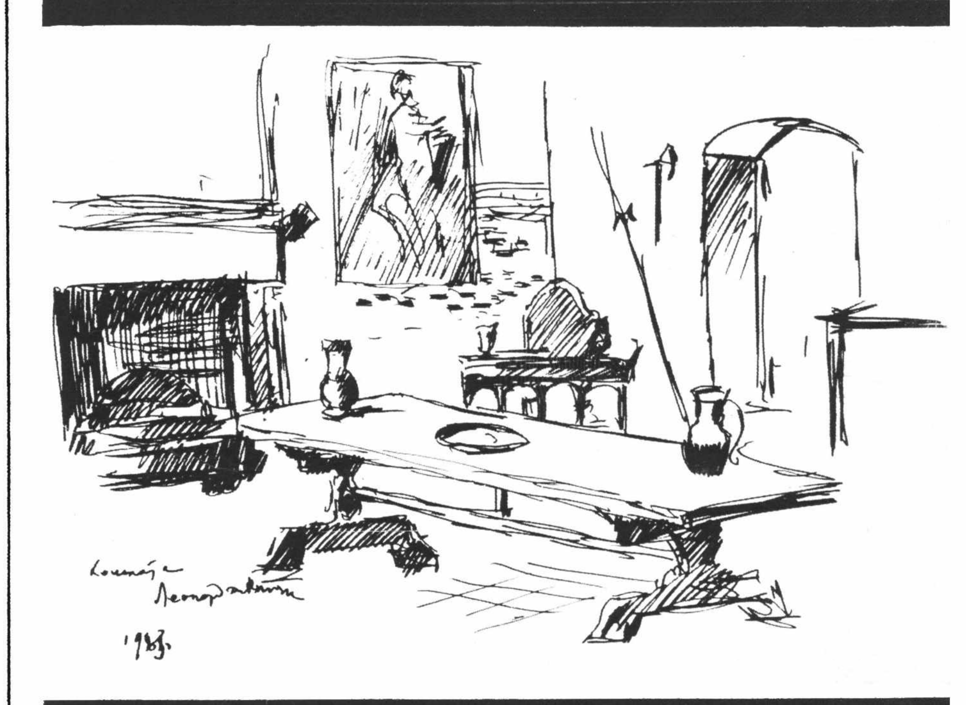
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 28.11.83. Подписано к печати 13.12.83. А 00764. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 779 000 экз. Изд. № 2967. Заказ № 1702.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВЫСТАВКА ВО ФРАНЦИИ

Во французском городе Лионе состоялась выставка народного художника СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, академика Дмитрия Аркадьевича Налбандяна.

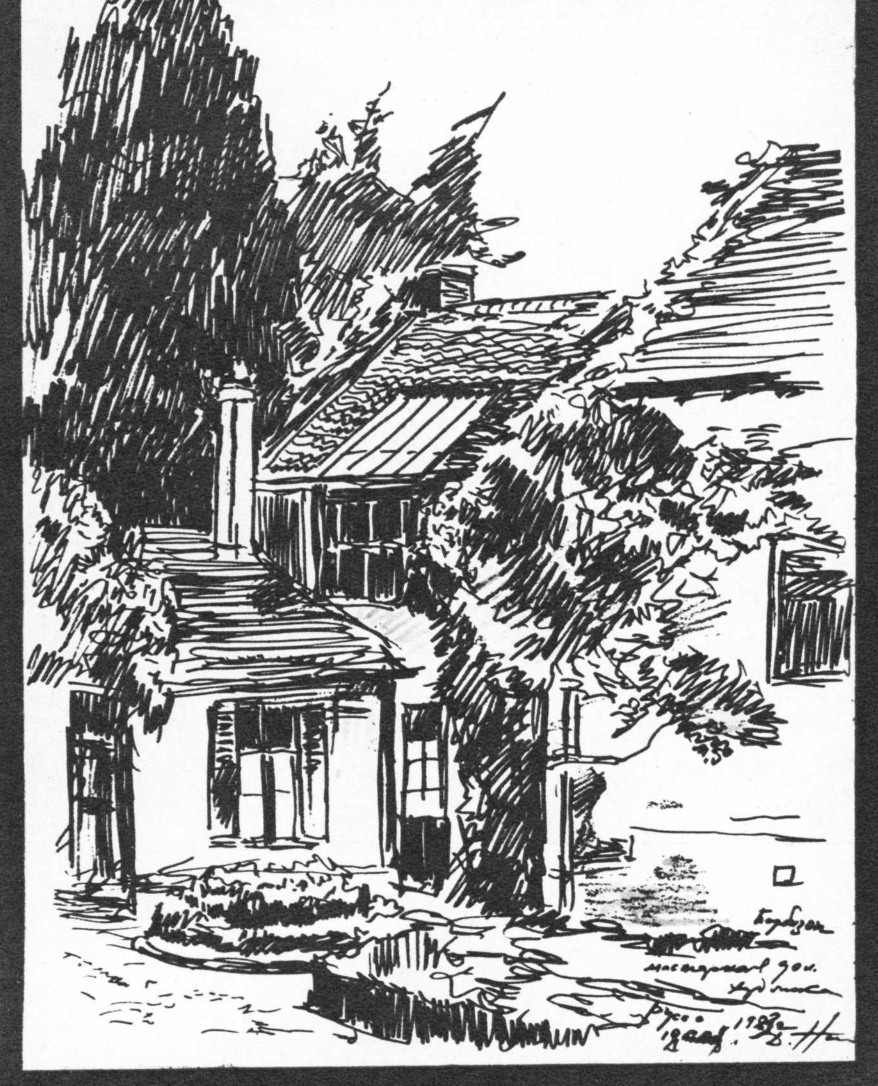
Комната Леонардо да Винчи в замке Клу.

В фойе городской ратуши были показаны шестьдесят две живописные работы, среди них «Красная площадь» и «Заседание президиума Академии художеств», натюрморты, «яркие и свежие красочные букеты», как писала газета «Лион матэн», пейзажи родной Армении, а также Италии, Испании, Индии и Франции, где художник путешествовал. Местная пресса отмечала, что Налбандян развивает лучшие традиции национального и мирового искусства, в том числе французской живописи конца девятнадцатого века.

На вернисаже сенатор-мэр города Франциск Колломб поблагодарил художника за интересную экспозицию и рассказал о давней дружбе, связывающей Лион и Минск. Подобная выставка, отмечали присутствующие, «подтверждает общее стремление к миру и является залогом дружбы между СССР и Францией». И это «в высшей степени актуально!».

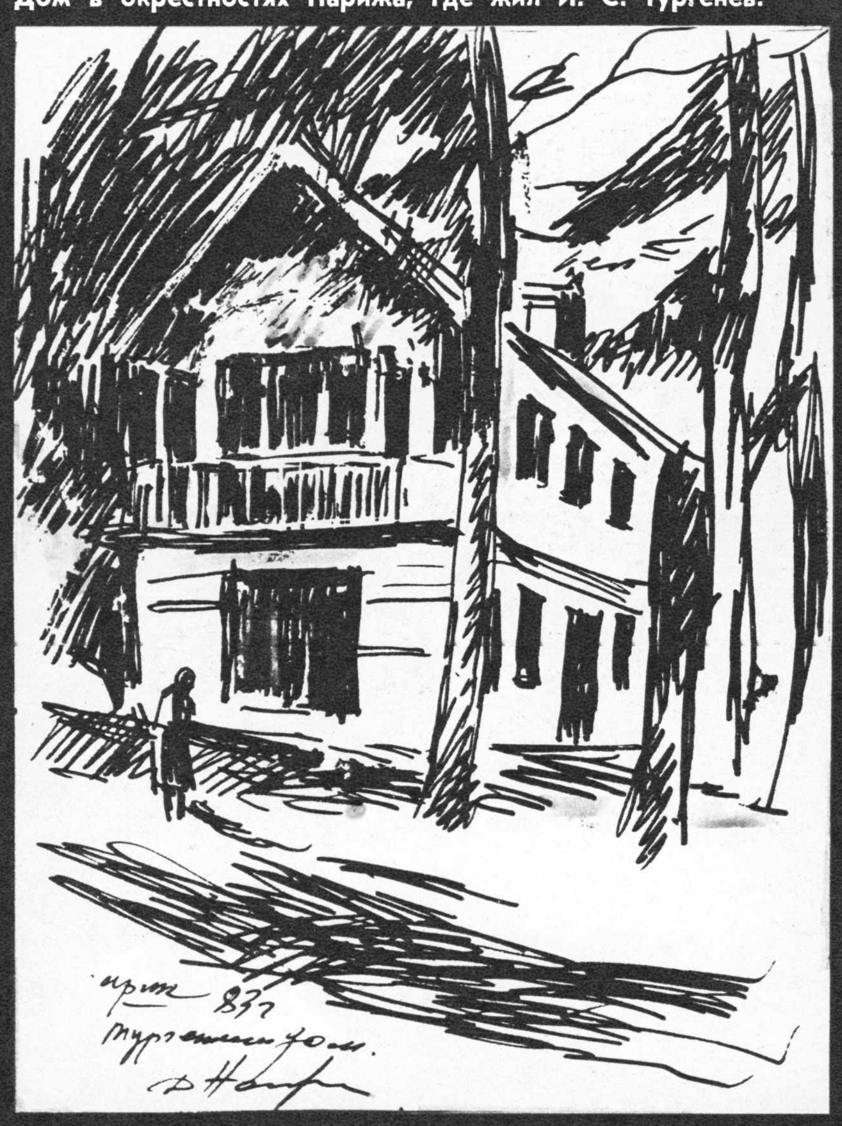
В те дни Д. А. Налбандян написал портрет сенатора-мэра Лиона Франциска Колломба.

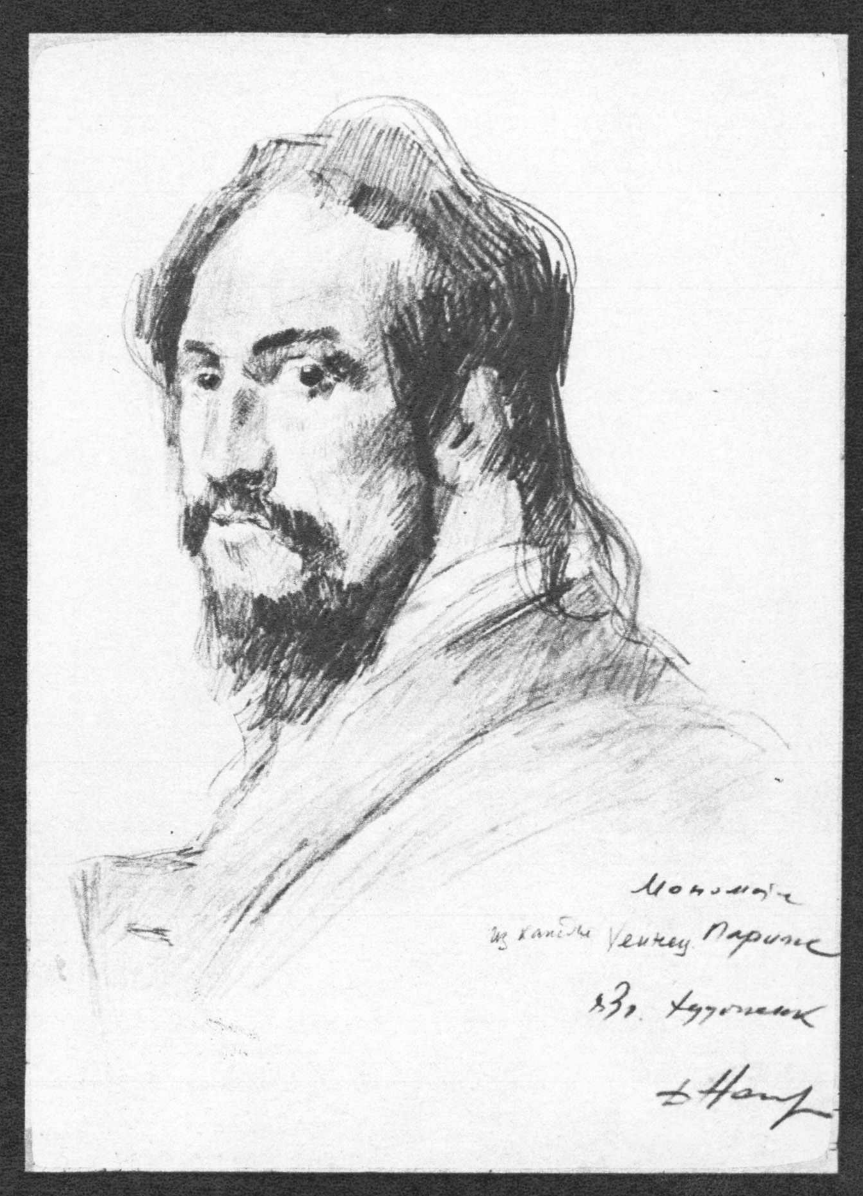
Сегодня «Огонек» публикует некоторые из рисунков, выполненных художником во Франции.

Барбизон. Мастерская художника Анри Руссо.

Дом в окрестностях Парижа, где жил И. С. Тургенев.

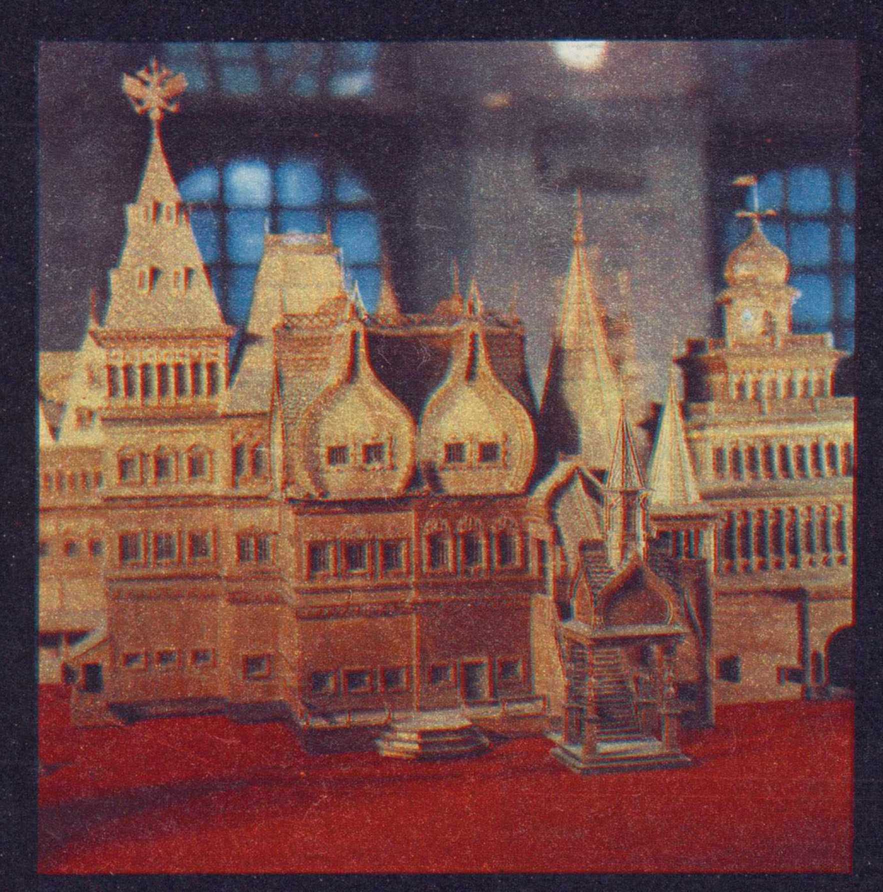
Канадский художник, встреченный на Монмартре.

Замок Клу; здесь великий мастер провел последние годы жизни.

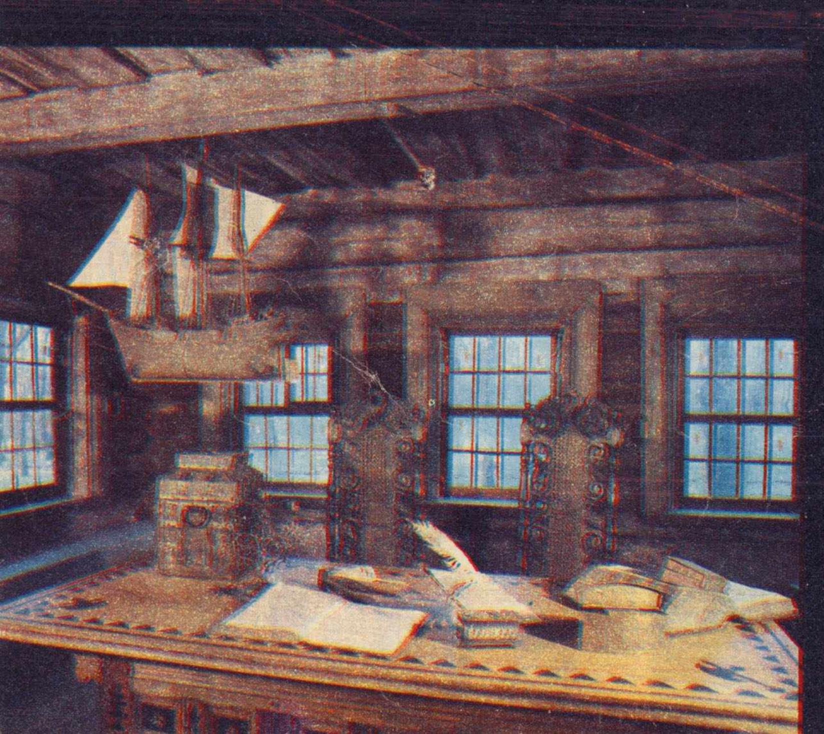

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663